Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

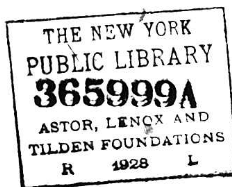
БОЛЬШЕВИК

№ 1 ИЮЛЯ 13

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 91883. Москва. Тираж 75.000.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а

К июльскому пленуму.

Все что было и есть в нашей партии хвостистского, антиленинского, все различнейшие оттенки социал-демократического уклона, все группировки и кружки, боровшиеся против партийной линии еще при жизни тов. Ленина и не прекращавшие этой борьбы и после его смерти,—все это сейчас выступает сплоченными рядами под знаменами оппозиционного блока. Шляпников и Сапронов, Зиновьев и Каменев, рабочая оппозиция, группа демократического централизма, т. н. «ленинградская» оппозиция 1926 года,—все это, об'единившись под идейной гегемонией Троцкого, снова делает судорожную попытку сорвать партийное единство, атаковать Центральный Комитет. Приспособляясь к условиям времени и места, этот антипартийный, полуменьшевистский блок рядится в левые одежды, пытаясь убедить других, а отчасти, быть может, и себя, что он критикует партию *слева*. Тщетные потуги! Партия достаточно выросла, чтоб понимать, что все находящееся «левее» коммунизма есть *правый* уклон, есть крен в сторону меньшевизма, сугубо опасный и сугубо вредный как раз потому, что маскируется левыми фразами. Партия прекрасно видит, что нынешняя платформа оппозиции, представляя продукт логического развития старых троцкистских «теорий», в то же время выражает собою не что иное, как давление на нас международной буржуазии и мелкой буржуазии нашей страны. Обострение борьбы с капитализмом в мировом масштабе, связанное с ним усложнение обстановки, возникновение новых специфических трудностей, вызывая на одном полюсе укрепление спаянности и единства подавляющего большинства партии, в то же время вносит деморализацию в ряды ее наиболее хвостистских и наименее ленинских элементов. «Революционная» поза, которую при этом пытаются принять представители последних, ровным счетом ничего не меняет в существе дела. Ликвидаторские капитулянтские тенденции, мелкобуржуазный хвостизм, глубокое неверие в революцию, полный отход от ленинских позиций,—вот что прет из каждого пункта, из каждого тезиса оппозиционной платформы.

Еще в 1922 году т. Троцкий утверждал, что «подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас невозможен» без по-

мощи *государственно-организованного* западно-европейского пролетариата. В 1925 году тт. Зиновьев и Каменев об'явили, что вследствие нашей «технической и экономической отсталости строительство социализма в нашей стране» невозможно. И, наконец, уже в самые последние дни, в «самоновейшем» оппозиционном документе, подписанном известным троцкистским экономистом В. М. Смирновым, Сапроновым и др., мы читаем:

«Техническая отсталость нашей страны и вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, является огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости переход к действительно социалистической организации производства без мировой социальной революции для нас невозможен».

Сколько бы ни кричала оппозиция о том, что она борется с опасностью национал-реформизма и «национальной ограниченности», для всякого очевидно капитулянтское, ликвидаторское существо этой установки. Троцкизм никогда не считал возможным осуществление гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству. Мнимо-«левой» фразою «без царя, а правительство рабочее» уже в 1905 г. прикрывалось неумение и нежелание вести крестьянство в бой, глубоко-оппортунистическое отрицание его революционных возможностей. И теперь, на новой полосе, повторяется та же ошибка. Троцкий, а вслед за ним и Зиновьев, и Каменев, и др., считают неразрешимой задачу вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, невозможным утверждение *руководящей* роли пролетариата в хозяйственном процессе. Троцкизм и теперь капитулирует перед мелкобуржуазной стихией, отрицает возможность ее преодоления, руководства ею, в силу очень странной аберрации видит верх «революционности» в том, чтобы оттолкнуть крестьянство к буржуазии, под ее влияние и под ее руководство. Отрицание возможности строительства социализма в нашей стране—отрицание, ставшее знаменем всего оппозиционного блока—есть отрицание возможности победы социалистических элементов над капиталистическими, есть отрицание существа и смысла всей нашей хозяйственной работы, есть утверждение устряловщины и кондратьевщины, есть перепев сменовеховских песен насчет того, что экономика СССР в эпоху нэпа—это, в тенденции и в основе своей, кулацко-капиталистическая экономика. Именно такая точка зрения и выражает давление на нас мелкой буржуазии, сказывающееся, между прочим, в идеологической капитуляции перед ней наименее устойчивой прослойки в нашей партии.

Верная своему основному тактическому приему—маскировать левыми фразами правое содержание—оппозиция клевещет на партию, утверждая, что теория строительства социализма в нашей

стране есть скат с позиций международной революции. Эта клевета получила уже должную и достаточную оценку со стороны всего Коммунистического Интернационала. Оппозиция не понимает—или притворяется не понимающей,—что победоносное строительство социализма в СССР является одним из важнейших элементов мирового революционного процесса, что пролетариат Советского Союза, зажатый в тиски кулаком и нэпманом,—пролетариат, который не в состоянии сам решать задачи, поставленные перед ним фактом его диктатуры, был бы «криком о помощи», обращенным к мировой революции, а не ее организующим центром. Утверждение, что теория строительства социализма в нашей стране есть скат с позиций мировой революции, может иметь какой бы то ни было смысл только в том случае, если *противопоставлять* СССР мировой революции. Именно так и поступают совершенно открыто соратники нашей оппозиции—Маслов, Фишер, Урбанс и К°.

Поэтому чрезвычайно двусмысленная позиция, занятая оппозицией в основном вопросе дня—в вопросе о военной опасности, далеко не случайна. Некоторые из оппозиционных лидеров докатываются до того, что «обвиняют» ЦК в том, что угрожающую нам войну—если она вспыхнет—он будет вести «как национальную, а не как пролетарскую». Глубокая внутренняя фальшь оппозиционной точки зрения на строительство социализма в нашей стране здесь прорывается с величайшей очевидностью. Что означает, что может означать противопоставление пролетарской и национальной войны там, где речь идет о стране диктатуры пролетариата? Подоплекой такого противопоставления может быть только отрыв, только противопоставление мировой революции и СССР, гнусная меньшевистская сплетня о «III Интернационале, как орудии советской дипломатии». Очень на первый взгляд «отвлеченные» и теоретические разногласия, быстрее, чем этого можно было бы ожидать, получили, таким образом, свою проверку на самом жгучем вопросе текущего момента. Потому что только тем, кому теория строительства социализма в нашей стране представляется отходом от мирового революционного движения, только тем может притти в голову противопоставление национальной и пролетарской войны в приложении к СССР.

А ведь вопрос о войне является сейчас центральным. Одна из основных задач коммунистов во всех странах заключается теперь в том, чтобы распространять, пропагандировать, закреплять в рабочих массах взгляд на СССР, как на единственное пролетарское отечество рабочего класса всего мира. И разве об'ективно не является срывом нашей подготовки к войне выступление людей, которые в такой момент, когда необходимее всего раз'яснять неразрывность СССР и мировой революции, один от другой хотят оторвать, один другой противопоставляют.

Накануне новой войны оппозиция изо всех сил кричит о нашем перерождении, о сползании с классовых рельс, о том, что наше государство далеко не пролетарское, о том, что мы предали китайскую революцию. Если брать серьезно всю эту истерическую клевету, то может стать понятным и противопоставление «пролетарской и национальной войны». Если СССР предал китайскую революцию, то почему международный пролетариат обязан защищать СССР? Если СССР переродился, перестал быть пролетарским государством, стал государством кулацким, то в каком, собственно, смысле он может быть рассматриваем как отечество международного пролетариата? И какое до него дело международному пролетариату?

Именно эти выводы и пытаются навязать западно-европейскому пролетариату, так наз. «ультра-левые», которые сами себя именуют, как известно, «рупором русской оппозиции». Во время казней ковенских коммунистов их газета «Mitteilungsblatt», регулярно печатающая неизвестно как попадающие к ней речи и статьи Троцкого, Зиновьева и других, писала следующее: «Товарищи, протестуйте против того попустительства, которое проявляет Советская Россия. Кровь коммунистов, казненных в Москве, падет на оппортунистов из Коминтерна и ЦК ВКП». Примерно, в том же тоне агитировала «Mitteilungsblatt» и после шанхайских расстрелов. Чем, как не натравливанием на СССР левых рабочих, является эта похабная клевета? Кем, как не агентами Чемберлена в левом рабочим движении здесь выступают Маслов, Фишер, Урбанс и пр., принятия которых обратно в Коминтерн тов. Троцкий требовал не далее, как на последнем пленуме ИККИ?

Ликвидаторское и капитулянтское существо оппозиционного блока ярко проявилось и в его установке по отношению к другому крупнейшему вопросу современности, к вопросу о Китайской революции. После долгих шатаний и увиливаний, после длительного периода, когда требования о выходе из гоминдана чередовались с патетическими заявлениями, что ча оппозицию клевещут, говоря будто она хочет выхода компартии из ГМД, после всего этого недостойного и мелкого двурушничества, оппозиционный блок, наконец, окончательно и откровенно самоопределился на платформе немедленного *выхода* из гоминдана, на платформе *немедленного* создания советов для борьбы с гоминданом. Старая троцкистская история: «Без царя, а правительство рабочее». «Левый» жест, на деле означающий капитуляцию перед Чан-Кай-Ши, отказ от борьбы за гегемонию в буржуазно-демократической революции, отказ от руководства движением крестьянства и мелкой буржуазии городов, самоизоляцию от масс, отход от активной, массовой революционной работы! Как бы ни были велики «муки родов» Китайской революции, ни Коминтерн, ни киткомпартия не потеряют головы и не позволят троцкистской фразе совлечь себя с ленинских позиций.

Оппозиционный блок самым недостойным образом пытается спекулировать на трудностях положения. Спекулируя на них, он их преувеличивает, односторонне выпячивает и намечает явно-пораженческую линию развития. Если уже в 1923 году троцкистская оппозиция вопила, что «страна приведена к гибели», то теперь ее «инвентарь» пополняется штампованными криками о «гибели» Китайской революции и о «крахе» Коминтерна. Измену Чан-Кай-Ши, которая была, конечно, поражением, но таким поражением, которое выражает переход движения на новую, *высшую* ступень развития, оппозиция изображала как катастрофу. Точно так же и общее соотношение сил революции и контрреволюции в мировом масштабе оппозиция передает в глубоко пессимистических, пораженческих тонах. На пленуме ИККИ т. Троцкий прямо заявил, что наши позиции сейчас значительно слабее, чем были в 1923 году. За истекшие годы, по его мнению, имели место одни поражения, при чем СССР не составляет исключения, так как и здесь с точки зрения оппозиции мы занимались лишь тем, что шаг за шагом сдавали завоевания Октября нэпману и кулаку.

Вряд ли есть надобность доказывать, насколько грубо недиалектичны и потому неверны все эти положения оппозиции. Мировая революция, правда, развертывается не по тем маршрутам, которые так охотно и в таком изобилии намечал для нее т. Зиновьев. Но это еще отнюдь не означает ослабления наших позиций в мировом масштабе. Победоносное строительство социализма в СССР—не ослабление. Огромный сдвиг в английском рабочем движении—не ослабление. И, наконец, Китайская революция, которая, несмотря на все зигзаги, несмотря на все частичные и временные поражения, охватывает все новые и новые миллионы трудящихся, в растущей мере потрясает самые основы колониального господства мирового капитализма!

Политические банкроты, ликвидаторы и капитулянты, многократно осужденные всей партией, всем Коминтерном, оппозиционеры свою ревизию ленинизма, свой скат в социал-демократическое болото, пытаются прикрыть неслыханно наглыми, неслыханно клеветническими выпадами *против* партии и Коминтерна. Оппозиция выступает теперь с развернутой теорией перерождения партии. В заявлении, зачитанном т. Троцким на пленуме ИККИ сказано:

> «Поражение германского пролетариата в 1923 г., поражение в Болгарии и Эстонии, поражение великих стачек в Англии, наконец, поражение китайского пролетариата не только усилили временно социал-демократию за счет комму-

нистической партии, но и усилили внутри коммунистической партии правое крыло за счет левого. ВКП не составляет исключения из этого международного процесса».

И в заключение совершенно мессианическая декларация: «Мы подготовляем завтрашний день. Мы ограждаем преемственность революционного большевизма».

Дело не в нелепой претенциозности этих слов. Дело не в том, что герои социал-демократического уклона изображают себя революционной солью мирового рабочего движения. Дело в том, что все эти заявления представляют собою совершенно открытую, ничем не прикрашенную *оссовщину*.

Лидеры оппозиционного блока—если называть вещи своими именами—уже открыто говорят *о двух партиях*, ставя Коминтерн на одну доску с социал-демократией. Дальше итти некуда. Никакие лицемерные вопли об единстве теперь не в состоянии уже замаскировать тот очевидный факт, что линия оппозиции есть линия *раскола*. Круг замыкается.

Разумеется, оссовщина оппозиционного блока отнюдь не случайна. Она является необходимым логическим выводом из всей концепции оппозиции. Если считать, что пролетариат не *может* руководить крестьянством, что конфликт между этими двумя основными классами советского общества неизбежен, то очевидно, что и в партии (поскольку она является *единственной* партией) этот конфликт должен найти свое отражение. Тому, что Ленин писал в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», оппозиция противопоставляет свое евангелие—Оссовского. И противопоставляет не только в теории, не только в декларациях и заявлениях, но и на практике.

Оппозиция стремится легализовать себя внутри партии как особую фракцию. По каждому решительно вопросу она противопоставляет партийной линии свою платформу.

Она не считает для себя обязательными никакие партийные решения. Она травит партию и Коминтерн, не брезгая никакими средствами и приемами. Все, что возможно было об'единить для атаки на ЦК, она об'единяет.

Мы указывали уже, что сейчас под знаменами оппозиционного блока выступают сплоченными рядами и Шляпников, и Сапронов, и Зиновьев, и Троцкий. За границей оппозиция имеет свой «рупор» в лице группировки, открыто и окончательно выродившейся в контрреволюционную, в лице ультра-левых. Сплачивая вокруг себя все, что есть антипартийного, антиленинского, полуменьшевистского в ВКП(б), блокируясь с открытыми ренегатами коммунизма: с Масловым, Фишер, Сувариным и др. им подобными за границей, оппозиция, готовясь к новой атаке на партию, пытается обеспечить себе поддержку и в беспартийных массах.

Ее демагогия по вопросам заработной платы, безработицы, налоговой политики, будучи абсолютно вздорной и бессодержательной по существу, никакого другого смысла, кроме натравливания на партию наиболее отсталых слоев рабочих, в частности и в особенности наиболее отсталых слоев безработного пролетариата, иметь не может.

Партия до сих пор проявляла максимум терпения по отношению к оппозиционному блоку. Несмотря на систематическую склоку на всех пленумах ЦК, конференциях, пленумах ИККИ, несмотря на «Авиаприбор» и «Путиловец», несмотря на циничное попрание собственного заявления от 16 октября, несмотря на все это партия ждала, что оппозиция честно подчинится ей. Последние выступления оппозиции—речь т. Зиновьева на беспартийном собрании против ЦК и ЦО, поведение т. Троцкого на пленуме ИККИ—показали, как далеко она откатилась уже от партии. Президиум ЦКК постановил внести предложение об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК. Июльский пленум ЦК и ЦКК будет решать, возможно ли еще дольше терпеть в рядах высшего партийного органа, в рядах руководящего штаба большевистской партии двух виднейших вождей и представителей социал-демократического уклона.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(*Статья четвертая*) [1].

Аграрный вопрос и социал-демократия.

Аграрный вопрос ставился и обсуждался социал-демократией всегда «по мотивам голосования». Ее идеологи никогда не ставили вопроса о крестьянстве, как о союзнике пролетариата, возглавляющего *борьбу всех эксплоатируемых против эксплоататоров*; они усматривали в крестьянстве лишь об'ект агитации во время предвыборных парламентских кампаний.

Вполне естественно, что в послевоенный период социал-демократы, претендующие на соучастие или даже определяющую роль в парламентском буржуазном правительстве, ставят вопрос о крестьянстве с большей остротой, чем прежде.

Многие социал-демократические политики так прямо и формулируют задачу, как составление аграрной программы для *«уловления» крестьянских голосов* [2].

Другие, думая о том же, пишут в высокопарных тонах.

«В порядке дня,—пишет В. Войтинский [3),—стоит борьба *за душу крестьянства*».

Высопарный социал-демократический журналист не прочь пококетничать фразеологией о «борьбе за социализм». Он прикрывает циничную ловлю крестьянских голосов рассуждениями о необходимости заинтересовать крестьянство особой аграрной программой *в целях проведения социализма*.

«Дилемма чересчур очевидна: при данной расстановке реальных сил всякое преобразование общественного строя силами пролетариата *против* крестьянства исключено; всякая попытка подобного преобразования, способная уничтожить сельскохозяйственные мелкие производства, встретит отчаянное сопротивление крестьянства; следовательно, *социализм* должен осуществляться в рамках ближайшего будущего в условиях сохранения *крестьянства*».

Но социал-демократические «благодетели» крестьянства не могут теперь никого обмануть этой фразеологией: проект аграрной

[1] В настоящем номере «Большевика» печатается ***первая*** часть этой статьи.

[2] Это дало основание Joh. Kretzen'у «возмутиться» цинизмом аграрных политиков социал-демократии и написать оппозиционную статью («Um Mittelstand oder Proletariat?», «Leipziger Volkszeitung», 1927, № 42), в которой он осуждает увлечение социал-демократии политикой «уловления» крестьянских голосов.

[3] «Proletariat und Bauerntum» von W. Woytinsky («Gesellschaft», 1926, Band I).

программы [1], подготовленный к Кильскому с'езду социал-демократии и в основном принятый этим с'ездом, от начала до конца пропитан духом борьбы за укрепление *капитализма*, за пропаганду специфически *буржуазных* лозунгов.

Один из видных участников комиссии, подготовившей проект аграрной соц.-дем. программы, Hans Krüger [2], еще в 1924 году возвещал, что программа будет включать и частичные требования и *общую перспективу*.

«Обсуждение аграрного вопроса на партейтаге в Берлине (1924 г.) не отвечало значению вопроса. Тем более должна выделенная партейтагом для выработки аграрной программы комиссия позаботиться о том, чтобы программа была в состоянии удовлетворить как практическим потребностям дня, *так и великим тенденциям развития, которые воплощаются социал-демократией*».

Теперь программа налицо. Но самой главной особенностью этой «социалистической» программы, которая пишется не в «органический», а «критический» период капиталистического развития, в эпоху социалистических революций, является то, что в ней *нет ни звука о борьбе за социализм, о путях перехода деревни к социализму*. Вот вам и «великие тенденции развития, которые воплощаются социал-демократией»! К. Каутский, склонный не соглашаться с рядом основных положений проекта программы, тем не менее не видит ничего предосудительного в том, что социал-демократическая аграрная программа оказывается без социализма. Он даже возводит этот «недостаток» в «достоинство».

«Однако, нет никакой необходимости в том,—утверждает он [3],—чтобы мы уже теперь определяли формулировки социалистической аграрной программы. Мы можем пока ограничиться программой действия на ближайшее время.

Мы не можем сегодня сказать, когда мы будем в состоянии настолько овладеть индустрией, чтобы социализация сельского хозяйства стала необходимостью. До тех пор может утечь много воды; до тех пор мы можем приобрести много новых представлений, до тех пор в сельском хозяйстве могут возникнуть различные новые производственные формы, которые позволят нам яснее осознать наши задачи».

Несомненно, Каутский здесь верен себе. О каких социалистических перспективах в сельском хозяйстве могут говорить политики, которые полагают, что «хозяйственная демократия», долженствующая приблизить индустрию к социализму, будет осуществляться столетиями?

Но тогда так и надо честно заявить, что никакого социализма в этой программе нет и что социалистической она называется по недоразумению. «Неловкость» положения чувствуют даже некоторые социал-демократы, которые, правда, не осмеливаются сделать из своих *критических* оценок революционного *позитивного* вывода.

[1] [2] «Sozialdemoctratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger. («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

[3] «Der Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» von K. Kaytsky. («Leipziger Volkszeitung», 1927, № 68).

Ряд ораторов на окружном социал-демократическом партейтаге в Лейпциге, в начале марта 1927 года, прямо характеризовали проект аграрной комиссии, одобренный Центральным Комитетом с.-д. партии Германии, как *буржуазный документ*, под которым без лицемерия и конфуза могут подписаться и политические представители капитала (выступления Liebman'a, Krause, Schön'a и др.).

> «Если бы мы,—заключал, например, с.-д. Krause,—приняли и провели этот проект, то мы обеспечили бы только новую *эксплоатацию*».

Никаким социализмом программа не пахнет,—это признают сами социал-демократы, при чем лишь некоторые из них видят в этот минус, а большинство констатирует сие даже с гордостью (в роде, напр., Каутского, критикующего проект «слева»).

Что будет в сельском хозяйстве при социализме и как притти к социализму—это для социал-демократов вопрос праздный, «академический»,—его разрешением-де пусть занимаются «фантазеры». Лишь один большой вопрос авторы проекта аграрной программы поставили *в перспективу—это вопрос о судьбах мелкого производства в сельском хозяйстве в условиях капиталистического развития.*

Если об отношении мелкого производства к социализму в социал-демократической программе умалчивается, то капитализм размалевывается как общественная система, обеспечивающая существование и прогрессивное развитие мелкого крестьянского производства в сельском хозяйстве. Ревизионизм торжествует полностью и здесь.

Еще на Берлинском с'езде социал-демократии, в 1924 году, официальный докладчик на тему: «Die Sozialdemokratie und die Landwirtschaft» Wilgelm Helling прямо заявил; что наиболее верную оценку тенденций развития социально-экономических отношений в сельском хозяйстве дали ревизионисты [1]).

> «Аграрная социалистическая литература,—сказал он,—обогатилась в последнее время ценным трудом д-ра Давида «Социализм и сельское хозяйство» [2]). Эта книга оценивает развитие последних десятилетий и встречает, благодаря своему ясному фактическому содержанию, признание даже у наших политических противников (еще бы! *А. С.*)... Теория о естественно неизбежном упадке сельскохозяйственного мелкого производства показала себя несостоятельной и, между прочим, главным образом, потому, что производственно-техническое развитие в сельском хозяйстве протекает совсем иначе, чем в индустрии».

Это заявлял *официальный* докладчик социал-демократии на с'езде в 1924 году.

На имевшем место в этом году Всегерманском социал-демократическом партейтаге в Киле основным докладчиком программной комиссии был Fritz Baade, который в этом вопросе, в общем и целом, стоит на точке зрения ревизионистов.

[1]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1924. Protokoll», Verlag Dietz Nachfolger, стр. 155.

[2]) Речь идет о новом дополненном издании старой, известной читателю и подвергшейся в свое время критике со стороны К. Каутского, ревизионистской работе Давида.

В своей статье «Основные линии социал-демократической аграрной программы» он «опровергает» Маркса, приписывая ему предсказание, «что в сельском хозяйстве точно так же, как в индустрии, благодаря внутренним законам развития капиталистического общества, будет иметь место процесс *автоматической* централизации, поглощения мелких предприятий большими...» [1]).

В реферате на Лейпцигском окружном партейтаге (март 1927 год) [2]), обосновывая проект аграрной комиссии, Fr. Baade солидаризируется в вопросе об условиях развития мелкого производства при капитализме с Давидом, который, кстати сказать, тоже являлся членом комиссии, вырабатывавшей аграрную программу.

> «Каутский представлял,—читаем мы в его реферате,—ту точку зрения, что в сельском хозяйстве происходит развитие параллельное индустриальному развитию и что мелкое производство перемалывается крупным. Отношение социал-демократии к аграрным вопросам перед войной устанавливалось отнюдь не с практической точки зрения. Как безусловный практический прогресс, следовало бы отметить утверждение Давида о том, что крупное производство не представляет превосходства по сравнению с мелким».

В самый последний момент перед Кильским с'ездом по сему вопросу высказался Гильфердинг. Этот «скромный» человек, считающий себя лучшим мастером марксова метода безапелляционно заявляет [3]):

> «Как раз применение марксова метода показывает, что закон концентрации не имеет для сельского хозяйства никакого значения».

Характерно, что никакого *конкретного* применения марксова метода в статье Гильфердинга не дано. Совершенно естественно, что идеологи современной социал-демократии заимствуют у «старого» ревизионизма не только выводы и общие положения, но и аргументацию.

Марксизм «ревизуется» авторами аграрной программы потому, что:

1) действительность за ряд десятилетий с очевидностью доказала неверность якобы выдвинутого К. Марксом положения о том, что в области сельского хозяйства процесс концентрации происходит *точно так же* («ebenso»), как в промышленности, т.-е. «автоматически»;

2) как выразился вслед за Давидом на социал-демократическом партейтаге 1924 года докладчик Helling, «индустриальное производство благ есть механический, сельскохозяйственное производство—органический процесс. В индустрии работают с мертвым, в сельском хозяйстве—с живым материалом» [4]);

3) германская статистика *самого последнего* времени,—правда, все ссылаются на уже устаревшие данные 1907 года: более

[1]) См. «Richtlinien für ein sozialdemokratisches Agrarprogramm» von Fritz Baade. («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

[2]) См. «Leipziger Volkszeitung» 1927 г. № 56.

[3]) «Theoretische Bemerkungen zur Agrarfrage» von Rudolf Hilferding («Die Gesellschaft», 1927, Mai-Heft»).

[4]) «Sozialdemokratischer Parteitag 1924, Protokoll». Verlag Dietz Nachfolger Berlin, 1924, стр. 156,

поздних систематических данных нет,—якобы доказывает, что мелкое производство в сельском хозяйстве вытесняет крупное[1]).

Сущность этих аргументов стара так же, как стар ревизионизм, именно эти аргументы опровергал—и довольно удачно—в свое время К. Каутский, отражавший в споре с ревизионистами воззрения большинства тогдашней социал-демократии.

Но «иные времена, иные песни». Аграрная программа социал-демократии представляется *теперь* ревизионистами, буржуазный характер теоретических и политических позиций которых был очевиден *прежде* почти для всей германской социал-демократии.

На попытку приписать Марксу—относительно капитализации сельского хозяйства—то, чего он никогда не утверждал, отвечал когда-то Каутский и с особенной ясностью отвечал Ленин.

Критикуя «российского Давида», Булгакова, Ленин писал в начале XX века:

> «Ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований... Сменяются периодами прогресса на данном техническом основании... Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. *Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы*».

Критикуя рассуждения Давида об «органическом» характере развития сельского хозяйства, Ленин, в первую очередь, подчеркивал *общественные условия*, которые тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве.

> «Консервативность сил природы» есть просто словесная увертка реакционного мещанства, неспособного понять *общественные* условия, *тормозящие особенно развитие сельского хозяйства*. Давид обнаруживает непонимание того, что к этим *общественным* условиям принадлежат, во-первых, остатки феодализма в земледелии, неравноправность батраков и т. д. и т. п., а, во-вторых, *поземельная рента*, которая вздувает цены и *закрепляет* высокие ренты *в цене земли*».

И Маркс и его истинные последователи не отрицали своеобразия развития сельского хозяйства. Но указывая на это своеобразие, на *замедленность темпа капиталистического развития* в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, революционные марксисты твердо стояли и стоят на той точке зрения, что в условиях развитого индустриального капитализма сельское хозяйство не «точно так же», как в промышленности, не «автоматически», но, при всем своеобразии своего развития, неизбежно подчиняется *основным* законам развития капиталистической общественной системы, в том числе и закону вытеснения мелкого производства крупным.

[1]) См. «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger («Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band).

Что касается «органического» характера развития сельского хозяйства, в противоположность «механическому» развитию промышленности, то беспомощность и наивность этой аргументации ясна даже критикам проекта программы из социал-демократического лагеря, у которых по частным поводам иногда появляются проблески марксистской «совести».

Социал-демократ Gurland [1]) совершенно резонно отмечает, что утверждение авторов проекта аграрной программы, будто «в сельском хозяйстве в *противоположность индустрии*, рядом с передовыми предприятиями могут сохраняться также и отсталые предприятия»—предполагает наличие в сфере сельского хозяйства «специфических факторов, которые ограничивают действие капиталистических законов рынка».

> «Но,—заключает автор,—видеть эти факторы в «естественной ограниченности плодородия земли» и в «невозможности неограниченно повышать производительность на данной площади»—нет никаких оснований. Потому что здесь нельзя обосновать никакого различия от индустриального развития. «*Естественная ограниченность*» *действительна столь же для сельского хозяйства, сколько для сырья индустриального производства*».

Аргументы Gurland'а тоже не новы, но они безусловно верны. Так возражали «ортодоксальные» социал-демократы ревизионистам очень давно и не получили на это возражение сколько-нибудь обоснованного и убедительного ответа.

Относительной новизной отличаются лишь доводы современных ревизионистов от статистики 1907 года. Но и здесь внутрипартийные оппозиционеры не плохо разоблачили официальных теоретиков и политиков социал-демократии.

В статье «Мелкие предприятия в сельском хозяйстве» Joh. Kretzen [2]) великолепно разоблачил Бааде и др. социал-демократических «аграриев», упирающих на жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства в условиях капитализма. Kretzen подошел к сравнительным статистическим данным 1882, 1895 и 1907 гг. с методом дифференцированного анализа и доказал, что эти данные свидетельствуют о росте обнищания в среде мелкого крестьянства.

Автор, прежде всего, выделил категорию карликовых хозяйств (Zwergbetriebe), обладатели которых имеют каждый меньше 50 аров [3]). Более 2 миллионов этих карликовых хозяйств владели в 1907 году всего 1,13% совокупной сельскохозяйственной площади Германии. Количество карликовых хозяйств значительно выросло с 1895 по 1907 год. В 1895 году их было 1.852.917, а в 1907 году 2.084.060, т.-е. налицо прирост в 231.143 предприятия. 96% этих хозяйств не являются основным средством существования для своих обладателей, живущих главным образом на побочные заработки (преимущественно наемный труд).

[1]) «Landwirtschaftliche Produktionspolitik» von Gurland, «Leipziger Volkszeitung», 1927, № 71.

[2]) «Die Kleinbetriebe in der Landwirtschaft. Zur Kritik des Agrarprogramms-Entwurfes» von Joh. Kretzen, «Leipziger Volkszeitung» № 51.

[3]) Ар—сотая часть гектара; гектар немного меньше нашей десятины.

Рост подобных хозяйств означает рост полунищенских элементов крестьянства, а не является показателем успехов мелкого предприятия в условиях капитализма.

Весьма характерно, что число обладателей карликовых хозяйств, получающих от этих хозяйств *основной* доход, упало с 1895 года к 1907 году на 31.501 (при чем в 1907 году процент этих хозяйств не превышал 4% всей суммы карликовых хозяйств).

«Другими словами,—справедливо резюмирует эти данные о карликовых хозяйствах Kretzen,—карликовое предприятие потеряло значение как основа существования. Что-то нельзя заметить ничего, свидетельствующего о «достойной удивления жизнеспособности» г-на Бааде» [1]).

Переходя к второй группе, которая обнимает мелкие крестьянские хозяйства с земельными владениями от 50 аров до 3 гектаров, автор констатирует значительное сокращение числа хозяйств с 1895 г. по 1907 г. (1895 г.—1.831.783; 1907 г.—1.722.847; т.-е. уменьшение на 108.936) и сокращение процента обрабатываемой ими земли с 7,84 до 7,62% всей сельскохозяйственной площади.

Некоторый прирост числа хозяйств имел место с 1895 г. по 1907 г. в группе владеющих от 3 до 5 гактаров, но этот прирост весьма незначителен (с 567.985 до 577.879).

В итоге же получается, что мелкое крестьянское производство оказалось с 1895 г. по 1907 г. значительно «вымытым» процессом капиталистического развития.

Картина становится особенно ясной после данных о «самостоятельности» и «побочных занятиях» крестьян. Из этих данных следует, что в крестьянских хозяйствах до 5 гектаров, с 1895 по 1907 г., число «самостоятельных» сократилось почти на 10%, а число хозяйств «с побочными занятиями» соответственно абсолютно и относительно выросло, из чего следует, что роль сельского хозяйства, как *основного* источника существования мелкого крестьянства, все больше и больше уменьшается.

Таким образом, все доводы ревизионистских обоснователей аграрной программы не стоят выеденного яйца. Ничего убедительного и нового они не сказали.

Но если позиция социал-демократов в этой области не представляет особого интереса с *научной* точки зрения, то она представляет значительный интерес с *политической* точки зрения.

Социал-демократы решили взяться серьезно за привлечение крестьянства на свою сторону, за вербовку крестьянства под желтые знамены социал-реформизма.

В эпоху, для которой характерна борьба пролетариата за власть против «загнивающего» капитализма, нельзя вести никакой агитации, никакой пропаганды среди различных общественных слоев без ясного, недвусмысленного ответа на вопрос: как нужно оценить современный капитализм, какова его роль, как влияет развитие капитализма на положение данных общественных слоев?

И социал-демократы уверяют крестьянство, что *капитализм обеспечивает возможности развития мелкого производства в сельском хозяйстве.*

Распуская перед пролетариатом соглашательские «хозяйственно-демократические» слюни, идеологи социал-демократии убеждают теперь и широкие массы крестьянства в том, что развитие капитализма сулит им не разорение и нищету, а хозяйственный под'ем и успехи в борьбе с крупным производством.

[1]) Там же.

Социал-демократы выступают с этой *оппортунистической утопией* потому, что они *стремятся завоевать крестьянство на сторону капитализма, на сторону буржуазии.* Именно в этом заключается *политический смысл* их рассуждений о блестящих перспективах развития мелкого производства в условиях господства капитала.

Они стремятся подчинить крестьянство буржуазному влиянию; они культивируют в крестьянских массах преклонение перед капиталистическим государством, они пытаются доказать, что буржуазное государство может улучшить положение мельчайшего, мелкого и среднего крестьянства.

Вместо того, чтобы показать, что современный капитализм несет для крестьянства высокие налоги, дорогие промышленные товары и готовит новые войны; вместо того, чтобы показать крестьянству, как и почему буржуазное государство охраняет интересы крупного землевладения,—социал-демократы предлагают крестьянству доверить свою судьбу империализму, якобы способному, долженствующему и желающему помочь крестьянству.

Весь проект программы—от начала до конца—проникнут апологией буржуазного государства. Буржуазное государство может и должно поднять производительность в сельском хозяйстве; оно должно и может наделить малоземельное крестьянство землею; оно должно и может стать на защиту интересов мелкого арендатора против земельных магнатов; оно путем регулирования хлебных цен обеспечит нормальные условия развития крестьянского хозяйства; оно защитит сельского пролетария от капиталиста...

Социал-демократическая «борьба за душу крестьянства» означает на деле борьбу за подчинение крестьянства буржуазному влиянию, за культивирование авторитета буржуазного государства, за усиление мелкобуржуазных иллюзий в целях упрочения капитализма. Проект аграрной программы социал-демократов проникнут духом именно *этой* борьбы.

* * *

Проект программы заключает в своей общей части положение о живучести мелкого производства в сельском хозяйстве. В различных разделах программы говорится, далее, о необходимости помочь этому мелкому производству, т.-е. мелкому и среднему крестьянским хозяйствам.

Но только весьма наивный и несерьезный человек может поверить на этом основании тому, что социал-демократы действительно стоят на страже интересов трудящегося крестьянства.

Мы уже отмечали, что сам факт перехода на почву ревизионизма в вопросе о перспективах мелкого сельскохозяйственного производства при капитализме означает не защиту интересов крестьянства, а обман крестьянства в интересах буржуазии.

Авторы проекта преступно замалчивают тот факт, что мелкое производство—там, где оно устояло в борьбе против крупного,—держится только благодаря усиленной затрате труда, только пу-

тем несравненно большей, чем в крупном производстве, интенсивности труда, только путем исключительной напряженности рабочей силы и самого хозяина и всей его семьи.

На это обстоятельство в свое время указывали Каутский и другие теоретики социал-демократии; теперь этот факт величайшего социально-экономического значения *замалчивается*.

Замалчивается то, что мелкий и средний крестьянин удерживал и удерживает свою «самостоятельность» в условиях господства капитализма только путем эксплоатации своей рабочей силы и эксплоатации своей семьи, что его прибавочный продукт переходил и переходит, как правило, в руки помещика и капиталиста.

Замалчивается тот факт, что видимая «самостоятельность» прикрывает в этом случае отношения эксплоатации.

Рисуется идиллия там, где господствуют в особых, своеобразных формах грубые законы капиталистической эксплоатации.

Но, может быть, делая эту «ошибку» в области *оценки отношений*, социал-демократы в *практической* части программы намечают мероприятия, обеспечивающие радикальное изменение отношений, реальную и серьезную помощь мелкому производству?

Увы! Главным принципом проекта программы отнюдь не является помощь мелкому эксплоатируемому крестьянству.

Все вопросы аграрной реформы социал-демократы подчиняют задаче *поднятия производительности сельского хозяйства в настоящих условиях капиталистического господства*.

Их забота есть забота о сохранении и обеспечении равновесия теперешней *капиталистической системы экономических отношений*.

Определяя принцип аграрной программы социал-демократов, Отто Браун пишет [1]):

> «Их программа и их деятельность в этой важной области должны быть направлены на обеспечение высшего дохода нашей отечественной земле, чтобы тем самым *обеспечить пропитание нашего народа и смягчить хозяйственную и политическую зависимость немецкого народа от заграницы*».

Достаточно одного взгляда на эту «установочку», чтобы понять, что социал-демократы кладут в основу своей программы *буржуазный* принцип.

Вместо разрешения вопроса под углом зрения борьбы пролетариата за социализм социал-демократы склоняются к принципу непрерывного содействия «нормальному» капиталистическому развитию.

Обеспечить «хозяйственную и политическую независимость немецкого народа»—разве не это об'являлось исходным тезисом германской буржуазии, которая прикрывала и прикрывает фразеологией о «народе» свою империалистическую политику?

Разве теперь, когда капиталисты «рационализируют» производство путем повышения нормы эксплоатации пролетариата, они не говорят об обеспечении «хозяйственной и политической независимости немецкого народа» посредством «повышения производительности»?

---

[1]) «Landhunger, Bodenverbesserung und Siedlung», von Otto Braun, «Die Gesellschaft», 1924, Erster Band.

Но *как* же хотят гг. социал-демократы поднять производительность в сельском хозяйстве, *как* они заботятся о благе «немецкого народа»?

На *кого* они ставят ставку в *социальном* отношении? *Кто* скрывается под этим флажком «народ»? *Буржуазная* постановка вопроса не может не повлечь за собой *буржуазного* ответа на вопрос.

Правда, некоторые социал-демократы на минутку склонны отнестись критически к своей же постановке вопроса, но только на минутку, чтобы затем целиком и полностью скатиться к буржуазным позициям.

Так, Hans Krüger пишет [1]):

> «Мы должны не только рассматривать производство и обеспечение благ само по себе, но и поставить в поле внимания общие формы жизни и условия жизни производителей; *мы должны в конечном счете спросить не только о том, какие условия производства обещают высший доход с чисто частнохозяйственной точки зрения, но и какие условия являются наиболее удовлетворительными с точки зрения социально-политической*».

Это сказано не плохо. Однако, все сие говорится только «для отвода глаз». Ибо дальше автор скатывается именно к буржуазно-технической постановке вопроса, не понимая того, что даже с технической точки зрения, если она понимается по-марксистски, отнюдь не должно следовать реформистское разрешение аграрного вопроса.

Разве революционная экспроприация крупного частного землевладения (без всякого выкупа), разве развитие крупных социалистических, коллективных хозяйств на место частнокапиталистических, с одной стороны; разве раздел плохо обрабатываемых помещичьих земель между бедными и средними трудящимися крестьянами, с другой стороны [2]),—не послужат стимулом к поднятию производительности труда на основе технического прогресса?

Конечно, здесь нельзя путать периода строительства с периодом гражданской войны.

Гражданская война, революционная борьба за средства производства, несомненно и обязательно сопровождается временным упадком производства, но этот временный упадок производства обеспечивает *небывалый под'ем* после закрепления революционных завоеваний. Горе-социалисты избрали другой, «спокойный» путь, путь непрерывного движения по буржуазным рельсам, движения, которое—неизвестно почему и неизвестно когда (иные прямо говорят: через ряд столетий)—должно привести, по утверждениям социал-демократов, к социализму.

Аграрная программа социал-демократов есть, прежде всего, часть общей программы капиталистической рационализации технико-экономических и социальных отношений, программы *буржуазной по своим принципам*.

---

[1]) «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

[2]) Все сие, несомненно, может быть проведено *только* диктатурой пролетариата.

После громких социал-демократических фраз о помощи мелкому производству и о социально-политическом подходе к аграрному вопросу «реалистический пацифист» Гильфердинг выступает непосредственно накануне Кильского съезда в мае 1927 г., с «разъяснением», в котором он, прежде всего, утверждает, что требование «поднятия сельскохозяйственной производительности», выдвигаемое социал-демократами, отнюдь нельзя рассматривать как «крестьянскую программу».

> «Так же мало,—заявляет Гильфердинг [1],—здесь идет речь о сохранении отсталых, обреченных на гибель производственных форм... *Мы имеем, таким образом, только выбор между плохо руководимыми и плохо поставленными в хозяйственном отношении, отсталыми—и технически и организационно прогрессивными предприятиями»...*

Гг. Гильфердинги забыли здесь о «малости»—они закрыли глаза на социально-экономические условия развития различных предприятий и свели все дело к технико-организационным критериям.

Что в условиях господства капитализма крупное производство, располагающее экономическими данными для победоносной конкурентной борьбы с мелким производством, *неизбежно* сильнее последнего,—об этом апостолы «рационализированного» капитализма молчат.

Они помалкивают и относительно того, что крупные землевладельцы располагают в данных условиях неизмеримо большими возможностями технико-организационного прогресса, чем мелкий, средний и даже крупный крестьянин.

Из этого нельзя делать вывода, что социал-демократы последнего *не понимают. Главное направление реформ,* намечаемых социал-демократами относительно сельского хозяйства, есть ориентация на помещика, как частью действительного, частью потенциального социального носителя технически и организационно прогрессивного хозяйства.

Программа говорит о необходимости земельной реформы. Но, во-первых, она предполагает не конфискацию части помещичьих земель, а покупку этой части государством; речь идет, таким образом, о реформе, долженствующей обеспечить *помещикам капитал,* необходимый для «рационализации» их хозяйства.

Во-вторых, предполагаемая проектом передвижка земель к «лучшему хозяину» имеет в виду в качестве этого лучшего прежде всего помещика, вступившего на путь капиталистического предпринимательства.

«Нерадивый» помещик предупреждается, что у него могут подвергнуть принудительной продаже и полагающиеся ему по проекту 750 гектаров (предельная норма владения), если он не захочет «рационализироваться».

> «Владельцы,—гласит 9-й пункт первого раздела проекта программы,—которые упорно отказываются содержать свою землю *рационально...* должны быть временно или на

[1]) «Theoretische Bemerkungen zur Agrarfrage» von R. Hilferding. «Die Gesellschaft». 1927, Mai.

> продолжительное время отстранены от хозяйствования в своих предприятиях» [1]).

С другой стороны, социал-демократы обещают помещику, вступающему решительно на путь капиталистической рационализации, избавление его от принудительного отчуждения земли.

Так, г-н Отто Браун считает безусловно необходимым оградить *при всех обстоятельствах* «от отчуждения или раздела земель те большие, интенсивно ведущиеся предприятия, которые имеют ценность для народного пропитания» [2]).

«Нерадивому» помещику, живущему преимущественно за счет ренты и не желающему вступать на стезю капиталистического предпринимательства, угрожают немилостью; «хорошему хозяину»—помещику, ведущему свое хозяйство рационально, с капиталистической точки зрения—обещаются «велии милости».

Русский читатель невольно вспоминает при ознакомлении, с этой программой «рационализаторскую» установку кадетской аграрной программы эпохи первой российской революции 1905—1907 гг.

Социал-демократы говорят не больше, не меньше. Они повторяют слово в слово то, что еще в период буржуазно-демократической (а не социалистической) революции сказали в отсталой (а не в экономически развитой) стране политические представители империализма (а не представители партии, претендующей на представительство интересов пролетариата).

Установка проекта заключается в стимулировании капиталистической рационализации помещичьих хозяйств с сохранением землевладельческих привилегий помещика.

Землевладелец, становящийся капиталистическим предпринимателем,—вот «герой» социал-демократической аграрной программы, вот главная надежда социал-демократов, вот на кого ставится ими главная ставка в области сельского хозяйства.

Дух и принцип проекта социал-демократической аграрной программы становятся прямо-таки прозрачно-ясными после знакомства с четвертым разделом проекта программы, посвященным вопросам *обложения.* Значение налоговой политики, как орудия классового воздействия государства, общеизвестно.

Как же предлагают использовать это орудие «социалисты» Германии?

> «Налоговая политика,—читаем мы в проекте программы,—должна способствовать достижению той цели, чтобы увеличивался трудовой доход сельскохозяйственного населения и чтобы *земля переходила к лучшему хозяину».*

Социальный смысл ставки на «лучшего хозяина» в условиях господства капитала не представляет никакой загадки; в проекте развернута система налогового обложения, которая, очевидно, благоприятствует именно капиталистическому предпринимателю и очень ясно и конкретно расшифровывает социальное лицо этого «лучшего хозяина».

> «Земельный налог необходимо превратить в единый налог на ценность земли для всего сельского хозяйства. На-

[1]) «Entwurf eines Agrarprogramms der sozialdemokratischen Partei Deutschlands» «Vorwärts» 1927, 12/I.

[2]) См. уже цитированную выше статью Отто Брауна.

лог направлен на стоимость голой земли без внимания к стоимости инвентаря, зданий и средств улучшения земли».

Итак, облагается земля, но не облагается капитал в целом, не облагается капиталистическая прибыль. Капиталистический принцип соблюдается целиком: сохраняя за помещиком все необходимые для капитализации его хозяйства условия, сохраняя в основном его землевладельческие привилегии, социал-демократы заботятся больше всего о том, чтобы в помещике не «ущемлялся» капиталист. Социал-демократы подходят здесь к вопросу, как настоящие буржуа. Они не доросли здесь даже до лозунга прогрессивного обложения капиталистических предприятий, путем которого оппортунистические утописты предполагают преобразовать капиталистическую общественную систему в социалистическую.

Разве не может любой буржуа подписаться под нижеследующей аргументацией Hans'a Krüger'a? [1]).

> «Собственник облагается тогда не по доходу, который он фактически получает, а по доходу, который он может получить из-за величины и добротности своего куска земли. Тем самым налог благоприятствует лучшему хозяину. Получает он больше, чем средний уровень, тогда избыток дохода остается у него нетронутым. Наоборот, для плохого хозяина такой налог не благоприятен...
>
> Можно наверняка ожидать, что владельцы латифундий будут принуждены отказаться от части своих земель. При этом они должны будут избрать такие участки, которые годятся для самостоятельного хозяйствования, потому что за другие они не смогут получить достаточную цену. Подобного рода налог не только содействует сам по себе развитию производства, но он ведет и к выбрасыванию на рынок земель для переселения *без значительного нарушения системы хозяйственных отношений*»...

Представитель аграрной программной комиссии заготовил уже здесь «лазеечку». Несколько выше, говоря о теоретической возможности более радикального разрешения аграрного вопроса, Hans Krüger пришел к выводу, что практически радикальный вариант неосуществим по ряду причин и, между прочим, потому, что помещик не согласится на эту реформу.

Но если для социал-демократов нежелание помещиков является достаточно серьезным препятствием для проведения социал-демократической программы, то ведь тогда, пожалуй, придется отказаться и от принудительной для помещиков продажи «излишних» (свыше 750 гектаров) земель государству. Вдруг помещики не захотят? «Запасливый» теоретик социал-демократии имеет выход и на этот «худой» случай: он уверяет, что можно добиться необходимого перераспределения земель «без значительного нарушения системы хозяйственных отношений» *путем налоговой политики.*

Но что будет делать добродушно-уступчивый в отношении помещиков г-н Krüger, если помещики не согласятся и *на эту* налоговую реформу? Можем лишь посочувствовать «великому реформатору»: трудно провести *важнейшую* реформу, которая удовлетворила бы все классы!

[1]) «Sozialdemokratie und ländliche Bodenfrage» von Hans Krüger, «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

Однако, что же получается в итоге?

Раздел о «земельной реформе» начат с очень высоких нот: здесь говорится о «*насилии завоевателей*», преобразовавшем земельно-собственнические отношения; здесь сказано даже, что помещики оттягали от крестьян землю «*путем разбоя*». Но заклеймивши помещиков как «разбойников» (не в одной ли этой фразе вся «революционность» социал-демократов?), социал-демократы затем «любезно» раз'яснили, что они, собственно, предлагают купить у этих разбойников «по сходной цене» ту часть их земли, которая приходится в имениях свыше 750 гектаров; затем они пообещали помещикам не облагать их капиталов (живой и мертвый инвентарь), а облагать только землю, и посулили «переход земли к лучшему хозяину».

Так «страшно» начали и так «культурно» кончили! Принципы Каутского торжествуют полностью: его положение о том, что капитализм должен быть разрушен «морально», но отнюдь «не экономически»,—распространено теперь и на помещиков. Вот он как выглядит их «конструктивный социализм»! А, ведь, сам г-н Krüger признает, что сравнительно небольшая кучка помещиков владеет почти $^1/_4$ всей земельной используемой площади Германии, что в отдельных провинциях помещики далеко превосходят по владениям этот средний уровень (Восточная Пруссия—37,1%, Померания—51,2%, Мекленбург—Шверин—59,7%); что весьма значительную долю своей земли помещики не обрабатывают, а сдают крестьянам в аренду; что подобный вид собственности является наиболее «бессмысленным».

И при всем этом—«благодушие» в программных требованиях, дополняемое еще большим «благодушием» в комментариях к программе.

> «Все эти требования,—пишет Krüger в конце своей статьи [1]),—нельзя осуществить с сегодня назавтра. Это само собой понятно и не должно отпугивать. Подходящий к решению земельного вопроса должен мыслить этот процесс в десятилетиях».

Summa summarum: социал-демократическая программа исходит, таким образом, из того положения, что крупное землевладение должно быть сохранено; что надо лишь стимулировать эволюцию помещика в направлении капиталистического предпринимательства; что надо, сохранив землевладельческие привилегии помещика, помочь ему превратиться в «культурного» капиталиста.

Программа, совершенно очевидно, *построена на комбинированной защите интересов капиталиста и крупного землевладельца, а основная ставка делается на помещика, капитализирующего свое хозяйство.*

---

[1]) Речь идет о цитированной выше статье.

Б. Борилин.

Куда устремляется капитализм?

(К итогам женевской экономической конференции)

«...Анализ экономических причин современного нарушения равновесия (du déséquilibre actuel) в торговле и индустрии; экономические тенденции, могущие содействовать всеобщему миру». Так скромно была обозначена в порядке дня конференции основная экономическая проблема, из-за которой и собралась конференция,—проблема мирового хозяйственного кризиса. Тем не менее для очень многих и на самой конференции не было сомнения в том, что речь идет не о каком-нибудь временном «нарушении равновесия в торговле и индустрии», но о непрекращающемся глубоком мировом экономическом кризисе, получившем свое яркое выражение в неуменьшающейся, небывалой по своим размерам хронической армии безработных. Этот факт наличия огромной массы людей, которым капитализм не может дать занятия, больше всего свидетельствует о хронической и тяжелой болезни самого капитализма. «Если бы не было четырех миллионов безработных в Европе, конференция и не собралась бы», говорил Кассель. И это было глубокой правдой, к которой присоединился сам «отец конференции» (отец, кстати, оказавшийся к концу конференции очень недовольным поведением своего «ребенка»), господин Лушер.

Четыре милл. безработных—это составляет вместе с семьями 20 миллионов людей, не находящихся в состоянии поддерживать свое существование [1]),—таков итог почти десятилетнего «восстановительного» процесса капитализма со времени заключения «спасительного» версальского мира.

Мистер Лэйтон, издатель английского «Экономиста», в своей речи присоединил к этой цифре безработных еще две ужасные, по его собственным словам, цифры, характеризующие состояние современного капиталистического хозяйства. Это—одиннадцать тысяч километров новых таможенных барьеров и два с четвертью миллиарда долларов ежегодных расходов на вооружение. Цифры мистера Лэйтона и для слепого и глухого блестяще говорят о том «экономическом порядке» и «успокоении», которые установил версальский мир. До настоящего времени Европа находится в состоянии величайшего таможенного и экономического хаоса. А экономический и социальный «мир», установившийся в результате войны, требует для своего поддержания «маленькой» жертвы в 2¼ мрд. долларов, т.-е. суммы немного меньшей, нежели 5 мрд. рублей.

[1]) См. Agriculture et la crise économique. Société des Nations, p. 17. Эта же цифра в 20 м. фигурировала и в речи Гермеса, члена международной аграрной комиссии.

«Европа подавлена бременем фискальных и социальных платежей (charges fiscales et sociales). Она стара...», так жаловался председатель союза французских шахтовладельцев, господин Пейримгоф [1]).

«Старая Европа» беспомощно вскрывала на конференции свои язвы... И все это под маской «достойных» и «приличных» речей джентльменов.

Как не вспомнить при этом *теперь*, в 1927 г., то, что говорил о Европе целых *пять лет назад* Ленин, что так глубоко верно и до сих пор? «Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться или хотя бы заниматься им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 74).

Как выйти из перманентного состояния недогрузки производственного аппарата? Как избавиться от таких цифр, как 41% недогрузки для английской металлургической или 45% для текстильной индустрии, цифр, собранных самой Лигой Наций? [2]) Даже для Соединенных Штатов мы имеем данные в 25% неиспользованности производственного аппарата по производству стали, и такие же данные по машиностроению. Величайшая диспропорция между величиной производственного аппарата и емкостью рынка, порожденная резким *уменьшением покупательной способности масс*, никем не оспаривалась на конференции, никем, кроме Густава Касселя, который «доказывал», что единственным средством увеличения рынка может быть только увеличение производства. «Покупательная сила человеческого общества не может быть никогда ничем иным, как общим производством этого общества. Если покупательная сила во всем мире в настоящее время очень мала, единственное лекарство состоит в увеличении общего производства» [3]). Отсюда Кассель нападал на «ложную идею» о необходимости сокращения производства, столь распространенную теперь. Но старые, давно опровергнутые формулы вульгарной политической экономии, извлеченные на «божий свет» Касселем—увы!—не действовали теперь и производили очень малое впечатление даже на конференции.

Нищета европейских масс, кроме безработицы, красноречиво выраженная в пониженном «уровне жизни» (standard of life) европейского рабочего, констатировалась, как непререкаемый факт, на конференции. На конференции большим успехом пользовался пример острого расхождения заработных плат американского и европейского рабочего, приведенный Лушером. «В то время,— говорил Лушер,—как американскому рабочему для приобретения автомобиля нужно затратить заработную плату в течение трех месяцев, европейскому рабочему нужно затратить заработную плату за целых три года!». Однако, конференция не видела

[1]) Seconde Comission. Industrie. Proces. verbal provisoire de la deuxième seance, p. 5.

[2]) См. Memorandum sommaire sur les diverses industries, p. 11; также «Меморандум» по отдельным отраслям промышленности.

[3]) Journal de le Conference Economique. № 2, p. 12, 13.

средств к ликвидации этой разницы в возможности «ездить на автомобиле» для рабочего в Европе и в Америке. «Об'ективно» настроенные американские делегаты в лице Робинзона вынуждены были признаться, что с улучшением положения европейских масс потребуется, вероятно, «подождать» «определенное количество лет», «в течение которых положение европейских стран не сможет быть значительно улучшено» [1]). И тем не менее, а может быть, благодаря этому, на конференции раздавались жалобы на... высокую (!) заработную плату. «Профессиональные союзы подобно картелям и трестам искусственно поднимают цену на рабочую силу»,—жаловался Кассель. Эта же «нота» раздавалась со стороны представителей наиболее успешно «стабилизирующегося» германского государства—Сименса и Ламмерса.

Безнадежно тяжелое положение мирового сельского хозяйства доказывается неисчезающими ножницами между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Представленные экономическим комитетом Лиги Наций в издании «Crise économique et agriculture» данные показывают картину безусловного падения покупательной силы продуктов с.-х. производства. Их покупательная сила колеблется в разных странах от 74% до 90% по сравнению с довоенной. И это в то время, когда промышленность страдает от недостатка рынков сбыта. «Экономическое равновесие не может быть восстановлено до тех пор,—говорил Гермес,—пока... не будет значительно увеличена покупательная сила сельскохозяйственного населения, которое в каждой стране составляет значительную часть, а в большинстве стран—большинство потребителей. Больше того, если сельское население находится в состоянии процветания и его покупательная сила велика, оно может потреблять большую часть продуктов промышленности собственной страны, которая становится менее зависимой от иностранных рынков». Это правильное рассуждение, к несчастью, имеет только тот один недостаток, что упускает из виду немаловажную особенность, свойственную всегда капитализму и заключающуюся в том, что капитализм никогда не заботился о соответственном росте внутреннего рынка за счет под'ема сельского хозяйства, но всегда предпочитал искать внешние рынки. Изменит ли своему «нутру» в этом отношении послевоенный капитализм, повергший сельское хозяйство в состояние затяжного кризиса?!

Что такое состояние сельского хозяйства бьет по всем отсталым и колониальным странам, не нуждается ни в каких доказательствах. «Колониальный мир получает в настоящее время, в обмен на свои продукты, значительно меньше того, что он получал до войны»,—говорит Кассель. А что он получает от одряхлевшей и обнищавшей Европы? Кассель вынужден признать, что Европа не в состоянии «снабжать в достаточной мере колониальные страны капиталами для приобретения машин, строительных материалов, рельс. В результате—общее замедление колониального развития» [2]). Обанкротившаяся Европа не может пред'явить миллионам просыпающихся колониальных рабов ничего, кроме «неравноправных договоров» и дредноутов! Что же мудреного, что даже речь представителя пекинского правительства

[1]) 2-ième comission. Industrie. La sixième séance, p. 16.
[2]) Journal de la Conference Economique International, № 2.

прозвучала «революционно» на конференции! «Я слушал с живым интересом, — заявил этот китайский «представитель», Чуан-Чао, — различные речи, произнесенные здесь, и я рассчитывал услышать хоть одного оратора, который бы обратил внимание членов конференции на нетерпимые тарифные обязательства, неравноправные договоры Китая... И я не выполнил бы своего долга... если бы не обратил ваше внимание на опасности, которыми угрожает всеобщему миру подобный экономический режим» [1]). Само собой разумеется, китайский «представитель» и дальше не услышал ораторов, «озабоченных» «экономическим режимом» Китая, если не считать тов. Осинского. Только японский делегат Шидахи выразил надежду, что «экономический хаос» в Китае исчезнет, и «в Китае воцарятся мир и порядок, как только богатые натуральные ресурсы Китая будут открыты реально для всего мира, а не только для Китая и его непосредственных соседей»... Этим так и исчерпалось обсуждение вопроса об «экономическом режиме», установленном в колониях империалистами.

Как уже было сказано в самом начале, конференция постаралась из'ять из порядка дня наиболее трудные и «щекотливые» проблемы. К таким проблемам принадлежали прежде всего сырьевая проблема, проблема иммиграции и эмиграции и проблема долгов и капиталов. Открытая дискуссия по этим вопросам принесла бы с собой слишком много «неприятностей» для некоторых «больших» государств. Но... «шила в мешке не утаишь»: эти проблемы все-таки всплыли и обсуждались.

Немалое количество ораторов указывало на «несправедливое распределение» сырьевых богатств и на неправильное их использование. Итальянцы не преминули напомнить о том, что Италия лишена сырьевых богатств (dépourvue de matières premières), в то же время будучи богата рабочей силой, достаточно квалифицированной [2]). Более решительно напали японцы на монополизацию сырья, как «очень опасную для поддержания общего мира тенденцию», являющуюся в значительной мере причиной современного кризиса. «Современный кризис обязан неравному распределению натуральных богатств, что всегда было большим препятствием для установления мира»,—говорил японский барон Шиба [3]). «Следует избегать (!) монополий на природные источники таких необходимых предметов, как уголь и нефть, затрудняющих свободное их распределение и лойяльное (!) использование». Даже могущественная Америка не преминула упрекнуть европейцев за участие в монопольной продаже каучука. А вот как представитель малой нации, председатель союза шведских промышленников, Люндвиг изображает положение малых государств перед лицом могущественных монополистических групп, захвативших сырьевые богатства: «Горе тем странам, которые, не обладая источниками сырья, предоставлены на милость (sont à la merci) иностранных картелей, не имея в то же время возможности обратиться к конкурентам!» [4]).

[1]) Discours de M. Chuan Chao, p. 1.
[2]) Journal de la Conference Economique International, № 2, p. 14.
[3]) 2-ième commission. Industrie. Sixième séance, p. 2.
[4]) 2-ième commission. Industrie. Huitième séance, p. 14.

Само собой разумеется, что жаловались те, кто испытывали «неудобства» от распределения сырья, и хранили полное молчание «виновники» этих «неудобств».

Еще «щекотливее» были другие две снятые проблемы: иммиграции и долгов, ибо здесь речь должна была итти, главным образом, о «несправедливостях», которые причинял Европе американский «дядя Сам». Здесь «плакались» европейцы, молчали американцы. Вся дискуссия приобрела вид «европейского монолога».

Чрезвычайно интересные замечания по вопросу об иммиграции представил итальянец Беллони. Жалуются на протекционизм, с одной стороны, на большую безработицу, с другой,— говорил он,—но если бы не запрещение иммиграции в Америке, то не было бы и безработицы. А далее: это же запрещение иммиграции и приводит к необходимости сурового протекционизма для защиты национального труда. «Совершенно очевидно, что в странах с высокой плотностью населения, не обладающих натуральными богатствами, в случае отсутствия свободы движения населения в мире, единственными средствами обеспечения возможности существования населению являются таможенные барьеры и протекционизм промышленный и аграрный во всех его видах». Наконец, «сравнивая огромную цифру безработных в Европе с цифрой в 800.000 эмигрантов, которые до войны ежегодно уходили из Европы, Беллони приходит к выводу, что одно из наиболее верных средств установления прочного экономического мира состоит в разрешении проблемы иммиграции» [1]).

Такую же связь безработицы с эмиграцией приводил и представитель Чили—Урзуа, прибегший, однако, и к моральным аргументам. «Во многих европейских странах безработица стала постоянной, и прямые или косвенные препятствия эмиграции такого количества жителей, которые могли бы найти себе вознаграждающий их труд в Америке, являются прямо бесчеловечными (!)» [2]).

Понятно, что и обвинение в «бесчеловечности» и тщательные подсчеты г-на Беллони произвели очень слабое впечатление на американцев. И по этому вопросу американская делегация наиболее целесообразным сочла сделать выразительную «фигуру умолчания».

Европа страдает не только от «избытка» рабочей силы, но и от недостатка капиталов. До войны от недостатка капитала страдала Америка, а Европа выступала в роли кредитора. Теперь роли переменились и, повидимому, надолго. На долгие годы Европа превратилась в данника Америки. Наиболее радикальным выходом было бы поступить с европейскими долгами так, как поступила советская власть. Конечно, совершить это не под силу буржуазной Европе. А с другой стороны, положение поистине тяжелое. Проценты, ежегодно уплачиваемые европейскими государствами, чрезвычайно обременяют государственный бюджет и народное хозяйство, вынужденное экспортировать товары для уплаты по долгам.

Нельзя сказать при этом, чтобы величина процента, взимаемая американскими банкирами была мала. Наоборот, Европа, капиталам и культуре которой Америка обязана своим расцветом,

[1]) Journal de la Conference, № 5, p. 61.
[2]) Journal de la Conference, № 3, p. 24.

как в свое время убеждал Америку английский социалист Филипп Сноудэн [1]), платит теперь за эту услугу, по крайней мере, вдвое большую цену за получаемые от Америки капиталы, нежели цена, взимаемая ею от Америки до войны. Германия попробовала, в лице Ламмерса, поставить этот вопрос на обсуждение, но... безрезультатно. «Америка... слезам не верит». «Европа, превратившаяся в должника,—говорил Ламмерс,—должна платить в настоящее время не 4 процента, как до войны, но до 10%. Во всяком случае без преувеличения можно сказать, что величина процента возросла на 100%... Поэтому, безусловно, необходимо найти путь установления большего равновесия между таким положением стран-должников и страны-кредитора, так как экономическая активность Европы подавлена тяжестью долгов» [2])...

В связи с огромными платежами, которые Европа ежегодно должна посылать в Америку, еще один вопрос был направлен европейцами по адресу американской делегации. Не думает ли она, что при высоких ввозных таможенных пошлинах, которые устанавливает у себя Америка, Европа не будет иметь возможности развивать экспорт товаров, необходимый для балансирования расчетов с Америкой? Если американский рынок для европейских товаров так же точно, как и другие, не будет возрастать, то как сможет быть разрешена проблема долгов?

Нужно сказать, что этот, поистине трагический для Европы, вопрос ни в какой мере не произвел «трагического» впечатления на американскую делегацию. Мистер Робинзон на этот раз отвечал в спокойно-уверенном тоне, «раз'яснив» непонятливым европейцам, что проблема отнюдь не является абсолютно неразрешимой. К тому же в помощь мистеру Робинзону пришлась и историческая аналогия с Англией, которая в «свой век» тоже выступала в роли кредитора мира, а другие страны-должники находили довольно просто разгадку трагического теперь для европейцев, в том числе и англичан, ребуса. Робинзон кивал на богатые перспективы расширения рынка в новых странах, куда рекомендовал обратить внимание европейцам. Робинзон напомнил про рост ввоза европейских товаров в Америку на 50%, по сравнению с 1913 годом. Наконец, нужно иметь в виду,—говорил он,—что американские туристы начинают все больше посещать в летние месяцы Европу, тратя в Европе не менее 650 млн. долл. в год! В общем проблема вовсе не является неразрешимой.

К этому, собственно говоря, и сводился по существу весь ответ, который американские делегаты дали на «европейскую проблему». По всем остальным пунктам этой проблемы американцы ссылались на свое незнание европейских дел и ограничивались посвящением конференции в блестящие успехи Америки за последние годы. Если вся конференция, по выражению португальского делегата Куна Лиль, была не чем иным, как «криком о спасении Европы посредством рационализации, уж осуществленной в Америке» [3]), то нельзя не признать, что этот «крик о спасении», поскольку он был направлен по адресу Америки, остался криком, затерявшимся в пустыне.

[1]) Philipp Snowden. «Vermag Amerika die Kriegsschulden zu streichen». «Wirtschaftsdienst» от 30/VII 26 г.
[2]) 2-ième commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[3]) 2-ième commission. Industrie. Cinquième séanse, p. 7.

Само собой разумеется, что жаловались те, кто испытывали «неудобства» от распределения сырья, и хранили полное молчание «виновники» этих «неудобств».

Еще «щекотливее» были другие две снятые проблемы: иммиграции и долгов, ибо здесь речь должна была итти, главным образом, о «несправедливостях», которые причинял Европе американский «дядя Сам». Здесь «плакались» европейцы, молчали американцы. Вся дискуссия приобрела вид «европейского монолога».

Чрезвычайно интересные замечания по вопросу об иммиграции представил итальянец Беллони. Жалуются на протекционизм, с одной стороны, на большую безработицу, с другой,— говорил он,—но если бы не запрещение иммиграции в Америке, то не было бы и безработицы. А далее: это же запрещение иммиграции и приводит к необходимости сурового протекционизма для защиты национального труда. «Совершенно очевидно, что в странах с высокой плотностью населения, не обладающих натуральными богатствами, в случае отсутствия свободы движения населения в мире, единственными средствами обеспечения возможности существования населению являются таможенные барьеры и протекционизм промышленный и аграрный во всех его видах». Наконец, «сравнивая огромную цифру безработных в Европе с цифрой в 800.000 эмигрантов, которые до войны ежегодно уходили из Европы, Беллони приходит к выводу, что одно из наиболее верных средств установления прочного экономического мира состоит в разрешении проблемы иммиграции» [1].

Такую же связь безработицы с эмиграцией приводил и представитель Чили—Урзуа, прибегший, однако, и к моральным аргументам. «Во многих европейских странах безработица стала постоянной, и прямые или косвенные препятствия эмиграции такого количества жителей, которые могли бы найти себе вознаграждающий их труд в Америке, являются прямо бесчеловечными (!)» [2].

Понятно, что и обвинение в «бесчеловечности» и тщательные подсчеты г-на Беллони произвели очень слабое впечатление на американцев. И по этому вопросу американская делегация наиболее целесообразным сочла сделать выразительную «фигуру умолчания».

Европа страдает не только от «избытка» рабочей силы, но и от недостатка капиталов. До войны от недостатка капитала страдала Америка, а Европа выступала в роли кредитора. Теперь роли переменились и, повидимому, надолго. На долгие годы Европа превратилась в данника Америки. Наиболее радикальным выходом было бы поступить с европейскими долгами так, как поступила советская власть. Конечно, совершить это не под силу буржуазной Европе. А с другой стороны, положение поистине тяжелое. Проценты, ежегодно уплачиваемые европейскими государствами, чрезвычайно обременяют государственный бюджет и народное хозяйство, вынужденное экспортировать товары для уплаты по долгам.

Нельзя сказать при этом, чтобы величина процента, взимаемая американскими банкирами была мала. Наоборот, Европа, капиталам и культуре которой Америка обязана своим расцветом,

[1] Journal de la Conference, № 5, p. 61.
[2] Journal de la Conference, № 3, p. 24.

как в свое время убеждал Америку английский социалист Филипп Сноудэн [1]), платит теперь за эту услугу, по крайней мере, вдвое большую цену за получаемые от Америки капиталы, нежели цена, взимаемая ею от Америки до войны. Германия попробовала, в лице Ламмерса, поставить этот вопрос на обсуждение, но... безрезультатно. «Америка... слезам не верит». «Европа, превратившаяся в должника,—говорил Ламмерс,—должна платить в настоящее время не 4 процента, как до войны, но до 10%. Во всяком случае без преувеличения можно сказать, что величина процента возросла на 100%... Поэтому, безусловно, необходимо найти путь установления большего равновесия между таким положением стран-должников и страны-кредитора, так как экономическая активность Европы подавлена тяжестью долгов» [2])...

В связи с огромными платежами, которые Европа ежегодно должна посылать в Америку, еще один вопрос был направлен европейцами по адресу американской делегации. Не думает ли она, что при высоких ввозных таможенных пошлинах, которые устанавливает у себя Америка, Европа не будет иметь возможности развивать экспорт товаров, необходимый для балансирования расчетов с Америкой? Если американский рынок для европейских товаров так же точно, как и другие, не будет возрастать, то как сможет быть разрешена проблема долгов?

Нужно сказать, что этот, поистине трагический для Европы, вопрос ни в какой мере не произвел «трагического» впечатления на американскую делегацию. Мистер Робинзон на этот раз отвечал в спокойно-уверенном тоне, «раз'яснив» непонятливым европейцам, что проблема отнюдь не является абсолютно неразрешимой. К тому же в помощь мистеру Робинзону пришлась и историческая аналогия с Англией, которая в «свой век» тоже выступала в роли кредитора мира, а другие страны-должники находили довольно просто разгадку трагического теперь для европейцев, в том числе и англичан, ребуса. Робинзон кивал на богатые перспективы расширения рынка в новых странах, куда рекомендовал обратить внимание европейцам. Робинзон напомнил про рост ввоза европейских товаров в Америку на 50%, по сравнению с 1913 годом. Наконец, нужно иметь в виду,—говорил он,—что американские туристы начинают все больше посещать в летние месяцы Европу, тратя в Европе не менее 650 млн. долл. в год! В общем проблема вовсе не является неразрешимой.

К этому, собственно говоря, и сводился по существу весь ответ, который американские делегаты дали на «европейскую проблему». По всем остальным пунктам этой проблемы американцы ссылались на свое незнание европейских дел и ограничивались посвящением конференции в блестящие успехи Америки за последние годы. Если вся конференция, по выражению португальского делегата Куна Лиль, была не чем иным, как «криком о спасении Европы посредством рационализации, уж осуществленной в Америке» [3]), то нельзя не признать, что этот «крик о спасении», поскольку он был направлен по адресу Америки, остался криком, затерявшимся в пустыне.

[1]) Philipp Snowden. «Vermag Amerika die Kriegsschulden zu streichen». «Wirtschaftsdienst» от 30/VII 26 г.
[2]) 2-ième commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[3]) 2-ième commission. Industrie. Cinquième séanse, p. 7.

Мы не можем не привести интереснейшей оценки, которую поведению американской делегации на конференции дала немецкая газета «Франкфуртер Цейтунг». «Соединенные Штаты, не являясь членом Лиги Наций, послали на конференцию свою делегацию. Но *они стояли только возле конференции* (nur daneben). Их оратором был Робинзон, президент банка из Лос-Анжелес, совершенно отдаленного от Европы берега Тихого океана. И он выступал (конечно, только потому, что он обязан был что-нибудь сказать) точно так, как он говорил бы на собрании своего буржуазного клуба или торговой палаты: с громким оптимизмом, свойственным американцам, с широким чувством самодовольства по поводу богатых успехов, которым другим остается только подражать. Кроме него, в американской делегации имелась еще пара умных наблюдателей: они наблюдали, слушали и молчали. Делегаты других стран несколько раз пробовали вступить с американцами в открытые дебаты. Напрасно. Американцам говорили, что нехорошо с их стороны,—чилийский делегат сказал даже: бесчеловечно,—что они запрещают иммиграцию в свою далекую, богатую страну, которая обязана своим процветанием пришельцам из Европы, в то время как Европа перенаселена. Никакого ответа. Им напомнили, что европейцам не легко теперь выплачивать за ссуженные капиталы семь—восемь, иногда даже десять—двенадцать процентов, в то время, как раньше Европа предоставляла американцам капиталы для построения их хозяйства за пять, даже за три—четыре процента. Молчание. Их спрашивали, к каким последствиям может привести такое положение, когда американцы, с одной стороны, хотят ежегодно получать от Европы колоссальные проценты по долгам, с другой же, препятствуют невероятно высокими пошлинами ввозу европейских товаров, единственному средству, при помощи которого такие платежи могут продолжительное время совершаться. Эхом раздалось, в ответ на это, указание на 650 милл. долл., которые теперь уже ежегодно истрачивают американские туристы in der grossen sommerfrische Europa и которые легко можно удвоить! Так, в дебатах с американцами имелся налицо только европейский монолог. Американцы слушали и молчали. Они стояли в стороне. Это тоже урок» [1]).

* * *

Выше была дана картина современного мирового хозяйственного положения и основных трудностей, все еще непреодоленных послевоенным капитализмом. Картина выглядит поистине мало утешительно, даже сквозь призму речей и оценок высокопочтенных «messiers et dames», долженствовавших демонстрировать на конференции «единство», «мир» и «согласие» между представленными ими нациями. Нельзя дать иную оценку состоянию мирового хозяйства даже на основе «об'ективных» данных Лиги Наций и лицемернейших речей, созданных для того, чтобы скрывать мысли ораторов, кроме констатирования непрекратившегося глубокого мирового экономического кризиса. До сих пор капиталистическое мировое хозяйство еще *не* оправилось полностью от империалистической войны. Это вынужден был признать в своей заключительной речи на пленуме конференции Теннис, заявивший, что основной болезнью современного капитализма является та глубокая «хозяйственная *дезорганизация, которая явилась следствием войны*». Это заявление имеет величайший интерес. Конференция, созванная на грани почти десятилетнего капиталистического развития после заключения версальского мира, не в состоянии скрыть перед миром правду о том, что до сих пор основной болезнью мирового хозяйства является «дезорганизация, явившаяся следствием империалистической войны». Насколько подло даже по сравнению с заявлением Тенниса звучат речи и статьи господ социал-демократов, в роде Гильфердинга и Войтинского, из которых первый отрицает «большевистскую, а не марксистскую (!) теорию краха» и не видит ничего, кроме «всеобщего улучшения мировой кон'юнктуры» [1]), а второй не считает, что мы имеем налицо мировой экономический кризис, потому—видите ли,—что «несправедливо говорить о мировом экономическом кризисе только потому, что в России—экономическая депрессия (!) а в Китае—гражданская война»! [2]).

Невозможно отрицать того *факта*, что основные, труднейшие проблемы послевоенного кризиса *не* разрешены до сих пор капитализмом. До настоящего времени мы можем с полным правом повторить то, что говорила всегда наша партия об экономических последствиях империалистической войны. Мы имеем полное право и сейчас повторить слова Ленина: «В основном наше понимание событий было верно, в основном наша оценка империалистической войни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна». «Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах». «Мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистической войной, и мерим правильнее, чем когда бы то ни было, другие державы, у которых при всех своих победах, всей силе, выхода у них до сих пор не нашлось и не находится». И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится..., что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на одержанные победы» (Ленин т. XVIII, ч. 1, с. 422—25). «Помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 7).

Означает ли это, что капитализм за истекший со времени версальского мира период не сделал никаких шагов вперед? Конечно, нет. Именно, *несмотря* на безусловные *успехи* капитализма в определенных областях, несмотря на окончание в грубых чертах «восстановительного периода», капитализм еще не ликвидировал экономических последствий войны, не сумел создать, вместо существовавшего до войны, нового экономического равновесия. Состояние мирового хозяйства до сих пор единогласно даже буржуазными экономистами определяется, как состояние глубоко «нарушенного равновесия» (déséquilibre). Это свидетельствует об историческом подтверждении нашей точки зрения.

Капитализм к настоящему времени восстановил производство до довоенных размеров, если взять последнее в мировом масштабе. Он ликвидировал созданный империалистической войной валютный и кредитный хаос. В главных странах сейчас суще-

[1]) A. F. Die Lehre von Genf. «Frankfurter Zeitung». 25 mai 1927 г.

[1]) См. речь Гильфердинга на Кильском соц.-дем. партейтаге.
[2]) Woytincky. «Zur Weltwirtschaftskonferenz». «Gesellschaft». April 1927 г. S. 209.

ствует устойчивая валюта. Капитализм добился и определенного «успокоения» рынка внутри отдельных национальных хозяйств. Необходимым условием для этого было «усмирение» рабочих, имевшее столь «благоприятные» для капитализма результаты, как снижение, по крайней мере относительное, жизненного уровня европейского рабочего и легализация состояния сотен тысяч и миллионов людей в положении безработных. С другой стороны, важным условием для этого были значительные организационно-технические перегруппировки в хозяйстве, как-то: дальнейшая концентрация промышленности, процессы усиленного картелирования и трестирования. Все эти достижения капитализма бесспорны. И глубина послевоенного кризиса капиталистического хозяйства подтверждается тем обстоятельством, что, *несмотря на достигнутые успехи*, капитализм, как *мировое хозяйство*, продолжает находиться в состоянии кризисном, в состоянии депрессии.

«Ну, что же,—скажут нам.—Но капитализм делает успехи! А следовательно, «теория краха капитализма — большевистские выдумки!». Жалкие выражения слепых людей! Разве весь истекший после империалистической войны период не является доказательством безнадежного банкротства капиталистической системы, действительного *экономического краха* системы? Какие же еще доказательства нужны?! Нас пытаются «убить» ссылкой на успехи капитализма и ехидным вопросом: «почему же капитализм не погиб, и не победила социалистическая революция?». Но кто сказал, что мы придерживаемся «фаталистической теории краха капитализма»? Не кто иной, как Ленин утверждал, что «капитализм не перестанет существовать, если не будет свергнут рабочим классом», что «абсолютно безвыходного положения капитализма вообще не может быть» [1]). Мы знаем с безусловностью, что в *конечном историческом счете* крах капиталистической системы неизбежен и победа рабочего класса неминуема, с всемирно-исторической точки зрения. Но мы не знаем и не можем знать, наступит ли «последний и решительный бой» в результате этой или следующей империалистической войны. Мы не знаем и не можем знать, как долго растянется этот период краха капиталистической системы. Период краха капитализма есть период ожесточенной борьбы всех сил старого и нового мира, в которой есть и наступления и отступления. Но мы знаем, что этот крах, всемирно-историческое банкротство капитализма *начались* со времени империалистической войны, в результате которой «большевистская революция вырвала первую сотню миллионов людей на земле из империалистического мира». И есть все основания думать, что «следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» [2]). Пусть злобствуют социал-демократические негодяи, продавшиеся международной буржуазии, составляющие активнейшую силу «старого» мира, «спасающие» мировой капитализм в период начавшегося краха капиталистической системы. В их силах затянуть этот период исторической агонии капитализма, но не в их силах предотвратить неминуемую всемирную победу рабочего класса.

(Окончание следует).

---

[1]) См. речь Ленина на II конгрессе Коминтерна.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 368.

Г. Зиновьев.

Манифест кулацкой партии [1]).

Есть у нас в Москве наместник Устрялова, его, так сказать, московский полпред. Это—профессор Н. Д. Кондратьев, фактический вождь легализующейся устряловщины.

Н. Д. Кондратьев—«теоретический» глава целой школы. «Столпами» этой школы являются: Чаянов, Челинцев, Макаров, Студенский, Литошенко и др.

Эта группа «ученых» распадается на две подгруппы. Одна из них—Чаянов, Челинцев, Макаров—называет себя нео-народнической. Другая—Кондратьев, Студенский, Литошенко—более или менее откровенные либеральные буржуа. Разногласия между этими двумя подгруппами второстепенного характера. Признанный идейный вождь обеих подгрупп—*Н. Д. Кондратьев*. Первая подгруппа слегка подкрашивает устряловщину в «народнические» цвета. Но и она не скрывает того, что ее «формулой прогресса» является *единоличное хозяйство*. Прогресс и рационализацию сельского хозяйства они мыслят себе не иначе, как на принципе *частной собственности*. Они «теоретически» разогревают остывшее блюдо, подававшееся еще в начале 900-х годов известным саратовским статистиком Н. Н. Черненковым, с которым В. И. полемизировал еще в «Развитии капитализма». Главным камнем

---

[1]) *ОТ РЕДАКЦИИ*. Помещая настоящую статью, редакция считает необходимым сделать следующие замечания:

1) политическая характеристика «кондратьевщины», данная автором, в печатаемой статье, в основном правильна, хотя и не нова. Подобная характеристика идеологии проф. Кондратьева давалась на страницах «Большевика» еще в 1924 году (см. статьи тт. Берзстыса и Д. Марецкого);

2) автор, несомненно, раздувает «удельный вес» проф. Кондратьева, говоря о его «реальном политическом влиянии в некоторых важнейших наших государственных органах», о «легализованной устряловщине» и «кулацкой партии», якобы стоящей за спиной Кондратьева в СССР;

3) автор «забыл» упомянуть о том, что партия ведет энергичную борьбу со всеми тенденциями, идущими навстречу «кондратьевщине».

В качестве иллюстрации к этому из самого последнего времени можно указать на отпор, данный во фракции ВКП (б) на IV С'езде Советов СССР представителю оппозиции т. Муралову, настаивавшему на том, что «производитель должен получить за свой хлеб восстановительную цену».

Фракция ВКП (б) справедливо заявила по поводу оппозиционного проекта резолюции, предложенного т. Мураловым, что «в практических выводах резолюция не только расходится с линией партии, но и представляет совершенно очевидные уступки кулачеству (особенно в пункте о сбыте с.-х. продуктов, где говорится, что «производитель должен получить за свой хлеб восстановительную цену», что в *данных условиях отражает кулацкое требование повышения с.-х. цен*)».

Кулацкий уклон оппозиции в данном случае становится особенно очевидным, если мы вспомним, что *весною* хлебные запасы были сосредоточены преимущественно в руках кулачества и зажиточного крестьянства.

Необходимо давать отпор не только «кондратьевщине», но и тем тенденциям, которые «растут» к «кондратьевщине».

их «кредо» является возрождение «учения» о «семейной» дифференциации, т.-е. учения о том, что в русском крестьянстве нет классовых групп, а есть только хозяйства разного размера семьи: чем крупнее семья—тем крупнее-де хозяйство. Разогретое блюдо подается чрезвычайно безвкусно. Вся «теория» нео-народников механически приспособлена к тому, чтобы замазать их буржуазную сущность, их почти столыпинскую ставку на «крепкого мужика». «Нео-народническая» сусальная позолота призвана подкрасить буржуазную сущность этих теоретиков. Поскоблите слегка такого «нео-народника», и вы получите струвиста новой эпохи, т.-е. представителя новой буржуазии, чуть-чуть маскирующегося под «советскую» платформу.

Н. Д. Кондратьев и его ближайшие единомышленники выступают еще более открыто.

Старый струвист на «советской» подкладке = устряловцу. Устряловец «легальной» марки=кондратьевцу.

Кондратьевцы обходятся без «нео-народничества», но и они не прочь изобразить себя «социалистами»—в наши времена иначе невозможно.

Н. Д. Кондратьев не выступает с учеными трудами, он мало печатается вообще; вы даже почти не найдете обширных печатных трудов, излагающих его взгляды. И, тем не менее, он признанный вождь легализующейся устряловщины. Н. Д. Кондратьев--человек дела. Он хорошо учел опыт 1922—23 гг. Это были годы первого оживления идеологов новой буржуазии. Через пару лет после введения нэпа вожди новой буржуазии зашевелились впервые. Они стали выпускать некоторые журналы и книжки, стали развивать «устряловские» взгляды на легальной арене. Но эти господа встретили тогда суровый отпор. Наша партия, по инициативе Ленина, поставила на очередь вопрос «о непролетарских партиях и течениях» и выработала целую систему мер против поднявшей голову новой буржуазии. Теперь Кондратьевы действуют по-иному. Пусть пишут книги Чаяновы, Челинцевы, Макаровы, пусть издалека с политическими манифестами выступают Устряловы, а Кондратьев—прежде всего «человек дела». Он оказывает реальное практическое влияние в некоторых важнейших наших государственных органах; он пишет «тезисы» и пытается проводить их через важные госорганы, он «подрабатывает» вопросы, он выступает с лекциями и докладами в важнейших наших вузах.

Перед нами лежат тезисы Н. Д. Кондратьева «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». В примечании сказано: «Настоящие тезисы представляют из себя старое изложение подробной докладной записки на ту же тему».

Тезисы эти являются настоящим *манифестом кулацкой партии*.

Познакомимся прежде всего с практическими предложениями этой платформы Н. Д. Кондратьева.

I. Кулацкая «индустриализация».

В начале своих тезисов Н. Д. Кондратьев помещает маленький, совсем крошечный, малюсенький (величиной с медный пятачек) фиговый листочек с надписью: «Индустриализация». По нынешним временам без этого нельзя. Несколько слов в честь

индустриализации и даже социалистического строительства необходимы Н. Д. Кондратьеву, чтобы прикрыть свою кулацкую наготу. А когда доходит до практических выводов, то Н. Д. Кондратьев пишет:

«XV. По линии практики индустриализации необходимо:

«1) *Ограничить* темп капитального промышленного строительства, снизив его размеры, примерно, на $15^0/_0$.

«2) Одновременно необходимо *видоизменить* соотношение в размерах капитальных затрат между затратами на тяжелую индустрию и на индустрию легкую, вырабатывающую готовые изделия, в смысле *повышения удельного веса последней*.

«3) Необходимо отказаться от одновременного форсированного развития, на ряду с важнейшими отраслями индустрии, имеющими первостепенное значение и перспективы дальнейшего развития, также и отраслей, которые такого значения и перспектив не имеют» (стр. 18—19 тезисов).

Разве это не программа кулака? Сколько-нибудь умный кулак знает теперь, что без известного развития промышленности нельзя поднять и сельское хозяйство. Сколько-нибудь современный кулак не выскажется против индустриализации «в принципе». Но только такому кулаку наш темп индустриализации покажется «чрезмерным». Осади назад темп индустриализации!—вот лозунг современного кулака. Н. Д. Кондратьев, являясь идеологом этого кулака, выдвигает «лозунг»: *снизить* размеры капитального промышленного строительства, примерно, на $15^0/_0$.

Сколько-нибудь современный кулак «не против» известного развития тяжелой индустрии. Но все же главное, что ему нужно, это—индустрия легкая, вырабатывающая готовые изделия. Осади назад тяжелую индустрию и двинь вперед индустрию легкую—вот лозунг кулака, формулируемый Н. Д. Кондратьевым.

Не форсируй «одновременно» всех отраслей индустрии. Что это значит? Почему это сказано нарочито неясно? О чем идет речь?

Крупная промышленность и электрификация—единственная *прочная* база социализма.

«*Если* не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму»—учил нас Ленин. («Лен. Сборник», IV, стр. 374).

Поэтому, говорим мы, *усилим* темп индустриализации и электрификации, урежем бюрократа, подстрижем кулака и нэпмана, с'экономим максимум возможного и не допустим *отставания* промышленности от сельского хозяйства.

Поэтому, говорит кулак, ограничим темп индустриализации, введем его в рамки «возможного», не дадим усилиться городскому пролетариату, помешаем его смычке с «зеленым полем», с основной массой крестьянства.

Кулак—враг социализма. Он хочет ограничить социализм, ограничивая рост тяжелой индустрии.

Кулак—злейший враг пролетариата. Он хочет всемерно ослабить и обессилить пролетариат, урезая капитальные затраты на промышленность. Ограничить на $15^0/_0$ размер капитальных вложений, это значит, между прочим, усилить безработицу. В итоге это значит навлечь трудно поправимое недовольство бедноты и миллионов резервной армии, это значит усилить кулака.

Кулацкий идеолог, Кондратьев, это знает *и к этому ведет*.

II. Кулацкая «монополия» внешней торговли.

Но слушайте далее:

«Необходимо значительно облегчить условия экспорта сельскохозяйственных товаров и в этих целях предоставить определенному кругу государственных, кооперативных и смешанных организаций *свободу экспорта*, проведя одновременно специальные ограничения, гарантирующие необходимую защиту интересов промышленности» (стр. 17 тезисов).

«Однако, предлагаемые мероприятия в области экспорта сами по себе не могут привести к положительным результатам без некоторых изменений политики импорта. *Необходимо одновременно изменить политику импорта.* Необходимо расширить импорт готовых изделий хозяйственного и личного, в особенности крестьянского, потребления. В связи с этим необходимо, сохраняя монополию импорта в пределах устанавливаемого на каждый год плана, предоставить возможность импорта готовых изделий упомянутому в предыдущем пункте кругу организаций в тех пределах, *в каких им удастся своим экспортом превысить намеченный план импорта, с присоединением к нему необходимого фонда валютного накопления*» (стр. 17—18).

Тихонько и бесшумно Н. Д. Кондратьев подползает к идее отмены монополии внешней торговли. Сказать это прямо *еще* нельзя. В тезисах необходимо даже побожиться «монополией импорта». На деле Н. Д. Кондратьев ходит вокруг да около кулацких чаяний в области ослабления монополии внешней торговли. Меры, которые он предлагает, приведут, видите ли, «к снижению цен частного рынка, к выравниванию частных цен с ценами государственной и кооперативной торговли», меры эти «значительно усилят стимулы крестьянского хозяйства к расширению его товарной продукции» и т. д. Словом, хорошо поет Кондратьев, убедительно поет, но—поет все *против* монополии внешней торговли.

«Свобода экспорта»! Но что это значит, как не отказ государства от контроля над важнейшей высотой экономики, как не поощрение связей растущей новой, «советской» буржуазии с мировым капитализмом, т.-е., иными словами, не ее усиление? Ибо

«после первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны *надолго* остается *слабее*, чем буржуазия, *просто уже в силу ее громадных интернациональных связей*, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны». (Ленин, «Детская болезнь», стр. 60).

«Наша белогвардейщина передвинулась через границу, от'ехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, *имея опору и поддержку западно-европейского капитала*». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 167).

А Кондратьев внутри страны дополняет парижского Милюкова, и потому он за «свободу экспорта».

Связь русского кулака с международным буржуа Кондратьев хочет укрепить и посредством политики импорта. «Изменить политику импорта». Допустить свободу импорта по усмотрению «свободных» экспортеров! Отменить государственное регулирование, т.-е. в конечном счете, отменить сначала фактически, а потом и формально монополию внешней торговли.

И дальше:

«В связи с предыдущим, необходимо одновременно отказаться от создания искусственных монопольных условий для государственного и кооперативного торгового аппарата на внутреннем рынке, а также от административных методов регулирования рынка, приводящих к его дезорганизации. Необходимо точно и ясно определить правовое и хозяйственное положение частного торгового аппарата на рынке» (стр. 18 тезисов).

В переводе на простой русский язык это означает: *права частнику!* Шире дорогу новому буржуа! Шире дорогу капитализму!

III. Кулацкая политика в деревне.

В тесной связи с этим стоят следующие предложения г-на Кондратьева:

«1) Необходимо законодательно уточнить понятие кулачества.

«2) Из'ять из содержания этого понятия на практике случаи аренды земли и найма с.-х. труда в размерах, допускаемых для трудового хозяйства по закону.

«3) Исправить налоговую практику в тех случаях, когда существующее обложение, благодаря резкому повышению прогрессии и формам учета доходности, ложится чрезмерно тяжелым бременем на развивающиеся слои крестьянских хозяйств и тем тормозит рост интенсивности и товарности с. хозяйства.

«4) Действительно изменить кооперативную и кредитную политику в смысле признания *безусловной свободы кооперативных* об'единений в области сельского хозяйства, отказа от давления на кооперацию извне, отказа в кооперативно-кредитной политике от протекционизма и филантропии в отношении немощных хозяйств и бесхозяйственных форм кооперации» (стр. 16).

Разве это не законченная программа кулака? Исправь налоговую практику в пользу кулака, «уточни» понятие кулачества так, чтобы кулак ускользнул в подворотню, отдай «немощные» хозяйства на выучку кулаку, признай «безусловную свободу» кооперативных об'единений (т.-е. *и кулацких!*), откажись от помощи им,—помощь бедняку мы, устряловцы, называем «протекционизмом» и «филантропией».

Чтобы не оставить никаких сомнений насчет последнего, автор тезисов в другом месте требует «создать специальный институт долгосрочного государственного и кооперативного кредита, обеспечиваемого *имуществом хозяйства*» (стр. 15). Не имеешь имущества—не получишь кредита. Не «фаворизируй» бедноту (стр. 12), откажись от «филантропии» по отношению к бедноте—вот «лозунг» Н. Д. Кондратьева. «Не должно вносить собесно-филантропического начала в строй работы кооперативно-кредитной системы» (стр. 16). Словом, если до сих пор мы оказывали кое-какую помощь бедноте через кредитную кооперацию—

а всем хорошо известно, что помощь эта была до сих пор далеко не достаточной—откажись от этого, иначе я, Кондратьев, назову это протекционизмом, филантропией, собесно-филантропическими началами, фаворизированием бедноты и т. д.

Кондратьев хочет «законодательно уточнить понятие кулачества». Что это как не прямое желание оградить от «посягательств» пролетарской революции так наз. «крепкого хозяина» и сказать, что у нас-де есть «хозяйственный мужик», но нет кулака? При этом замечательно и то, *как* хочет «уточнить» кулака г. Кондратьев. Он говорит не о том, *кто кулак*, а о том, *кто не кулак*. Аренда земли и наем рабочей силы—это не суть свойства кулацкого хозяйства.

Кто же кулак?

Нет кулака! Кулак существует только в воображении большевиков, кулак—«только на плакатах 1918 г.»,—говорят нам устряловцы.

Как обнаглели эти господа, как распоясались у нас легализованные устряловцы, если они смеют разговаривать уже таким языком!

IV. Кулак в борьбе с пролетарскими «крайностями».

На три группы «крайностей» обрушивается Н. Д. Кондратьев:

> «1) крайности нашего индустриализма; 2) крайности в мероприятиях по расширению государственного и кооперативного сектора в области обмена; 3) крайности проведения нашего курса политики в деревне».

Присмотримся поближе к тому, как сменовеховский профессор критикует все эти «крайности».

а) *О «крайностях индустриализма»*.

> «*Крайности индустриализма* характеризуются прежде всего тем, что мы приняли *непосильный темп* развития промышленности. Именно этот темп развития промышленности заставляет, в поисках средств на капитальные вложения, итти по пути значительных из'ятий материальных средств из деревни и по пути установления неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственные и индустриальные товары. Крайности индустриализма, далее, заключаются в том, что мы идем по пути *непосильного развития тяжелой индустрии*, производящей средства индустриального производства. Именно этот путь приводит к тому, что *процесс индустриализации* в настоящее время не повышает, а *ослабляет* степень снабжения деревни необходимыми ей продуктами хозяйственного и личного потребления» (стр. 9).

Отсюда и жалобы Н. Д. Кондратьева на «одностороннее направление» нашей импортной политики. Эта политика, по мнению Кондратьева, неправильна, «поскольку она построена на стремлении ввозить лишь орудия промышленного производства и сырье для промышленности». Кондратьев начал свои тезисы с того, что побожился «на принципе» индустриализации. На деле он *против* нынешнего курса на индустриализацию. *Он за индустриализацию лишь в той мере, в какой за нее стоит кулак.* Нынешнюю официальную политику партии, нынешний темп индустриализации Н. Д. Кондратьев считает ставкой на «сверх-индустриализацию». В своем докладе, прочитанном 2 марта 1927 г. в Институте Экономики Ранион, Н. Д. Кондратьев «устанавливает», что «характер наших плановых мероприятий явился фактором нарушения развития нашего хозяйства и нарастания затруднений» (стр. 26). «Мне кажется,—говорит Н. Д. Кондратьев,—что у нас имело место в прошлом именно такое плановое устремление (которое я не связываю с Госпланом), которое превратило ставку на индустриализацию в ставку на сверх-индустриализацию» (стр. 28). А это и привело-де к ряду затруднений, ибо «план реальных вложений превосходит об'ективные возможности» (стр. 28).

Н. Д. Кондратьев и его «школа» клянутся и божатся на каждом шагу, что высшим критерием всех их упований и пожеланий является *развитие производительных сил*. Однако, это следует понимать—с оговоркой. Н. Д. Кондратьев и К° действительно стоят за развитие производительных сил, но лишь в том случае, когда дело идет о развитии производительных сил *на принципе частной собственности*. Когда же дело идет о *социалистических* элементах нашего хозяйства, тогда у «кондратьевцев» начинаются оговорки, сомнения, упреки, резонерство.

Есть два пути развития производительных сил. Один—когда классовым носителем развития является буржуазия. Другой—когда гегемоном развития является пролетариат. Когда Кондратьев говорит о развитии производительных сил *вообще*—он говорит о *буржуазном развитии*. Они струвисты, эти господа, они за развитие производительных сил в том смысле, в каком за это стоял Струве в начале 900-х годов, они также за то, чтобы нынешняя Россия, советская Россия, пошла «на выучку к капитализму».

Развитие производительных сил при наличии пролетарской диктатуры есть основа всех основ социалистического строительства. В программе ВКП(б), написанной Лениным, справедливо говорится, что *главное и основное*, определяющее собой всю хозяйственную политику советской власти, это—всемерное повышение производительных сил.

Но вместе с тем нам необходимо помнить, что мы проходим через этап нэпа в стране с преобладанием крестьянства, находящейся в международном буржуазном окружении, при замедлении мировой революции. Переживаемая эпоха нэпа есть не только эпоха строительства социализма, но и эпоха обострения классовой борьбы в городе и в деревне. Сбиваться на голый критерий развития производительных сил—без учета того, растут ли при этом *социалистические* элементы хозяйства или *капиталистические*, без учета того, улучшается ли при этом положение народных масс и, прежде всего, рабочего класса—означает сбиваться на путь *буржуазный*. На этот путь и тянет г. Кондратьев.

б) *О «крайностях» монопольности*. Ну, а в чем заключаются «крайности» в мероприятиях по расширению государственно-кооперативного сектора в области обмена? Эти «крайности», по Кондратьеву, «заключаются прежде всего в том, что мы искусственно, путем административных мер создаем монопольное положение для государственного и кооперативного торгового аппарата...», что мы «проводим такую политику регулирования рынка, для которой нет об'ективных предпосылок...», что мы «исходим из представления, что рынка с его стихийными законами ценообразования у нас уже нет, что мы можем произвольно диктовать цены» (стр. 10—11). Все это, вместе взятое, «об'ективно тормозит

развитие крестьянского хозяйства и ставит в тупик агрономию» (там же). Шире дорогу частнику! Дайте дорогу частнику, иначе вы тормозите развитие крестьянского хозяйства и ставите в тупик агрономию!

Н. Д. Кондратьев не прочь присягнуть на кооперативном плане Ленина, не прочь, при случае, сложить хвалебную оду в честь социалистической кооперации. Но все это—слова, слова, слова. На деле же «установка» Кондратьева такова: если кооперация есть *кулацкая* кооперация, то она—благо, и ей надо предоставить «безусловную свободу»; а если советское государство начинает обслуживать основную массу середняков и бедняков, оказывать через кооперацию в интересах рабочего класса и крестьянства регулирующее влияние на рынок, тогда это—«крайности», которые губят крестьянское хозяйство.

Кулак пытается, и не без успеха, использовать кооперативные формы для прикрытия своих эксплоататорских поползновений. Он организует фиктивные кооперативные организации. Он проповедует свободу и независимость кооперативной организации. «Свободная», «независимая» и «неопекаемая» кооперация Кондратьева есть *кулацкая* кооперация. Вот почему Устряловы и Кондратьевы за свободную борьбу «живых сил страны».

в) *О бедняцкой «крайности»*. Но особенно замечательны рассуждения нашего автора относительно «крайностей» проведения нашего курса политики в деревне. Слушайте!

> «Крайности проведения мероприятий социальной политики в деревне сводятся к следующему. *Вместо того, чтобы вести курс помощи бедноте, мы на практике сплошь и рядом ставим ставку на бедноту*, т.-е. связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства с потенциальными возможностями развития бедняцкого хозяйства. Если ставка на помощь бедноте в смысле поднятия ее хозяйства является совершенно бесспорной, целесообразной и плодотворной, то подмен этой ставки на практике ставкой на бедноту является совершенно безнадежным. Бедняцкие хозяйства—это вовсе не наше преимущество, а наше несчастье, и смысл нашей работы в области с. хозяйства заключается не в том, чтобы увековечить и узаконить существование бедноты, как социальной группы, а в том, чтобы в кратчайший срок ликвидировать категорию бедняцких маломощных хозяйств» (стр. 11).

«Бедняцкие хозяйства вовсе не наше преимущество, а наше несчастье»—великодушно раз'ясняет нам либеральный профессор Н. Д. Кондратьев. На кого рассчитано это либеральное сюсюканье? Кого этими благоглупостями вы благоудивить хотите? Либеральный буржуа Кондратьев подробно раз'ясняет *большевикам*, что нашей задачей не является увековечить и узаконить существование бедноты, как социальной группы—разве это не курам на смех? Увековечить и узаконить существование бедноты до сих пор являлось задачей *вашего* класса, *вашей* партии, г. Кондратьев, ибо всюду, где господствуют капиталисты, там именно в той или другой форме узаконено и увековечено существование бедноты в городе и в деревне. Что социализм предполагает уничтожение бедноты, это, право же, было известно до Кондратьева.

Помощь бедноте—на это г. Кондратьев великодушно соглашается; но ставка на бедноту—о, нет, этого Кондратьев не одобряет. Эта словесная эквилибристика нужна либеральному профессору для того, чтобы жульнически скрыть, что его «ставкой» является *ставка на кулака*, что его стремлением является стремление увековечить и узаконить существование кулачества (и буржуазии вообще).

Пока существует кулак, будет существовать и обездоленная беднота. Кулак вырастает тем быстрее, чем мы беднее. Эту истину кулак и вы, г. Кондратьев, знаете еще из кулацкой поговорки 80-х годов: «у нас сторона богатая, потому что кругом народ бедный»—с неприкрытым цинизмом говорил кулак. Своей кооперативно-кредитной и налоговой политикой вы, г. Кондратьев, хотите опять вернуть нас к этой поговорке.

Мы связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства вовсе не только с потенциальными возможностями развития бедняцкого хозяйства. Это очень хорошо известно профессору Кондратьеву. Мы связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства также с возможностями развития *середняцкого* хозяйства. А беднота плюс основная масса середняков, это — громадное, подавляющее большинство деревни. Но, конечно, наша «ставка», наша политическая ставка в деревне—это ставка прежде всего на бедноту, ибо «советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 190). Бедняк—наша опора, середняк—наш союзник. Позвольте уж нам, г. Кондратьев, остаться при этой ленинской формуле.

> «Крайности наших мероприятий социальной политики в деревне,—продолжает Н. Д. Кондратьев,—сводятся также к тому, что вместо борьбы с эксплоатирующими кулацкими элементами в деревне мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепнущими слоями деревни. И если первая задача имеет социальный смысл, то подмен ее на практике борьбой с крепкими, развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйств, которые только и могут быть основной товарной продукции, является хозяйственно и политически опасной. Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказать реальную помощь самой бедноте» (стр. 12).

Профессор Кондратьев, как видите, любит кулака чисто платонической любовью; ему важно кулацкое хозяйство не само по себе, а только как средство «оказания помощи бедняку», как средство индустриализации советской страны! Либеральную пошлость о развитии крепкого хозяйства, как места приложения резервных сил бедноты и средства смягчения аграрного перенаселения—что выгодно-де самой бедноте—мы уже слышали не раз и всегда квалифицировали ее, как буржуазное издевательство над беднотой. Капиталист всегда изображает себя благодетелем рабочего Как именно «поддерживает» индустриализацию проф. Кондратьев, мы видели уже выше: как веревка поддерживает повешенного. Не лучше обстоит и с кондратьевской помощью бедноте. Оставьте в покое деревенскую бедноту, г. Кондратьев:

она обойдется как-нибудь без вашей «помощи»... «В покое оставь мужика».

Борьба с эксплоатирующими кулацкими элементами имеет свой социальный смысл—великодушно соглашается Кондратьев. Но на практике эта борьба у нас будто бы сплошь и рядом подменяется борьбой с крепкими, развивающимися слоями деревни. Эту пошлость повторяют на каждом шагу те, кто как раз никакой борьбы с кулачеством на деле не хочет. Эта «формула» Кондратьева вполне годится для защиты не только струвистских взглядов, но и для защиты прямой столыпинщины. Мы останемся при старой ленинской формуле: «*уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту*».

Далее Н. Д. Кондратьев пишет:

«Что касается мероприятий нашей социальной политики в деревне, то они развиваются не только по линии содействия бедноте, не только по линии нейтрализации и привлечения к активной работе середняка, но и по линии борьбы с высшими слоями деревни. При чем, так как понятие эксплоатирующих кулацких элементов деревни точно не определено, так как на практике эти понятия толкуются расширительно, то фактически борьба против высших, кулацких элементов деревни превращается в борьбу вообще с сильными слоями деревни. Эта борьба ведется не только по линии хозяйственной (налоги, кооперация, кредит), но и по всем другим направлениям (по линии общеполитических мероприятий, по линии политики образования, уголовной и т. д.)» (стр. 8).

Чем не кулацкий батька этот Кондратьев?

В другом своем докладе (от 2 марта 1927 г. в Институте Экономики Ранион) Н. Д. Кондратьев заявляет:

«Вам известно, что, вообще говоря, мы в деревне придерживаемся линии на бедноту, но именно эта ставка на бедноту понимается различно. Ставка на бедноту понимается в том смысле, чтобы оказать содействие бедноте, это одно дело, а другое дело, когда эта ставка на помощь бедноте превращается в ставку на бедноту, когда эту бедноту начинают рассматривать, как ту базу, без которой работать в деревне нельзя, а это у нас встречается».

«Мы» в деревне придерживаемся линии на бедноту. «Мы»— Кондратьевы, что ли? Разве это не забавно, когда профессор-сменовеховец пишет—«мы» в деревне придерживаемся линии на бедноту? Но совсем не до смеха, когда перед нашей учащейся молодежью господа Кондратьевы могут безнаказанно разводить турусы на колесах, будто у нас понятие эксплоатирующих кулацких элементов «толкуется расширительно», когда Кондратьевы олимпийски спокойно поучают нас, что беднота не должна быть нашей базой.

Высший слой деревни! Сильный слой деревни! Каких только прилагательных не придумывает Кондратьев, чтобы не выговорить прямо слова: *кулак*. Мы (без кавычек) ведем политику не на высшие слои деревни, не на сильные слои деревни, г. Кондратьев, а на бедняков и основную массу середняков. Зарубите себе это на носу!

г) «*Крайности*» *политики зарплаты*. Не обошел своим вниманием г. Кондратьев, конечно, и вопроса заработной платы. Свою точку зрения он формулирует *по существу* так: «мы» ведем политику на «сильные», на «высшие» слои деревни—значит, «мы» ведем политику и *на снижение заработной платы*. Послушайте, как разрешает эту жгучую проблему г. Кондратьев.

«Необходимо осуществлять политику зарплаты в городах так, чтобы движение зарплаты не служило фактором повышения промышленных цен и не препятствовало бы их снижению. В связи с этим *номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте*. Что касается реальной заработной платы, то в связи с проектируемым снижением промышленных цен, а, следовательно, и общего уровня цен, она возрастает автоматически. Дальнейший рост реальной заработной платы должен быть поставлен в тесную зависимость от значительных успехов в деле поднятия производительности труда» (стр. 19).

«Тонко» сказано! Рост номинальной заработной платы нужно приостановить. Нужно подождать, пока реальная заработная плата начнет возрастать «автоматически».

Более откровенно Н. Д. Кондратьев выразился на этот счет в его докладе в Институте Экономики Ранион:

«...В наших плановых мероприятиях были такие меры, которые своим действием замедляли процесс накопления...» и «мне кажется, что они заключались, во-первых, в политике зарплаты, которая не всегда находилась в соответствии с об'ективными возможностями в стране. Это едва ли нужно доказывать... Я вам укажу на последний квартал 1924—25 года и на 1925—26 год, когда зарплата была поднята *непомерно...*» (стр. 28). «Я не хочу,— торопится прибавить Н. Д. Кондратьев,—сказать, что этого не надо делать, это не мое дело, делать это или не делать, мое дело только констатировать».

Видите, какую необычайную скромность проявляет г. Кондратьев. Зарплата в последнем квартале 1924—25 г. и в 1925—26 г., видите ли, была поднята *непомерно!* Существующая политика зарплаты, видите ли, мешает процессу накопления в стране. Разве это не философия кулака? Разве это не устряловщина?

Кондратьевская линия в политике зарплаты есть прямая апелляция к крестьянину и, конечно, к кулаку в первую очередь. Кондратьев говорит крестьянину: «Ты получаешь дорогие товары. Почему? Потому, что рабочий получает больше, чем следует... Ты замедляешь свой «процесс накопления» по той же причине... Ты терпишь неурядицы. Почему? Потому, что зарплата была поднята непомерно».

Так через голову нашей партии и нашего государства творит дело провокации разрыва союза пролетариата с крестьянством либеральный буржуа. Так через нашу голову он пытается овладеть крестьянством против пролетариата и социализма.

* * *

Итак, какова программа Кондратьева?

1. Сократить индустриализацию. Нынешний темп индустриализации он об'являет «сверх-индустриализацией» и требует

сокращения капитальных вложений, по крайней мере, на 15%.

2. Сократить удельный вес тяжелой промышленности.

3. Сократить ряд промышленных работ—без точного указания каких именно.

4. Исправить «односторонность» нашего импорта в том смысле, чтобы ввозить поменьше орудий производства и промышленного сырья. Свобода экспорта.

5. Ревизовать систему монополии внешней торговли вообще в сторону ослабления ее (а затем и отмены).

6. Взять курс на «высшие», «сильные» слои деревни, т.-е. на кулака.

7. Помощь бедноте, ставку на бедноту об'явить недопустимым фаворизированием бедноты, протекционизмом, филантропией и т. д. «Живи как кто хочет и как кто может».

8. Кредитная кооперация не должна оказывать кредита тому, кто не может обеспечить этот кредит имуществом своего хозяйства (т.-е. «лодырям» и т. п.). «Безусловная свобода кооперативных об'единений» (т.-е. и кулацких).

9. Не надо расширять государственный и кооперативный сектор в области обмена (долой «крайности»). Права частнику. Долой государственное регулирование рынка!

10. Рост зарплаты надо задержать. Рост ее в 1925—26 гг. был «непомерен» (косвенно, между строк говорится, что заработную плату надо понизить).

К этому Кондратьев еще прибавляет добрые пожелания о снижении цен.

«Необходимо значительно, процентов на 15, снизить цены промышленных товаров, как розничные и оптовые, так и отпускные» (стр. 17). Почему бы, в самом деле, Кондратьеву не выказать «доброты»? Он, пожалуй, согласится на снижение цен на промышленные товары и процентов на 30. *За снижение промышленных цен стоит и должен стоять каждый большевик, но не каждый, стоящий за снижение промышленных цен, есть большевик.* Это на примере Кондратьева доказано вполне убедительно. Большевик—за необходимое снижение цен во имя укрепления союза пролетариата с крестьянством. Устряловец проповедует безмерное снижение цен во имя как непосредственных выгод кулака, так и успешного противопоставления *своей* линии нашей линии, во имя завоевания мужика. «Смотрите, мы добрее большевиков», говорят они мужику.

Снижение цен не путем рационализации всех хозяйственных процессов, а за счет ухудшения положения рабочего класса, Кондратьевы пытаются сделать составной частью *кулацкой* политики.

Кондратьев скромен, он требует провести только вышеозначенные 10 пунктов кулацких вольностей, и тогда он будет удовлетворен. Если же это сделано не будет, тогда—о, тогда Кондратьев угрожает не больше и не меньше, как следующим.

V. Две линии.

> «В противном случае процесс индустриализации страны лишается устойчивости, может явиться фактором ослабления сельского хозяйства и, рано или поздно, вызовет кризис всего народного хозяйства».

Ну, а если мы послушаемся Кондратьева, тогда у нас запляшут лес и горы.

> «Можно твердо полагать, что предлагаемая система мероприятий не только приостановит упадочные тенденции в сельском хозяйстве, но и даст значительный толчок росту его производительных сил, а, следовательно, толчок развитию всего народного хозяйства, и подведет прочную базу под процесс индустриализации страны» (стр. 19).

Профессор Кондратьев скромен, доверьтесь ему, и уж он остановит упадочные тенденции, даст толчок развитию всего народного хозяйства и подведет прочную базу под... устряловщину.

> «Предлагаемые мероприятия, в частности мероприятия в области с.-х. политики,—признается Кондратьев,—несколько *усилят процесс дифференциации в деревне*. Однако, этот процесс дифференциации в данном случае будет симптомом экономического роста сельского хозяйства. В наших условиях, когда государство располагает столь могущественными средствами воздействия на сельское хозяйство, в этом усилении дифференциации нет никакой политической опасности» (стр. 19—20).

Нет никакой политической опасности—*для кого*, г. Кондратьев? Для вас, для Устрялова, для струвистов, для нео-столыпинцев, называющих себя нео-народниками, для новой буржуазии, для кулака, для их покровителей Чемберленов? Конечно, для вас такая политика не только не представляла бы опасности, она была бы для вас сущей находкой. Но именно поэтому, такую политику должен отвергнуть рабочий класс СССР.

Да не подумает читатель, что гг. Кондратьев и Устрялов просто утописты и болтуны. Далеко нет. Их политическая линия вполне реальна, ибо имеет прочную социальную опору в деревне.

> «Пока мы живем в мелкобуржуазной стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и, чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и *земледелие*, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.
>
> «Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация *всей* страны. Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно» (Ленин, т. XVII, 427—428).

Как живы и актуальны эти слова Ильича ныне, когда *Кондратьевы пытаются взять реванш над Лениным!*

Провозгласить свободу накопления, *т.-е. свободу капитализма*, увековечить капитализм хотят Устряловы и Кондратьевы. Это—одна возможная линия, обеспечивающая *буржуазное* развитие производительных сил.

Преодолеть капитализм, вырвать корни его, т.-е. постепенно «изжить» мелких товаропроизводителей—«уничтожить классы — значит... уничтожить мелких товаропроизводителей...» (Ленин)—

путем максимально возможной индустриализации и электрификации. А это значит—укрепление пролетариата, повышение его материального и культурного уровня, это значит—ставка на бедноту, союз с середняком, постоянная и беспощадная борьба с кулаком. Это—*вторая* линия, обеспечивающая *социалистическое* развитие производительных сил.

VI. Кондратьев «вырабатывает» аграрный законопроект.

Без Кондратьева не обошлось, конечно, и в деле выработки законопроекта «об основных началах землепользования и землеустройства». Недаром же «ученые» и «специалисты» усиленно протаскивали в этой области буржуазные принципы, разобранные в превосходной статье т. Карпинского (см. «Большевик», № 13—14 за 1926 г.). Профессор Кондратьев участвовал в обсуждении названного законопроекта в Коммунистической Академии (30 сентября—4 октября 1926 г.) и, разумеется, Кондратьев поучал там той же устряловской философии.

> «Мне кажется,—заявлял тоном оракула г. Кондратьев,—что в нашей текущей практике, текущей политике мы сплошь и рядом видим такие контраверзы, которые ставят органы, ведущие экономическую политику, в чрезвычайно трудное, безвыходное положение. С одной стороны, мы ставим ставку на повышение товарности хозяйства и в то же время и в земельном законодательстве, и в других сферах законодательства, связанных с земельным, затрудняем развитие товарности хозяйства. Далее, мы ставим ставку на развитие кооперации и в то же время боимся роста живой кооперации... Я все это веду к тому, чтобы сказать, что в нашем земельном и связанном с ним законодательстве есть страх перед существующим и несуществующим кулачеством... Я хотел бы свою мысль продолжить таким образом, что здесь-то и обнаруживается со всею очевидностью недоговоренность относительно того, что же мы ставим во главу угла—развитие производительных сил или что-нибудь другое... Понятия «кулак» и «средний хозяин» в высшей степени относительны... Возьмите Америку, разве там эти понятия имеют то же экономическое содержание?» (Основные начала землепользования и землеустройства. Сборник статей, докладов и материалов. Изд. Коммун. Академии. 1927. Стр. 179—180).
>
> «Конечно, нельзя отрицать, что в современном сельском хозяйстве существует дифференциация. Но чрезвычайно опасной ошибкой является переоценка процесса дифференциации, переоценка значения кулацких слоев деревни. Наше сельск. хозяйство в общем еще настолько примитивно и бедно, настолько исчерпывается сплошной однородной необ'ятной массой распыленных и слабосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением» (там же, стр. 245).

Здесь опять-таки налицо вся гамма сменовеховщины. Вы хотите повышения товарности сельского хозяйства, так берите же курс *назад, к капитализму!* Вы хотите развития кооперации, так берите же курс на рост «живой» кооперации, т.-е. на рост эсэровско-меньшевистской кооперации, на «живые силы страны». Вы хотите развития производительных сил страны, тогда к чему же «недоговоренность», тогда скажите прямо, «что мы ставим во главу угла—развитие производительных сил *или что-нибудь другое*». Т.-е. только развитие производительных сил (по Струве) или *социалистическое* развитие производительных сил, т.-е. развитие производительных сил не на началах капитализма, а на началах социализма (Ленин).

Да, г. Устрялов... то бишь, г. Кондратьев, мы ставим во главу угла *не только* развитие производительных сил, но и кое-что «другое»: уничтожение частной собственности, уничтожение эксплоатации человека человеком, поднятие благосостояния масс. *Через нэп мы идем к социализму, между тем как вы с Устряловым хотите через нэп итти к капитализму.* В этом «маленькая» разница между вами и нами. В Америке, поучает нас г. Кондратьев, понятия «бедняк», «середняк» и «кулак» имеют другое экономическое содержание, чем в России (а зарплата в Америке разве не выше, г. Кондратьев?). Благодарим за то, что вы нас просветили на этот счет, но смеем вас уверить, г. Кондратьев, что у нас рабочие не так глупы, чтобы не понимать, что это никакого отношения к делу не имеет и что мы-то должны брать критерий наш, а не американский. Когда Ленин писал «Развитие капитализма», он прекрасно знал, что бедняк, середняк и кулак в Америке это нечто другое, чем бедняк, середняк и кулак в России. Но когда мы говорим о той социальной почве, *из которой может произрасти капитализм в современной России*, то нас интересует не столько разница, существующая между кулаком в России и кулаком в Америке, сколько разница, существующая между бедняком, середняком и кулаком *именно в нашей стране*. Наше сельское хозяйство примитивно и бедно—это верно. Но и на этом фоне кулак может расти и растет. «Страха» перед кулачеством у нашей партии нет и не будет, но заговаривать себе зубы насчет того, что у нас кулак, будто бы, вовсе не существует, что русскому кулаку далеко до американского и т. д., партия тоже не позволит. «Задача нашей партии развить сознание, что враг среди нас есть анархический капитализм» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 346).

Как видит читатель, скромные «тезисы» Н. Д. Кондратьева и не менее скромные устные выступления его представляют собою на деле *настоящий манифест кулацкой партии.* Идеологи новой буржуазии обожгли крылышки в 1922—23 гг., когда они попробовали создать в Москве и Ленинграде несколько легальных журналов, открыто проповедывавших буржуазно-устряловские идеи. Теперь эти господа действуют более окольными путями. Но в последнее время они начинают распоясываться с необычайным нахальством. Пора, давно пора дать идейно-политический отпор Кондратьевым и К°, действующим сейчас в порах очень многих важнейших наших государственных учреждений и использующих легальные советские возможности более чем усердно.

Кондратьевщина—это уже не просто накипь нэпа; это более или менее законченная идеология новой буржуазии. Борьба против нее есть составная часть борьбы против кулака, нэпмана и бюрократа.

Ю. Ларин.

Налоговое обложение и оппозиция.

После отстранения оппозиции от участия в руководстве центральными хозяйственными органами (СТО, Наркомфином, Госпланом, Наркомторгом и др.) партия стала пристальнее изучать практическую линию, проводившуюся в этих органах, и ее действительный классовый результат. В ряде решающих пунктов обнаружилось то кричащее противоречие между «противобуржуазными» *фразами* и между уступочной по отношению к частному капиталу *практической линией*,—какое вообще явилось характерным для оппозиции (ср. об'яснение этого противоречия в работе моей «Социальный смысл партийной оппозиции» в «Правде» за октябрь 1926 г.). Особенно наглядным оказалось это противоречие в *налоговой практике*.

Разумеется, основные, принципиальные линии налоговой политики решались *партией*. Потому в самой *политике* нельзя найти извращений нашей программы и общей линии. Но практические тонкости всевозможных обширных, многопараграфных налоговых «положений», «правил», «постановлений»—все это разрабатывалось и проводилось уже аппаратами, находившимися под прямым руководством оппозиции. Достаточно вспомнить, что к наиболее ответственным представителям оппозиции одновременно принадлежал народный комиссар финансов; ведающий бюджетным управлением член коллегии НКФ; ведающий хозяйственно-контрольным планом заместитель председателя Госплана; председатель бюджетно-финансовой секции Госплана; согласующий вопросы частного обложения народный комиссар торговли, а ранее председатель СТО, и т. д. Словом, вся детальная проработка и предварительное согласование подробных налоговых законопроектов производилась аппаратами, возглавлявшимися как раз оппозицией. Само собой, что основные директивы партии всегда оставались в силе—капиталиста у нас всегда облагали на более крупную сумму, чем рабочего, а кулака облагали на более крупную сумму, чем бедняка и т. д. Но в рамках этих директив проводились, как оказалось, детальные практические меры, какие в своей совокупности означали *относительное благоприятствование крупному частному капиталу*, ослаблявшее полезное действие принятых политических директив. Прохождение же в советском порядке этих многопараграфных налоговых законов через СНК и ЦИК недостаточно помогало делу, ибо внимание сосредоточивалось там на основных линиях, а не на бесконечном количестве налоговых ставок в приложениях (составляющих, например, по сельхозналогу целую брошюру). Да и быстрота прохождения через заседания ЦИК и СНК вообще исключала возможность детальной проверки всех отдельных ставок—а практическую тенденцию этих ставок, как она выяснилась затем на

опыте, нельзя было предполагать, не ознакомившись с ними детально. Так произошло, что разрабатывавшаяся и возглавлявшаяся оппозицией налоговая практика в ряде пунктов разошлась с директивами партии в сторону благоприятствования частному капиталу. На соответственных руководителей оппозиции ложится здесь в первую очередь ответственность и за самые эти извращения и за то направление, какое в этом отношении сумел проводить находившийся под их ближайшим руководством и контролем бюрократический аппарат. Партии потом пришлось и приходится еще постепенно изучать и исправлять эти оппозиционно-бюрократические извращения. В основном в налоговом деле их обнаружено *шесть*.

Во-первых, у нас существует совершенно определенная линия на то, что *сельхозналог* должен быть для кулаков тяжелее, чем для середняков, а для маломощных должен быть еще легче. Между тем упомянутая уже докладная записка обновленного Наркомфина установила, что на деле ставки были разработаны способом, приведшим на практике к обратному результату. В итоге проверки того, что оказалось на деле в 1925—26 г.,—НКФ на стр. 92 доклада о тяжести обложения (разработанного под руководством В. Ржевусского) приводит таблицу, показывающую по всей РСФСР в целом тяжесть обложения сельхозналогом каждой группы крестьян. Под тяжестью обложения имеется в виду процент из'ятия сельхозналогом средств из дохода крестьянского хозяйства, а все хозяйства разделены на группы, смотря по величине дохода в рублях *на душу* каждого члена семьи в среднем (для того, чтобы получить доход *семьи*, надо эту величину помножить в среднем на пять). Результат проверки оказался для РСФСР таким:

Группы по доходу на душу.	Процент из'ятия.
От 60 руб. до 80 руб.	4,9
» 80 » » 100 »	4,9
» 100 » » 150 »	4,1
» 150 » » 200 »	3,7
Свыше 200 руб.	2,8

Иначе сказать, чем зажиточнее крестьянин, тем легче были рассчитаны для него ставки налога. В то время, как партия давала директиву нажимать на кулака и облегчать середняка—возглавляемый и руководимый лидерами оппозиции аппарат, за который они несут полную ответственность, в разработке ставок провел резко выдержанную линию относительного благоприятствования более мощным хозяйствам (для *наиболее бедной* группы, по тому же докладу, размер из'ятия по РСФСР оказался доходящим до *10,1%* дохода, т.-е. в три с половиной раза относительно тяжелее, чем для наиболее зажиточных).

В вышедшем в 1927 г. издании НКФ СССР «Сельское хозяйство по данным сельхозналога за 1925—26 г.» на стр. 21 введения (в статье тов. Лифшица) приведена наглядная иллюстрация, какими приемами мог быть достигнут такой результат. Правительство дало директиву уменьшить в 1925—26 г. сельхозналог на 30% против общей величины его в 1924—25 г. Наркомфин эту директиву выполнил, но так распределил уменьшение по отдельным разрядам, что кулаки получили скидку больше се-

редняков и бедняков, а для бедняков ставки налога были отчасти даже увеличены. Благодаря этому, в отличие от всей советской традиции, и получилась в период практического руководства оппозицией налоговым делом та неприглядная картина, о какой свидетельствует приведенная официальная таблица. Тов. Лифшиц приводит такой наглядный пример. Для обложения сельхозналогом крестьяне разбиты на девять групп (самая малосеющая и малопашущая—первая, самая многопашущая и многосеющая—девятая). Внутри каждой группы налог взимается по трем ставкам: 1) за первую полдесятину на едока, 2) за часть выше полдесятины до полуторы десятины на едока, 3) за часть выше полуторы десятины на едока. Оказывается, при установлении этих детальных ставок на 1925—26 г. сравнительно с 1924—25 г. была проделана комбинация, которую может проиллюстрировать следующая табличка итогов по Тульской губ. (со стр. 21 упомянутого введения тов. Лифшица). *Минусом* обозначен здесь процент уменьшения ставки сравнительно с предшествовавшим годом, а *плюсом*—процент увеличения:

Группы.	Первая ставка.	Вторая ставка.	Третья ставка.
	В процентах.		
Первая (низшая)	— 40	— 14	+ 15
Девятая (высшая) . . .	— 53	— 35	— 15

Надо было все уменьшение сельхозналога (*около 100 млн. руб.*) употребить на облегчение положения бедноты и середняков, *чтобы дать им возможность целых 100 млн. руб. вложить в улучшение своего хозяйства*. Для этого государство и пошло на такую жертву, как уменьшение сельхозналога на 100 млн. руб., несмотря на общее напряжение государственного бюджета и недостаточность его для полного удовлетворения всех нужд. А «оппозиционный» Наркомфин использовал это для наибольшего процентного уменьшения ставок обложения *кулаков*—не только за счет общего уменьшения сельхозналога, но даже еще за счет попутного частичного увеличения ставок налога для *низшей* группы. Теоретическое принципиальное обоснование подобной линии «содействия развитию производительных сил» можно найти в общей форме в известной речи тов. Сокольникова на декабрьском партийном с'езде 1925 г. Но там нет специального приложения ее к сельхозналогу и к налоговой практике вообще. А что означает это на практике—в этом мы разбираемся постепенно лишь по мере реального исследования той налоговой практики, какая осталась в наследство от товарищей, руководивших ею с извращениями и отступлениями от принципиальных директив партии.

Само собой, что при *проведении* сельхозналога в следующем 1926—27 г. *эти извращения были исправлены*. Тяжесть для бедноты была понижена, тяжесть для высших групп была повышена. На следующий 1927—28 г. это исправление извращений еще усугубляется. Но уже и отчетные данные о законченном взимании сельхозналога за 1926—27 г. ясно свидетельствуют о наступившем резком переломе практики, о возврате обновленных финорганов от оппозиционных извращений к советским традициям, к действительному соблюдению принципиальных дирек-

тив. Приведу для примера (со стр. 93 упомянутой докладной записки) данные по трем округам: Валдайский уезд, Старорусский уезд, Омский округ. Данные эти показывают процент из'ятия сельхозналогом средств из доходов крестьянских семей, разбитых на группы по доходности на едока:

Группы.	1925/26 г.	1926/27 г.	Плюс или минус.
	в процентах.		
Омский округ:			
а) низшая группа	4,1	2,4	— 40
б) высшая группа	13,5	16,2	+ 20
Старорусский уезд:			
а) низшая группа	2,8	2	— 29
б) высшая группа	5,6	15	+ 167
Валдайский уезд:			
а) низшая группа	2,1	1,9	— 10
б) высшая группа	6,8	14,3	+ 110

Сравнение этой таблички с предшествовавшей может служить превосходной иллюстрацией к вопросу о действительном социальном смысле отстранения оппозиции от участия в руководстве главнейшими правительственными органами. *Маркс* учил, что высшим критерием теории (мерилом для ее оценки)—является практика. *Ленин* добавил, что идиот тот, кто верит на слово. Практика сельхозналога, как и дальнейшие пункты настоящей главы, могут помочь ориентироваться тем, кто желает разобраться *в словах и делах оппозиции*.

Вторая существенная директива, о которой здесь теперь приходится говорить и которая никогда не отменялась партией, заключается в том, что *для кооперации обложение должно быть благоприятнее, чем для частных предприятий*. Между тем проверка «наследства» показала, что на деле товарищи из Наркомфина гнули линию на уменьшение тяжести обложения для частников и на увеличение тяжести обложения для кооперации. Это, конечно, вполне соответствует принципиальной линии ряда видных руководителей оппозиции, рекомендовавших из'ять государственные капиталы из торговли и тем самым, значит, заменить кооперативную торговлю частной торговлей (во имя вложения в данный момент добавочных средств в постройку новых заводов). Но это, без сомнения, должно оказаться неожиданным для партийного общественного мнения, имеющего совсем другую установку. Доклад инспектора НКРКИ СССР тов. Гроссмана, согласованный с НКФ (февраль 1927 г.) дает сравнение изменения тяжести обложения промысловым налогом (уравнительным сбором с зачетом патентного сбора) для кооперации и для частников в интересующий нас период. Тяжесть обложения выражена здесь в проценте, какой составляет обложение по отношению к обороту соответственно кооперации и частников:

	Кооперация.	Частники.
	в процентах.	
Апрель—сентябрь 1924 г.	0,6	1,3
Октябрь 1925 г.—март 1926 г. . .	0,8	1,2

Таким образом, тяжесть обложения для кооперации *увеличилась на 33%*, на треть, а тяжесть обложения для частников,

наоборот, *уменьшилась на 8%*. Частники были обложены в апреле—сентябре 1924 г. тяжелее кооперации на *116%*, а в октябре 1925 г.—марте 1926 г. уже только *на 50%*. Таким образом бедненьким частникам,—размеры чистого накопления которых и без того определяются Наркомторгом для 1924—25 года в 30% на капитал,—давалась возможность положить в свой карман дополнительно еще разницу от уменьшения для них налогов (до 20 милл. руб.). А кооперации затруднялось вытеснение частника и *удешевление товаров*. Ибо недобор от уменьшения тяжести обложения для частника «оппозиционный» Наркомфин покрывал путем увеличения тяжести обложения для кооперации. Это не совсем похоже на то финансирование пролетариатом необходимого ему кооперативного строя, которое завещал Ленин. Это больше похоже на финансирование капиталистического хозяйства за счет кооперации [1]).

Для исправления этого извращения, после надлежащей оценки оставленного оппозицией «наследства», советской властью проведено уже в жизнь в 1926—27 году повышение промыслового налога для капиталистов в соединении еще со специальным налогом на торговую сверхприбыль. По 30 губерниям уже имеются отчетные данные НКФ о результатах обложения частников в 1926—27 г. по новому закону о промысловом налоге (сообщены т. Фрумкиным). Оказывается, обложение возросло в среднем на 46% против предшествовавшего года, но так как и обороты частников по этим же налоговым данным возросли на 38%, то реально тяжесть их обложения по новому закону увеличилась почти на 6%. Если принять во внимание еще введение и произведенное увеличение налога на сверхприбыль, то можно считать охарактеризованное выше понижение тяжести обложения частной торговли на 8% уже ликвидированным. Однако, выясненные тем временем размеры капиталистического накопления и две дополнительные особенности практики обложения частников позволят поставить вопрос и о дальнейшем увеличении.

Во-первых, выясняется, что у нас *крупные торговцы обложены относительно легче мелких*. Во-вторых, детальный анализ (разбор и оценка) ставок налогового обложения, как они разработаны были в свое время аппаратом Наркомфина и существуют еще посейчас,—показывает, что характер их, как выражается в своем докладе т. Гроссман, «*не соответствует основному направлению нашей политики в отношении частного капитала*: перемещению его из торговли в промышленность» (стр. 10 упомянутого доклада). В большей части отраслей *торговли* ставки обложения капиталистов *равны* обложению государственной и кооперативной торговли. А почти по всем отраслям частной *промышленности* они, наоборот, *выше*, чем в государственной и кооперативной промышленности. Тем самым для частного капитала создаются более легкие условия конкуренции в торговле, чем в промышленности. Он как бы специально отвлекается от

[1]) Создалось такое положение, пишет тов. Гроссман, что «*почти по всем отраслям торговли* (за исключением торговли пушниной, нефтяными продуктами, мануфактурой, аптекарскими и парфюмерными товарами и оборудованием фабрик)—*проценты обложения частной торговли одинаковы с процентами обложения для государственной и кооперативной торговли*» (стр. 10 доклада в комиссию при НК РКИ). Ясна поэтому необходимость пересмотреть положение по каждой отрасли в отдельности.

организации производства новых полезных предметов к организации спекуляции уже существующими предметами. В разделе о промышленности было уже указано, что по налоговым соображениям капиталистам выгоднее (там где допускает техника) организовывать «домашнюю систему» капиталистической эксплоатации вместо прямого открытия мастерских и фабрик. Вопрос об изменении обложения в сторону менее жестких условий для частной промышленности (кроме вредных отраслей), чем для частной торговли, в настоящее время уже стоит на очереди. Таким образом, будет устранено и это извращение налоговой практики.

Что же касается обложения крупных торговцев легче мелких, то здесь мы имеем подобие той же *обратной прогрессии*, какую выше видели для сельхозналога по РСФСР в 1925—26 г. Наркомторг СССР в таблице № 13 своего доклада от декабря 1926 г. (см. также издание Наркомторга «Частная торговля в СССР», М. 1927 г.) приводит соответствующие подробные сведения об обложении частной торговли за 1925 г. Частная торговля для целей обложения разделена на пять разрядов (низший, разносчики—первый; высший, самые крупные—пятый). По *городам* Наркомторгом разработаны и даны сведения, начиная со второго разряда (второй—киоски, третий—обыкновенные розничные лавки и т. д.). Все цифры таблицы № 13 показывают, какой процент составляют налоги по отношению к обороту по продажам торговых предприятий каждого разряда. Вот, прежде всего, данные о том, какой процент составляет *патентный сбор*:

	в процентах.
2-й разряд	0,85
3-й разряд	0,42
4-й разряд	0,30
5-й разряд	0,19

Картина совершенно ясная. Чем крупнее частный торговец, чем на большую сумму частный торговец торгует, тем меньшую долю оборота в виде патентного сбора брал с него Наркомфин по разработанным при тов. Сокольникове ставкам. Я указывал уже—и подчеркиваю еще раз—что совершенно невозможно укрываться за формальное утверждение органами власти соответственных «положений», «инструкций» и т. п. налоговых постановлений. *Партия и советская власть никогда не давали директивы крупных торговцев облагать легче, чем мелких—наоборот.* Когда в соответствующие органы вносились на утверждение соответствующие законы с приложением таблиц разных ставок и т. п.—го никому не могло притти в голову, что если заподозрить и расшифровать все эти ставки, то выйдет для кулака большее облегчение сравнительно с середняком, а для крупного торговца относительно более легкое обложение сравнительно с простым киоском или с уличным разносчиком из безработных. В самом же тексте ни на что подобное и не намекалось, и никогда в своих многочисленных докладах тов. Сокольников не предупреждал, что на практике получится такая картина.

Это относится не только к патентному сбору, но и к совокупности всех налогов. Наркомторг в указанной таблице № 13 дает справку также о том, какой процент к обороту по продажам составляет для частной торговли в городах *совокупность всех на-*

логов (включая подоходный, промысловый, гербовый и т. д., в том числе все местные):

	в процентах.
2-й разряд	5,02
3-й разряд	5,05
4-й разряд	4,00
5-й разряд	2,47

Иногда распространяют пустые разговоры о том, что платежи *за аренду помещения* и тому подобные налогообразные сборы будто бы особенно способны задевать *именно крупных* капиталистов. Потому Наркомторг дает сведения и о сумме налогов для городских торговцев *вместе с арендными* и прочими «налогообразными» платежами. Результат:

	в процентах.
2-й разряд	7,81
3-й разряд	7,00
4-й разряд	5,07
5-й разряд	2,87

Совершенно подобный же результат и по частной торговле *в деревне*. По деревне Наркомторг дает (в той же таблице № 13) данные о всех пяти разрядах. Приведу только общий итог, включающий все налоги (патентный, уравнительный, подоходный, гербовый и т. д.), все сборы, арендные и прочие налогообразные платежи:

	в процентах.
1-й разряд	10,81
2-й разряд	8,45
3-й разряд	6,07
4-й разряд	4,31
5-й разряд	3,55

Следовательно, крупный торговец по отношению к сумме своих продаж обложен в деревне (включая аренду и пр.) *в три раза легче* уличного разносчика. Почти подобную же разницу имеем в городе между крупным торговцем и киоскным. Между тем, чистое накопление у крупного (у капиталиста) велико, а у уличного и киоскного его почти нет или вовсе нет. Кому-либо может притти в голову, что, поскольку в пятом (высшем) разряде помещаются *оптовики*—их следует облагать полегче, иначе они прибавку переложат на розничников. Но почему же тогда более крупный розничник третьего разряда должен быть обложен легче более мелкого розничника второго разряда и тем более первого? Для этого нельзя придумать никакого разумного основания. А просто приходится установить извращение налоговой практики в сторону направления главного нажима не на капиталиста (как следует по директивам партии и советской власти), а в сторону частника неэксплоататорского типа, мелкого и мелчайшего. Особенно резко это проявляется в области так называемых «налогообразных» платежей (аренда за помещение, коммунальные услуги). Если по приведенным данным об обло-

жении частной торговли в городах принять за 100% относительную величину платежей для торговцев второго разряда (киоски), то для гораздо более крупных торговцев четвертого и пятого разряда получим:

	Налоги.	Аренда и т. п.
	в процентах.	
2-й разряд	100	100
4-й разряд	80	24
5-й разряд	49	15

Чрезвычайная неравномерность, неправильность и даже обратная прогрессивность имеет место в особенности как раз по оплате аренды, коммунальных услуг и т. п. Поэтому в настоящее время, когда мы разобрались в «оппозиционном наследстве» уже поставлен и предрешен вопрос о пересмотре всех этих «налогообразных» платежей (как аренда и коммунальные услуги), во-первых, в сторону *понижения их* для торговцев первого и второго разрядов (для разносчиков и киосков) и для не имеющих наемных рабочих кустарей. А во-вторых—в сторону приведения в соответствие с принципами налогового обложения (что означает повышение для крупных сравнительно с мелкими).

Пятое извращение партийной линии налоговой практикой в тот же год руководства оппозиционерами финансовым аппаратом заключается в своеобразном, вполне определенном сдвиге налогового бремени внутри *неземледельческого* населения. Выше мы видели, что произошло в этот период с *сельхозналогом*, и как партии пришлось потом выправлять допущенные в этом отношении извращения. Видели мы также проявление некоторых соответственных тенденций в обложении частной торговли. Теперь Наркомфин СССР (тот же доклад) разработал данные об изменениях в обложении *подоходным налогом* в 1925—26 г. разных частей неземледельческого населения сравнительно с предшествовавшим 1924—25 годом (стр. 44—45 доклада). С крестьян, как известно, подоходный налог не взимается, с них берется сельхозналог. Процент из'ятия подоходным налогом средств из дохода каждой группы населения, установленный НКФ для 1924—25 г., мы принимаем за 100%. И затем по той же табличке НКФ смотрим, на сколько процентов он увеличился (плюс) или уменьшился (минус) в 1925—26 г. против предшествовавшего года. Результат оказывается таким:

		в процентах
1. Рабочие	плюс	28
2. Служащие	»	45
3. Личные промысла (трудовые)	»	1
4. Домовладельцы (мелкие)	»	9
5. Торговцы и предприниматели:		
а) мелкие	минус	6
б) средние	»	2,5
в) крупные	»	3,8
6. Пенсионеры, стипендиаты и т. п.	без перемен.	

Эта таблица вполне поясняет, почему для 1926—27 г. издан новый закон о подоходном налоге. Ибо последнее творчество возглавлявшегося оппозицией аппарата, существовавшее в 1925—26 году, означало, как мы видим, заметное увеличение *тяжести* обложения подоходным налогом рабочих и служащих,

некоторое увеличение тяжести и для *мелкого частного хозяйства* (трудовые промысла)—и на ряду с этим понижение тяжести *для всех торговцев и капиталистов* (в том числе промышленных). Партийные и советские директивы такой манерой вычислять и устанавливать ставки обложения ставились на голову. Их надо было поставить на ноги. С этою целью в новом подоходном налоге, принятом «после оппозиции» (вошел в силу с 1 октября 1926 г.), освобождены от подоходного налога рабочие и служащие, получающие до 100 руб. в месяц (раньше только до 75 р.—и, несмотря на единодушное желание комиссии ЦИК повысить необлагаемый минимум до 100 руб. уже на 1925—26 г., тов. Сокольников настоял тогда на неутверждении этого решения) и повышены ставки подоходного налога для капиталистов.

Разумеется, как уже упомянуто было в отношении всего обложения в целом, и в 1925—26 г., несмотря на все эти извращения, капиталисты облагались у нас подоходным налогом сильнее, чем рабочие. Иная постановка сразу бросилась бы в глаза в тексте любого закона, и ее никто бы не потерпел и не пропустил. Но тенденция к *противоположным* поправочкам на практике путем соответственной «разработки» детальных ставок показана и доказана приведенным рядом фактов в полной мере. И она, разумеется, давала на практике свои вредные плоды, достаточно выше охарактеризованные по официальным данным. Лишь после отстранения оппозиционеров от руководства налоговым делом достаточно выяснилось это наследство, и начат был пересмотр и исправление замеченных извращений, продолжающийся и в настоящее время. То обстоятельство, что все эти извращения направлены *в одну сторону*—не может не быть характерным для *практики* тех деятелей, кто, как тов. Каменев (тогдашний председатель СТО), тов. Сокольников (тогдашний Наркомфин), тов. Смилга (тогдашний фактический руководитель Госплана, первый заместитель болевшего председателя), возглавляли разработку и проведение всей этой практики соответственными аппаратами, а теперь не прочь *об'являть* себя особо левыми и чуть ли не бывшими вечно левыми.

Шестой пункт в этой практике, на какой надо будет обратить особое внимание—это полная почти неразработанность мер для обложения *частного кредитного капитала*. Выше мы видели его размеры и значение для буржуазного накопления. Общественное мнение вполне основательно признает денежно-кредитные операции капиталистов самою выгодною отраслью их деятельности. И как раз они остаются у нас на деле почти полностью без налогового обложения, тогда как капиталистическая и трудовая частная промышленность и торговля обложены. Главное затруднение здесь—отсутствие таких резко бросающихся в глаза *внешних признаков*, какие есть до некоторой степени в торговле и отчасти в промышленности. Но это затруднение не непреодолимое. Две трети частного кредитного капитала помещаются в капиталистическую среднюю и крупную промышленность и торговлю. Число всех таких предприятий не безмерно велико, всего около 180 тысяч, и их деловые книги (которые они обязаны и должны быть обязаны вести) контролируются фининспекторами. Данные этих книг и выводимых по ним балансов содержат, как мы видели из анкеты НКФ, сведения о весьма крупных суммах частного кредитного капитала, о сотнях миллионов. Можно установить, напр., обложение определенным процентом всех кредитных оборотов данного торгового или промышленного предприятия (с принятием мер к отнесению этого обложения за счет соответственного уменьшения процентов по этим кредитным сделкам и т. п.). Можно наметить и некоторые другие зацепки для решения той же задачи, входить в технику здесь не место. Но сама задача должна быть поставлена *практически* в отличие от того почти полного налогового невмешательства на капиталистический денежно-кредитный рынок, какое существовало до сих пор. Отсутствие энергии в этом отношении, хотя и неосознанное, можно поставить в некоторую внутреннюю связь с первоначальными расчетами на роль *капиталистов* для образования внутреннего фондового рынка, где можно было бы размещать госзаймы. Выше уже охарактеризован тот перелом в ориентировке, который в этом отношении наступил в НКФ после тов. Сокольникова, и показана его правильность.

В связи с вопросом об обложении частного капитала необходимо отметить еще два обстоятельства. Во-первых, года полтора назад у нас были распространены подсчеты некоторых тогдашних работников о неслыханно громадном обложении частного капитала. Выходило так, что не только не может быть никакого значительного накопления, но вообще остается удивляться, как эти страдальцы еще существуют. Получалось, будто налоги и налогообразные платежи должны поглощать у частных предпринимателей 70 и 80 и даже до 91% всего их дохода (за вычетом издержек по самим операциям, но без налогов). Загадкой для дураков оставалось, почему же эти самоотверженные люди все же занимаются торговлей, если вряд ли на остаток можно обеспечить семье хотя бы уровень жизни малоквалифицированного рабочего.

Тенденциозность и агитационное устремление этих выкладок были ясны и тогда. Задачей их было создать впечатление такого, якобы существующего, крайнего переобложения частного капитала, чтобы подготовить почву для той политики большего благоприятствования ему, какая одновременно проводилась тем же аппаратом путем разработки и проведения различных сложных, длинных и путанных таблиц ставок и окладов, прилагавшихся к соответственным постановлениям и правилам. Не забудем, что все эти выкладки делались, печатались и рекламировались в то самое время, о котором теперь и Наркомторг и Госплан и т. д. на основании всех произведенных обследований и собранных материалов теперь установили, что *одно чистое накопление* у частников составляло тогда не менее 30% в *год* на капитал.

Теперь секрет этих статистических фокусов раскрыт полностью. «Ларчик просто открывался». Оказывается, тенденциозные агитаторы в пользу частного капитала,—кто, вероятно, сознательно, а кто, надо думать, по невежеству или отсутствию чувства ответственности за свои выступления,—применяли такой прием. Известно каждому, что если торговец платит аренду за торговое помещение, то он включает ее в цену тех товаров, какие в этом помещении продает. То же относится к уплате промыслового налога, и т. п. Так вот, статистические фокусники делали допущение,—скромно не подчеркивавшееся ими в своих выступлениях,—что торговец *не включает* в цену продаваемых товаров ни аренды за помещение, ни промыслового налога и т. п.

Добряк-торговец в СССР,—в отличие от торговцев всего мира,—будто бы не перелагал на потребителей полностью тех расходов, какие необходимы для продажи товаров. Особенно неуместно и невозможно было такое предположение в годы переживавшегося в то время страной *товарного голода*, когда не торговец гнался за потребителем, а потребитель за торговцем.

Теперь Наркомфин СССР разработал в упомянутом уже докладе данные о фактическом обложении частного капитала с учетом перелагаемой и неперелагаемой части налогов, арендных и других платежей до «добровольных сборов» включительно. К неперелагаемым отнесены подоходный налог, ряд «добровольных платежей», квартирный налог, та часть акцизов, аренды, промыслового налога и прочего, какая приходится на потребляемую этой буржуазией часть продукции страны, увеличенная плата в школах и т. д., и т. п. И сразу разлетелись, как дым, все легенды о том, будто бедненькие капиталисты платят у нас чуть ли не до 91% своего дохода (и надо спешить им на помощь?). Оказалось, что даже по преувеличенному подсчету (не принят во внимание доход от кредитного капитала, неполно учтена перелагаемость) все же никак нельзя вывесть обложение частной торгово-промышленной деятельности выше 27,8% за 1924—25 г. и выше 26% за 1925—26 г. Мы видели выше, что по подсчету НКФ для всего частного капитала за 1925—26 г. эта величина составляет 180 млн. руб. Если взять полностью доход буржуазии (с доходом от кредитного капитала, контрабанды и пр.), даже не учитывая неполный подсчет перелагаемости, то реальная тяжесть обложения для частного капитала в 1925—26 г. окажется даже только около 18% к его доходу. Но во всяком случае, 26% по подсчету НКФ или 18% по более полно учитывающему доходы моему подсчету—все это крайне далеко от тех фантастических 70—80 и даже 90%, которые не раз гуляли по страницам нашей печати.

Если бы правильны были малевавшиеся иногда нам картины о полной невыносимости налогов для *капиталистов*—эти самые капиталисты давно закрыли бы свои оптовые предприятия. Но, как мы видели, действительно тяжелы были налоги не для них, а для самой мелкоты—разносчиков, мелких розничников и т. п., для которых тяжесть обложения втрое больше тяжести его для крупнейших торговцев (см. выше). Эта мелкота действительно иногда разорялась (особенно кустари и т. п.), а крупные только перебрасывали свои средства из торговли мануфактурой в скупку кустарных изделий и т. п.

Второе обстоятельство—распространявшиеся нередко утверждения, ставившие *рост дороговизны в зависимость от налогового обложения частной торговли*. В действительности налоги составляют у нас в общем столь скромную часть цены товаров, какая совершенно тонет в общей накидке частных торговцев, делаемой ими ради других целей (ради наживы и пр.). Мы видели, что в 1925—26 г. налоги на частный оборот относительно даже уменьшились. А накидки частных торговцев, наоборот, возросли. В «Экономической Жизни» от 16 апреля 1927 г. видный работник НКФ П. Кутлер сделал сопоставление налогов на частный оборот, величины этого оборота и величины розничных накидок частных торговцев на оптовые цены по Москве за два года (по полугодиям с октября 1924 г. по сентябрь 1926 г.). При этом тут приняты во внимание полностью все налоги, как неперeложимые, так и переложимые (без всякого вычета перелагаемой части). Результат оказывается таким:

	Отношение налогов к сумме оборотов частников.	Розничная накидка на оптовые цены.
	в процентах.	
Октябрь 1924 г.—март 1925 г.	8,9	40,3
Апрель 1926 г.—сентябрь 1926 г.	6,0	47,5

Эта таблица ясно показывает, что *киванья на советскую власть* в отношении дороговизны товаров у частника не имеют оснований. За два года тяжесть налогов для частного оборота понизилась, а свои накидки частник, используя положение на рынке, даже увеличил. Уменьшение тяжести налогов не дало удешевления товаров, потому что частник не только положил разницу себе в карман, но и еще повысил накидки. Удешевление, как показал опыт, может достигаться не уменьшением налогов с частника, а *увеличением советского вмешательства в организацию рынка*, увеличением *доли товаров*, продаваемой советским путем. Опыт 1926—27 года вполне подтверждает это. В 1926—27 г. налоги на частный оборот были *увеличены*. Но одновременно развернута была серьезная кампания за снижение цен. И мы видим, что с 1 января до 1 июня 1927 г. впервые за много времени несколько снизились цены и *в частной торговле*. Правда, не особенно значительно, и притом почти только в торговле промышленными изделиями, но это все же было уже успехом сравнительно с предшествовавшим длительным ростом всех итоговых частных индексов. Таким образом, отсутствие причинной связи между нашим уровнем налогов и современной дороговизной на частном рынке доказано за последние годы дважды—и прямым и обратным путем.

Еф. Берлович.

„Год разочарований" или закономерность загнивания.

(*Окончание. Начало статьи см. в № 11—12 с. г.*).

Экспортные отрасли промышленности и рынок капитала.

В финансировании промышленности на ряду с финансированием ее со стороны банков крупную роль играет увеличение капитала посредством выпуска на рынок ценных бумаг (акций или облигаций) так называемая эмиссия.

Эмиссия капиталов на лондонском рынке¹) ярко отражает то разделение различных отраслей английского хозяйства на благополучные и «бедные», о котором речь шла выше. Посмотрим, как распределялась сумма 230,7 миллионов новых капиталов, нашедших себе в 1926 г. применение на лондонском рынке. 101,5 миллионов пошли на финансирование предприятий и учреждений, находящихся вне Англии: 53,2 млн.—в английские колонии, 48,4 млн. в иностранные государства. При этом значительные суммы представлены займами колониальных и иностранных правительств. Из общей суммы внутренней эмиссии (129,2 млн. фунтов) огромная доля была взята отраслями хозяйства, обслуживающими внутренний рынок, муниципальными займами и разного рода предприятиями чисто финансового характера. *Группа тяжелой индустрии (железо, уголь, сталь и машиностроение) смогла увеличить свой капитал при помощи эмиссии лишь на сумму 4,9 млн. фунтов!*

Эти данные об эмиссии показывают, что операции Англии как мирового банкира, а также растущие «молодые» отрасли промышленности с имманентной капитализму необходимостью отвлекают капиталы от тех отраслей, которые по финансовому своему положению и по нужде в реорганизации как раз в капиталах нуждаются. Иначе дело обстоять и не может, поскольку капитал «боится отсутствия прибыли так же, как природа боится пустоты».

Благодаря этому и создается такое положение, что основные отрасли английской промышленности хиреют, «несмотря на относительное обилие капиталов» ²).

Перед нами то явление, которое В. И. Ленин назвал «загниванием капитализма». Напомним ту картину Европы, которая нарисована была Гобсоном, как перспектива при условии отсутствия противодействующих влияний: «...маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого

¹) Данные по Е. С. Н., стр. 76.

²) Ср. цитированное выше место из заявления британской делегации на международной экономической конференции.

Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы как дань из Азии и из Африки». К этой характеристике Ленин замечает: «автор совершенно прав: если бы силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому... Не следует лишь забывать тех противоречащих империализму, и оппортунизму в частности, сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону».

Основные противодействующие силы, революционизирование рабочего класса и возмущение колониальных народов, стали в эпоху пролетарской революции настолько очевидны, что не укрываются даже и от социал-либерального взгляда.

Социал-либерал Кейнс усматривает тенденции, связанные с загниванием английской промышленности, он видит миллион постоянно безработных, пугается этой армии и ищет выхода.

Любое из условий существования капиталистического общества на известной ступени развития превращается в одно из условий, ведущих его к гибели. Диалектику эту можно проследить и на таких категориях, как экспорт капитала и резервная армия. Экспорт капитала, содействующий вообще говоря товарному экспорту из страны, помещающей капиталы за границей, на некоторой ступени начинает вызывать загнивание основных отраслей промышленности империалистической метрополии. Вследствие этого резервная армия—также одно из условий существования капитализма—достигает таких размеров, которые становятся социально опасными для правящего класса. Это мы видим в наиболее законченной форме в современной Англии, которой суждено, видимо, сыграть такую же роль для изучения закономерности капиталистического упадка, которую она сто и полтораста лет назад играла для изучения капиталистического развития в стадии восхождения¹).

Сейчас эту диалектику видит даже Кейнс²). Присмотримся ближе к его анализу.

¹) Изменение функции экспорта капитала в системе английского капитализма недостаточно оценивается подчас и в нашей марксистской литературе. Касаясь изменений размеров английского экспорта капиталов, обычно подчеркивают только момент отступления Англии, как мирового банкира, на второй план по сравнению с Соединенными Штатами. Так поступает, например, т. Л. Эвентов («К характеристике современного положения мирового хозяйства», изд. «Экономич. Жизнь». М. 1927 г.). Или же подчеркивается увеличение доли внутренней эмиссии, по сравнению с внешней. Совершенно не ставит вопроса об экспорте капитала в его связи с загниванием Англии т. Варга: «Англия и Германия», изд. «Московский Рабочий». 1927. Правильно поставлен вопрос т. Э. Гольденбергом в статье «Против путаницы в теории империализма» («Большевик». 1927 г. №№ 3 и 4).

²) Прозрение мистера Кейнса приводит на память слова, сказанные Марксом в 1873 г. (предисловие ко 2-му изданию I тома «Капитала»): «Противоречивое движение капиталистического общества наиболее разительно действует на сознание практического буржуа в виде превратностей периодического цикла, проходимого современной промышленностью, и его высшей точки—общего кризиса. Кризис вновь надвигается .. и интенсивность его действия вдолбит диалектику даже баловням новой священной прусско-германской империи». Для сознания практического английского буржуа мало было одних периодических кризисов, потребовалось нечто гораздо большее.

«При определении перспектив нашей национальной политики, перед нами открываются три возможности:

1) мы можем пытаться любой ценой восстановить довоенное равновесие обширного вывоза и обширных заграничных инвестиций. Возвращение к золотому стандарту сделало это невозможным без общего наступления на заработную плату в таком размере, который отвергнут (!?) премьер-министром, или без значительного повышения мировых цен, которого мы напрасно дожидаемся;

2) мы можем продолжать на неопределенное время жить в описанном выше ложном равновесии, при общей промышленной депрессии и при наличии миллиона безработных;

3) третий путь заключается в том, чтобы принять сокращение внешней торговли и соответственное сокращение заграничных инвестиций и перевести рабочую силу, занятую прежде в экспортных отраслях промышленности, и капиталы, прежде поглощавшиеся иностранными инвестициями, на поднятие производительности промышленности и уровня жизни внутри страны».

Остается не совсем ясным, что именно имеет в виду Кейнс, говоря об этой перекачке капиталов и рабочей силы: развитие ли производств, обслуживающих внутренний рынок, или переоборудование предприятий, работающих на экспорт. Вернее всего, он имеет в виду и то и другое.

Но зато совершенно ясен утопический, прожектерский характер кейнсовских предположений при *капитализме*.

Допустим на минуту, что каким-то способом удалось задержать отлив капиталов за границу. Запертый в пределах Англии капитал будет и на этом более узком поле искать наиболее прибыльного помещения. Прибыльные отрасли производства существуют и в Англии, но они и без героических мер Кейнса при полной свободе передвижения капиталов по всему миру капиталами обеспечены. Им может вовсе не понадобиться тот излишек ищущего применения (повторяем и подчеркиваем *прибыльного*) капитала, который по рецепту Кейнса во имя патриотического долга должен остаться в Англии. Разве что внутренний рынок возрастет в колоссальной мере.

И в самом деле Кейнс как раз и кончает упоминанием этой предпосылки, предлагая «поднять уровень жизни внутри страны». О чьем уровне жизни идет здесь речь? Надо думать, что английская буржуазия и сейчас не отказывает себе ни в каких «земных радостях». Это, впрочем, и не «дедукция» из природы буржуазии, об этом свидетельствует необыкновенный рост производства предметов роскоши и комфорта послевоенной Англии. Речь стало быть идет о повышении уровня жизни широких масс; для Англии это означает повышение уровня жизни пролетариата. Итак, перед нами избитый «довод» мелкобуржуазных критиков капитализма. Либерал Кейнс оказывается здесь в ближайшем соседстве с «социалистами» типа английской рабочей партии и германской социал-демократии. Последняя (также в содружестве со своими отечественными либералами-демократами) постоянно предлагает «своим» капиталистам это средство «взамен» капиталистической рационализации. Английская рабочая партия постоянно советует поднять заработную плату «вместо того», чтобы вывозить капиталы.

Но если бы капиталисты последовали этим добрым советам, то, по словам В. И. Ленина, «капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития (в данном случае речь идет о неравномерности развития земледелия и промышленности. *Еф. Б.*) и полуголодный уровень жизни масс суть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли, а путем вывоза капиталов за границу, в отсталые страны» [1]).

Нельзя же в самом деле рассчитывать, что отрезанный «железной рукой» мистера Кейнса от мирового рынка избыточный капитал «с горя» пойдет в такие мало привлекательные отрасли, как тяжелая промышленность. И, наконец, где найти в капиталистической Англии такую «железную руку», которая смогла бы и захотела бы накинуть узду на свободолюбивый и прибылелюбивый капитал?

На самоотречение капиталистов Кейнс не рассчитывает. Он задает явно реторический вопрос: «Разве индивидуальный подписчик на какой-нибудь токийский заем, широко рекламируемый в газетах, относится к возможному влиянию своей инвестиции на безработицу на севере Англии с такой заботливостью и с таким пониманием, что находящиеся в центре казначейство и английский банк могут считать себя свободными от обязанностей вмешательства?» Разумеется, нет, а поэтому Кейнс предлагает: «Нам следовало бы учредить постоянный *централизованный* контроль над иностранными инвестициями» [2]).

Впрочем, Кейнс, видимо, сам испугался своего реформаторского пыла. Полгода спустя он уже не требует «постоянного централизованного контроля над иностранными инвестициями», мыслимого, очевидно, в виде постоянного учреждения. Беда оказывается только в лицах. Мистер Мак Кенна, видите ли, справился с задачей регулирования рынка капиталов в желательном смысле, а вот мистер Норман (нынешний руководитель английского банка) никак этого сделать не может. Таков тощий

---

[1]) Ленин. «Империализм» (изд. 1919 г., стр. 57). Собр. сочин., т. XIII, стр. 281—284.

[2]) «Nation», 23 октября 1926 г. Между прочим, отметим, что того результата, которого Кейнс думает добиться путем экстренных мер, т.-е. сокращения заграничных инвестиций, один советский экономист С. А. Фалькнер ожидает от какой-то ему одному ведомой предустановленной гармонии между иностранными эмиссиями и платежным балансом.

«Бесспорное само по себе ухудшение расчетного баланса Англии *должно будет вызвать в ближайшее время некоторое сокращение и внешней эмиссии* (Цит. выше статья в «Статистическом Обозрении», стр. 9). Такое умозаключение было бы правильным лишь в том случае, если бы размер иностранной эмиссии определялся исключительно размером активного сальдо платежного баланса предыдущего года, т.-е. если бы вновь помещались за границей только те суммы, которые причитаются Англии в качестве процентов на старые инвестиции. Между тем на деле размеры эмиссии не раз уже превышали размеры активного сальдо платежного баланса. Иностранная эмиссия, как говорится, «затрагивала национальный капитал». Фактический отрицательный ответ на умозаключение Фалькнера дан, между прочим, цифрами эмиссии капитала за первый квартал 1927 года.

Итак, английский либерал Кейнс под ударами судьбы доходит до мысли о плановом регулировании английского хозяйства. В то же время советский экономист проф. Фалькнер не перестает надеяться на «разумность» стихийных процессов.

финал «революционных» замыслов Кейнса, по части создания буржуазного «госплана»!

Мы остановились несколько пространно на «плане» мистера Кейнса не только потому, что, несмотря на утопичность рецептов, самый диагноз болезни английского капитализма поставлен у него в общем верно и довольно ярко, не только потому, что сам мистер Кейнс является небезынтересной фигурой на фоне скудных мыслью буржуазных (особенно английских) экономистов.

Дело еще в том, что прожектерство Кейнса и ему подобных либеральных экономистов является питательным источником для «теорий» руководящих кругов рабочей партии, отличающихся от Кейнса только тем, что они называют себя социалистами и менее грамотны. В соответствующей, очень незначительной обработке, «идеи» эти преподносятся лидерами рабочей партии широким массам пролетариата под названием «социализма в наши дни», т.-е. социализма без свержения власти буржуазии, без ее экспроприации. Такими реформистскими иллюзиями питаются еще очень значительные слои английских рабочих. Этим дана мера грандиозных пропагандистских (на ряду с другими) задач английской коммунистической партии...

Внутренний рынок, как новый «столп и утверждение» английской промышленности, есть, конечно, чистейшая утопия, которой тешат себя Кейнс и его единомышленники, либералы из «Nation», расписывающие все прелести такого перехода и величающие его не более, не менее, как «новой промышленной революцией».

Из трех возможностей, намеченных Кейнсом, именно пропагандируемая им третья возможность представляется наименее вероятной.

Действительная экономическая политика английского капитала движется в рамках первых двух возможностей.

При этом банковый капитал не считает в отличие от Кейнса развитие экспорта капиталов при сохранении товарного экспорта ложным равновесием. Напротив, он рассматривает хозяйственное положение Англии в свете своего процветания и оптимистически утверждает, что все вообще благополучно. Оптимизмом английских банкиров заражаются даже некоторые советские авторы. Так, например, тов. Д. Илимский[1]), правильно отмечая огромный удельный вес международных финансовых операций в английском хозяйстве, склонен трактовать кризис основных отраслей английской промышленности, как нечто не слишком значительное.

«Все эти цифры,—пишет тов. Илимский (речь идет о цифрах, характеризующих упадок английского товарного экспорта и экспортных отраслей промышленности. *Еф. Б.*),—хорошо известны и в разных вариациях неоднократно приводились уже в экономической и политической печати. *И, тем не менес, они вовсе не характерны и, во всяком случае, не определяют собою упадка Англии.* (Стр. 24. Подчеркнуто автором. *Еф. Б.*). И далее, указав, что доходы Англии от всех видов так называемого «невидимого» экспорта» более чем в четыре раза превышают чистый доход от промышленного экспорта, автор задает вопрос: «Можно ли после

1) В статье «О некоторых источниках английского империализма» («Мировое хозяйство и мировая политика». 1927 г. № 4).

этого говорить, что судьба английского промышленного экспорта определяет судьбу Англии, как мировой державы, и что наблюдающийся упадок промышленности означает несомненный упадок Англии?» (стр. 25).

Вопрос этот ставится автором как реторический, т.-е. допускающий только отрицательный ответ. На деле вопрос этот, конечно, не реторический. Если говорить о «судьбах» Англии, как мировой державы, имея в виду большие исторические сроки, то возможность мощной политической надстройки над сужающимся или стагнирующим тяжелым индустриальным базисом представляется, по крайней мере, весьма проблематичным. Но, если даже допустить, что экономическая политика английского капитала не считается с относительно отдаленными перспективами (что, вообще говоря, мало вероятно), то и тогда нельзя забывать об огромных капиталах, вложенных в английскую экспортную промышленность и борющихся за свое самосохранение.

Английская промышленность, связанная с внешним рынком до войны почти третью своей продукции[1]), не собирается сдавать без боя свои позиции, она будет защищать их и защищать теми методами, которые нашли себе достаточно убедительное выражение в наступлении на горняков. Относительно своего священного права понижать жизненный уровень рабочих, буржуазия вплоть до «самого мистера Болдуина» (вопреки авторитетному мнению на этот счет Кейнса) не обуревается никакими сомнениями. Не останавливаться на горняках, а итти дальше у английских промышленников тем более оснований, что одной только победы шахтовладельцев оказалось недостаточно для вывода тяжелой промышленности из состояния депрессии.

Промышленность после забастовки. Новый угольный кризис.

Поверхностный взгляд на цифры производства в начале 1927 года мог бы внушить мысль, будто английская тяжелая промышленность и впрямь выбирается из трясины длительной депрессии на широкую дорогу. Уже в январе добыча угля достигает 24,6 миллионов тонн, что почти равно январской добыче 1926 г., в феврале 21,4 милл. тонн, опять почти точно прошлогодняя цифра. Выплавка чугуна в феврале (568 тыс. тонн) обгоняет уже прошлогоднюю на 66 тыс. тонн, а по стали в феврале ставится рекордная цифра (высшая с 1920 г.)—819 тыс. тонн (на 115 тыс. тонн больше прошлогодней).

Новые рекорды металлургия продолжает ставить также в марте и апреле. Выплавка чугуна в марте равна 672 тыс. тонн, в апреле 680 тыс. тонн. По стали март дает 950 тысяч тонн, апрель — 850 тыс. тонн. (Понижение в апреле об'ясняется праздниками).

Для правильного освещения этих цифр необходимо помнить, что семимесячная угольная забастовка в сильной степени обнажила рынок угля, железа и стали. Ограничиваться голыми цифра-

1) «Непосредственно перед войной не менее 30% всей промышленной продукции Великобритании вывозилось, и, хотя эта доля сейчас несколько ниже, она, вероятно, составляет не менее 1/4. «Economist», 30 апр. 1927 г. Econ. Conf. Suppl.

ми производства при оценке кон'юнктуры поэтому нельзя. Многочисленные корреспонденции с мест о состоянии рынков отдельных товаров освещают характер спроса, и из этих корреспонденций мы узнаем, что спрос этот хотя и носит довольно оживленный характер, но ограничивается закупками для пополнения запасов, что заказы на более отдаленные сроки почти отсутствуют.

К концу мая «восстановительный» характер кон'юнктурного оживления выяснился уже с полной определенностью. Выяснилось также, что восстановительный период уже закончен, или во всяком случае близок к концу. Мы уже отмечали, что восстановление дозабастовочного положения не может удовлетворить английских промышленников. Но проблема сбыта стала сейчас перед угольной промышленностью едва ли не в более острой форме, чем год назад. Об этом позаботились сами английские шахтовладельцы тем методом, который они избрали для снижения издержек производства, а также углепромышленники Франции, принявшие свои контрмеры.

К понижению себестоимости угля английские шахтовладельцы шли комбинированным путем: непосредственным снижением ставок заработной платы и удлинением рабочего дня. Обе меры дали снижение себестоимости, но вторая мера вместе с тем увеличивает количество добываемого угля.

Подводя итоги периода декабрь 1926 г.—май 1927 г. «Экономист» констатирует, что «не разрешена еще проблема, как найти рынок для того количества английского угля, которое может быть добыто при восьмичасовом рабочем дне, не возобновляя ожесточенной конкуренции между отдельными районами, между Англией и континентом, не вызывая неэкономных (т.-е. нерентабельных. *Еф. Б.*) цен» [1].

Экономическая печать пестрит сообщениями в роде, например, следующего: «За последние две недели добыча превысила 1.000.000 тонн, экспорт же держался на уровне 450.000 тонн. Требуется увеличение вывоза по крайней мере на 650.000 тонн, чтобы остановилось падение цен» [2].

Между тем перед английскими углепромышленниками стала угроза значительного сокращения вывоза во Францию, стоящую на первом месте среди потребителей английского угля.

Как раз в момент, когда на международной экономической конференции в Женеве произносились «умные» и «миролюбивые» речи о необходимости снять барьеры, препятствующие развитию международной торговли, о вреде «экономического национализма», о пользе рационального международного разделения труда и т. д. и т. п., во Франции был поднят вопрос о повышении ввозной пошлины на уголь. Французская угольная промышленность растет после войны быстрее, чем растет потребление угля внутри страны. Последнее увеличилось к 1925 г. (по сравнению с 1913 г.) на 12,5%, тогда как добыча выросла почти на $^1/_3$ [3]). Выходу французского угля на внешние рынки препятствует неблагоприятное местоположение копей (отдаленность от водных путей). По той же причине французский уголь не выдерживает конкуренции с импортным также и на севере Франции. Покровительственные мероприятия французского правительства рассчитаны именно на то, чтобы закрепить за французским углем в максимальной мере внутренний рынок. Заманчивой представлялась также перспектива улучшить торговый и платежный баланс Франции. Французский министр Тардье, защищавший угольный протекционизм перед палатой депутатов, исчислил, что, сократив ввоз иностранного угля на 8 милл. тонн в год, Франция «сбережет» свыше миллиарда франков. И г-н Тардье не постеснялся даже назвать отстаиваемую им линию подлинным именем—«столетней угольной войной между Англией и Францией».

1) «Эконом.» 28 мая, стр. 1116.
2) Кардифский корр. «Manchester Gardian Commerce» 9 июня.
3) По данным, подготовленным к Межд. Эк. Конф., цитированным в «Economist» от 11 июня, стр. 1221.

Пока вопрос о повышении пошлины обсуждался, перепроизводство угля во Франции приняло настолько серьезные размеры, что одной таможенной защиты оказалось недостаточно, и французское правительство в спешном порядке публикует 8 мая декрет, запрещающий безлицензионный ввоз угля и кокса с 1 июня.

Шахтовладельцы Южного Уэльса ощутили действие этого декрета, когда 5 июня многие из них получили извещения, что направленным на север Франции транспортам угля отказано в импортной лицензии. Целый ряд об'единений английских углепромышленников, а также французская «ассоциация импортеров угля» заявили протест. Дело дошло даже до переговоров между британским и французским правительством. Заинтересованным кругам удалось пока добиться только некоторого смягчения декрета (для ввоза кокса лицензии не требуются) и отсрочки вступления его в силу до 10 июня. Но от самого принципа угольной войны с Англией (и с Германией) французское правительство не отказалось.

Таким образом, английские шахтовладельцы еще и еще раз убеждаются в том, что «условия непосредственной эксплоатации и ее реализации не тождественны».

Английская металлургия, также жалующаяся на отсутствие новых заказов, в своем послезабастовочном развитии уже натолкнулась на одно препятствие, лежащее не в условиях рынка, а в условиях самого производства. Препятствие заключается в дороговизне английского кокса.

«Повышение на два шиллинга цены доменного кокса,—пишет по этому поводу шеффильдский корреспондент «Экономиста» [1]) вступило в силу и вызвало чувство недовольства в кругах железной и стальной промышленности. Повышение это затормозило понижательное движение цен на чугун, начавшееся несколько недель назад. Дешевый чугун является ключем к промышленному оживлению, и идеал этот сейчас далек, как никогда».

Может показаться странным недостаток кокса в Англии, где угля девать некуда. Но как это ни парадоксально, а именно вялым спросом на уголь и об'ясняется недостаточное производство кокса, который при английских условиях в достаточном количестве может производиться лишь при полной нагрузке шахт, при работе без простоев. Другой более оптимистический автор «Экономиста» в слегка рекламной статье о положении и перспективах сталелитейной промышленности [2]) надеется, что улучшение наступит, когда «сезонный спрос на уголь для домашнего потребления даст шахтам возможность работать полное время». Но не все

1) «Economist», 2 апреля 1927 г., стр. 728.
2) «Economist», 23 апреля 1927 г., стр. 842.

владельцы английских домен согласны ждать того момента, когда запылают камины в коттеджах (т.-е. около полугода). И пока выписывают более дешевый германский кокс, в высоком качестве которого они убедились во время забастовки» [1]).

Неудовлетворительны также результаты в хлопчато-бумажной промышленности. После двухмесячного оживления, во время которого хлопчато-бумажные фабрики работали с нагрузкой до 80%, в марте уже обозначилась заминка. С ростом хлопковых цен повышаются и цены на изделия, сдерживая спрос. Экспорт хлопчато-бумажных изделий за январь—март 1927 г. отстает от прошлогоднего, еще более—от 1925 г., не говоря о довоенных размерах.

Экспорт хлопчато-бумажных изделий [2]).

январь—март	Количество в милл. кв. ярдов	Ценность в милл. ф. ст.
1913 г.	1.773	24.0
1925 »	1.242	43,3
1926 »	1.125	35,4
1927 »	1.015	27,5

По внешней торговле в целом (с 1 января по 30 апреля 1927 г.) отмечается сокращение экспорта по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 8,4%. Импорт остался почти точно на прошлогоднем уровне. Пассивность торгового баланса возросла на 16,5%.

Финансовые затруднения промышленности усиливаются общим напряженным состоянием денежного рынка. Едва лишь промышленные круги успели приветствовать понижение учетной ставки английского банка с 5% до 4½% и выразить надежду на дальнейшее удешевление кредита, как стал на очередь вопрос о возвращении к 5%.

Мировые цены продолжают двигаться в неблагоприятном для английской промышленности направлении.

«Большую часть английских затруднений следовало приписывать необходимости приспособиться к низкому уровню цен, и приспособление это фактически еще не закончено. Новая дефляция вновь возродила бы только-что преодоленные затруднения» [3]).

С тех пор, как были написаны эти слова, индекс цен Соединенных Штатов непрерывно падал и понизился со 145,8 (декабрь 1926) до 140,9 (на 17 мая 1927 г.), при чем за снижение это ответственны в первую очередь именно топливо и металл [4]).

---

[1]) Цены на кокс понизились, впрочем, ранее этого срока (уже в мае). Соответственно уменьшились и цены чугуна, но заметного влияния на спрос понижение это не оказало. Тяжелая промышленность заканчивает выполнение накопившихся заказов, и, хотя удешевление кокса является благоприятным моментом, попрежнему нет уверенности в том, что соответственное понижение цен на чугун принесет с собою жгуче необходимые новые заказы. («Econ. Monthly Suppl», 28 мая). В июне число работающих доменных печей начинает уже сокращаться.

[2]) «Econom». 30 апреля 1927 г.

[3]) «Wirtschaftsdienst». 1926 г., 31 дек., стр. 1882. Статья G. L. Schwartz'a, секретаря London and Cambridge Econ. Service.

[4]) «The Annalist» 20 мая 1927 г.

Таким образом, затруднения возрождаются, возрождаются и попытки их преодоления теми методами, на которые английская буржуазия только и способна.

Политическая «активность» экономически и технически отсталой английской буржуазии бурно проявляется сейчас на всех трех фронтах, на которых ей грозит гибель: новые войска в Китай, новая наглая провокация по адресу Советского Союза, «новый» каторжный закон о стачках рабочему классу. Так английский империализм думает спастись от своего собственного порождения, от опасностей, связанных с империалистическим загниванием...

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого антиимпериалистского фронта.

(*Продолжение. Начало статьи см. в № 11—12 с. г.*).

Германия.

Отношение германского общественного мнения к англо-советскому разрыву и последовавшему за ним антисоветскому интриганству Чемберлена за кулисами женевского политического публичного дома как нельзя лучше выявляет внутреннюю противоречивость положения буржуазной Германии по отношению к СССР.

Нейтралитет—вот что было вначале лейт-мотивом комментариев печати. «Воля к безусловному нейтралитету и крайней осторожности является в Германии всеобщей; редко замечалось в различных кругах такое инстинктивное единодушие»—констатирует видный политический деятель националистов, депутат проф. Гетш («Neue Zurcher Zeitung», 12/VI). Но на ряду с этим в некоторых правых газетах, «Дейтше Цейтунг», напр., пробивалась тенденция использовать разрыв для того, чтобы побудить английский империализм, нуждающийся в союзниках против СССР, оказать давление на Францию и склонить ее к уступчивости в вопросах о Рейнской области, снесении крепостей на польской границе, смягчении военного контроля и т. д. Тенденция, имеющая своей конечной целью как можно дороже продать английскому империализму нейтралитет по отношению к СССР, в особенно циничной форме проявилась в воззвании организации «Стального Шлема». Эта довольно многочисленная (300—400 тысяч) белая гвардия германской буржуазии, тесно связанная с правым крылом германского правительства, в своей внешней политической ориентации за последнее время все более отклоняется к Западу, приближаясь к другой менее сильной фашистской организации, младогерманскому «Юнгдо», связанному с резко антибольшевистскими «западническими» капиталистическими группами. (О позиции «Юнгдо» свидетельствует недавно принятая им резолюция, которая гласит: «Мы сугубо протестуем против нечуждого и военным кругам взгляда, что большевистская Россия может быть военным союзником Германии; мы требуем чтобы все национальное движение Германии заняло позицию резко-враждебную системе, которая была и есть заклятый враг западной культуры»).

Для настроений правых кругов показательно также выступление в Бременгавене лидера-националиста Вестарпа, который

в осторожной, правда, форме выразил опасение, как бы Германия не «скомпрометировала» себя на Западе тем, что она после англо-советского разрыва взяла на себя защиту интересов советских граждан в Англии и дала визы на в'езд высланным сотрудникам Аркоса. Взгляды националистов и фашистов-большевикоедов, в общем, разделяют и «социалисты» из «Форвертс», хотя они формально выставляли лозунг нейтралитета Германии, который как и во время разрыва все же является в настоящее время там доминирующим.

Несколько позже, во время последней сессии Лиги Наций пароль нейтралитета все чаще стал комбинироваться с «посредничеством» или, как выражается «Франкфуртер Цейтунг», «действительно, честным маклерством». Под этим термином подразумевается «посредничество» Штреземана между Лондоном и Москвой. «Добрый Густав» (Штреземан) должен, мол, с одной стороны, смягчить гнев Чемберлена против большевиков, а с другой стороны, аппелировать к благоразумию Чичерина и доказать ему, что пора, наконец, бросить «пропаганду». Что говорил Чемберлену наш «честный маклер» на тайном, но явно направленном против СССР совещании в Женеве, мы не знаем, но что германская печать повела энергичную кампанию против «пропаганды» и, исполнившись мягкосердечностью, вместе с английской консервативной печатью стала протестовать против расстрела белогвардейских лазутчиков и убийц в Москве—это факт. И поэтому прав по-своему женевский корреспондент внесшей свою лепту в эту кампанию либеральнейшей и обычно благожелательно настроенной по отношению к СССР «Франкфуртер Цейтунг», что в Женеве Штреземан также примкнул к «моральному единому фронту против идущего в разрез с цивилизацией поведения большевиков». Более того, пронырливый и хорошо осведомленный редактор «Матэн», Жюль Зауэрвейн даже уверяет, что переговоры между Чемберленом и Штреземаном о борьбе с большевистской опасностью, начатые в Женеве, отнюдь не ликвидированы, что они еще будут продолжаться. Вообще нужно сказать, что самый факт участия германского министра иностранных дел в тайной антисоветской конференции, независимо от его позиции там, ни в коем случае не является дружественным актом по отношению к СССР. То же самое нужно сказать о подчеркивании им в своей речи 23 июня в рейхстаге солидарности с другими государствами в вопросе о «решительном сопротивлении пропаганде мировой революции со стороны III Интернационала». В этой «душевной» солидарности никто никогда не сомневался, и Штреземан до сих пор не считал уместным афишировать ее в связи с германско-советскими отношениями. Если же такое заявление делается в рейхстаге теперь, в момент, когда английский империализм переходит в решительное наступление против СССР под флагом борьбы с пропагандой III Интернационала, то это имеет определенный внешне-политический смысл.

Вместе с тем имеются основания полагать, что Германия не взяла на себя в Женеве конкретных, направленных против СССР обязательств. И если Штреземан, дипломатически выражаясь, несколько пренебрежительно относится к фактам, когда он утверждает в рейхстаге, что в Женеве никто ничего не предпринимал против кого-либо, то он все же говорит правду, отрицая участие Германии в антисоветской коалиции, как *уже оформленной* ком-

бинации. *Это* не случилось, ибо такой коалиции в настоящий момент не существует. Международное положение Германии чересчур сложно и противоречиво, чтобы германская буржуазия так быстро решилась принять такое фатальное решение.

Противоречивость эта сводится к следующему: *с одной стороны, возрождение германского империализма, его погоня за колониями, толкая Германию в концерт великих держав, отдаляет ее от СССР; с другой стороны, возрождение германской мощи возрождает одновременно старый антагонизм между Германией и державами, в свое время об'единившимися против нее в Антанте, обостряет конкуренцию, борьбу за рынки, борьбу за «место под солнцем» и толкает Германию на сближение с СССР.*

И чем больше крепнет Германия—а она быстро крепнет—тем быстрее она приближается к тому пределу, когда английский империализм вынужден будет сказать «stop!» («стой!»). И мы уже теперь в английской печати сплошь и рядом наталкиваемся на статьи и информационные сообщения, с тревогой указывающие на быстрый рост германской промышленности и торговли, мирным путем захватывающих свои довоенные позиции.

В настоящий момент, когда угольная проблема в Англии снова ставится во весь рост, английская печать с особым беспокойством отмечает быстрое вытеснение английского угля из Франции германским углем, часть которого доставляется на основе соглашения о репарациях. В частности, большую тревогу вызывают поразительные германские успехи в области добычи угля и многообещающих экспериментов по превращению угля в жидкое топливо, а также железоделательной и химической промышленности. А ведь со всем этим тесно связаны огромные, не поддающиеся никакому контролю возможности в смысле восстановления военной мощи.

Недавно опубликованный отчет одного из крупнейших английских банков, Мидлэнд Бэнк, бросает яркий свет на тревожные настроения, которые вызывают в Англии успехи германского хозяйства. В отчете подчеркивается, что быстрое восстановление Германии является «почти необ'яснимым чудом», и что этот процесс составляет угрозу для Англии. «Возможно,—говорится в отчете,—что Германия справится с выполнением репарационных обязательств, но результат этого (в связи с неизбежным увеличением вывоза) английским фабрикантам не сулит ничего хорошего. *Наступает время острого соперничества*».

Эта борьба двух диаметрально-противоположных движущих сил внешней политики германской буржуазии, тяга на Запад и отталкивание «версализированной» Германии западными державами, бывшими победительницами, и довлеет над штреземановской дипломатией, начиная с Локарно, и накладывает на нее печать двойственности.

Иные чересчур упрощая факты, ставят вопрос так, будто в тот самый момент, когда Лютер и Штреземан 1 декабря 1925 г. в 11½ час. утра в здании английского министерства иностранных дел приложили свои подписи к локарнским договорам, Германия в тот самый момент отделилась от СССР и перешла на сторону Англии. Такой магической силой локарнские бумажки, конечно, не обладают. Ведь не следует забывать, что 12 октября 1925 г., за 4 дня до парафирования (подписания инициалами) локарнских договоров, Германия подписала торговый договор с нами и почти одновременно—соглашение о гарантировании германским правительством германским фирмам долгосрочных товарных кредитов на сумму в 100 миллионов марок (впоследствии повышена до 300 млн. марок). А через полгода после Локарно, 24 апреля 1926 г., Германия заключила с нами гарантийный договор, который, подтверждая политику взаимной дружбы, заложенной в 1922 г. в Раппало, обязывает Германию на началах взаимности соблюдать нейтралитет в случае нападения на СССР и не принимать участия в экономическом бойкоте СССР. Правда, этот пункт сопровождается следующим пояснением: «на основную линию политики Германии по отношению к СССР не может влиять в обратном направлении лойяльное соблюдение обязательств, которые будут вытекать для Германии как следствие вступления ее в Лигу Наций». Смысл этого пояснения состоит в том, что фактом подписания договора Германия не отказывается от соблюдения пресловутого § 16 Лиги Наций насчет санкций против «нарушителей мира», но она сама будет определять, кто является таковым «нарушителем». К тому же Германия сможет ссылаться на внесенную по ее инициативе оговорку к локарнским договорам, согласно которой каждое государство—член Лиги Наций—должно принимать участие в санкциях «в мере, диктуемой его военным положением и географическим положением».

Не станем входить в юридические тонкости по вопросу о взаимоотношениях между германско-советским договором и локарнскими обязательствами Германии. Этот вопрос будет окончательно разрешен не казуистикой, а общим международным и внутренним положением Германии в тот критический момент, когда ей придется дать на него решительный ответ. Пока-что ясного, определенного положения не существует. Но во всяком случае нельзя ставить вопрос о перемене германской ориентации в вышеприведенной вульгарно-упрощенной форме. Правильная формулировка Локарно с точки зрения германско-советских отношений может быть выражена так: *Локарно—это один из серьезных сдвигов во внешней политике Германии в антисоветском направлении, но сдвиг, не означающий начало систематического, неуклонного отрыва от СССР и перехода на сторону антисоветского блока, возглавляемого Англией.*

Сопоставляя положительные и отрицательные, с точки зрения интересов СССР влияния в Германии, мы приходим к выводу, что в деле вовлечения Германии в антисоветскую игру английского империализма Чемберленом достигнут лишь частичный успех. Закреплению и расширению этого успеха, помимо англо-германского соперничества, препятствует, конечно, и тот факт, что на страже интересов пролетариата СССР стоит в Германии мощная коммунистическая партия, которая, без сомнения, является значительной силой в борьбе с антисоветскими устремлениями германской буржуазии.

Можно полагать, что колебания Германии, попытки ее найти некую «золотую середину» между Москвой и Лондоном, окажутся длительными. Во всяком случае, не приходится опасаться, что Германия в ближайшем будущем вступит как активная агрессивная сила в сколачиваемый английским империализмом антисоветский блок. Если же Англии в близком будущем удастся бросить Польшу в войну с СССР, то Германия, по всей вероятности, займет

позицию официального нейтралитета, поддаваясь давлению Англии и Франции.

Позицию германской буржуазии в такой обстановке представить себе не трудно: с одной стороны, ненависть к большевизму, желание спекульнуть на участии в антисоветской коалиции, усиливаемое давлением Англии, Франции и Америки, а с другой—противоположное давление пролетариата, части мелкой и даже крупной буржуазии и боязнь усиления Польши. Равнодействующей этих противоположных тенденций, вероятнее всего, и будет нейтралитет. Такая брешь в агрессивном антисоветском блоке значительно затрудняет дело лондонских геростратов, и это они сами вынуждены признать. «Мы говорим открыто,—пишет в майской книжке консервативного журнала «Фортнайтли Ревью» уже успевший завоевать «популярность» у советского читателя Авгур,—что нынешняя позиция германского правительства является препятствием на пути к соглашению об общей позиции держав по отношению к Москве». И в стремлении устранить это препятствие Авгур расточает немцам комплименты, выдавая им свидетельство в том, что они «настоящие представители белой расы» (недавно гг. Авгуры называли немцев гуннами) и туманно обещая им всевозможные блага. Однако, когда дело доходит до назначения определенной цены за услуги в борьбе с СССР, у обычно столь велеречивого г. Авгура уже нехватает слов, и он начинает сильно заикаться. Почему? Потому, что дать Германии то, что она хочет—Данцигский коридор—значит, оттолкнуть Польшу, которой растерявшийся дипломат тут же на лету бросает комплимент в том, что она «становится великой державой». Но и Польше он боится обещать определенную поддержку, ибо это равносильно тому, чтобы оттолкнуть Германию. Получается, таким образом, заколдованный круг, из которого Чемберлену пока вырваться не удалось.

Правда, Германия может получить взятку по другой линии—уменьшения бремени плана Дауэса, согласно которому взнос в 1927/28 году поднимется до внушительной цифры в 1.750 миллионов марок, а в 1928/29 г.—до 2.500 млн. марок—колоссальная сумма даже для окрепшего германского капитализма. Действительно, уже в настоящий момент германские правящие круги режиссируют весьма осторожную искусную пропаганду в пользу пересмотра плана Дауэса и, судя по намекам иностранной печати, зондируют почву насчет таковой ревизии в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Если бы такая сделка—а это вполне возможно—состоялась,—она без сомнения, оказала бы влияние на дальнейшее отклонение генеральной линии германской политики в сторону Запада. Повторяем, однако, что непосредственное участие Германии в военных действиях против СССР следует считать маловероятным. Враждебность буржуазии может принять различные другие дипломатические и экономические формы, и дело германского революционного пролетариата—вопреки социал-демократическим лидерам-предателям и ультра-левым ренегатам—этому помешать.

Польша.

Отношение польской печати к англо-советскому разрыву лишний раз подчеркивает, что *со стороны «Польши Пилсудского» нам угрожает близкая постоянная и непосредственная опасность.*

Польская печать приветствовала, как писала «Ржеч Посполита», «планомерность английской политики окружения СССР», а

орган Пилсудского «Глос Правды» вздумал использовать момент для того, чтобы выдвинуть ряд требований в связи с рижским договором, и обрушиться на нашу монополию внешней торговли. Огонь от выстрела в т. Войкова еще ярче освещает политику зачинщика польско-советской войны 1920 г. Пилсудского. Мы не знаем, куда, в какие польские центры идут нити от покушения русского дегенерата-монархиста, но мы твердо знаем, что только сознание полной безнаказанности и надежда на власть имущих, питаемые русскими белогвардейскими отбросами, приютившимися под крылышком Польши Пилсудского, сделали возможным кровавые дела польского Конради—Каверды. Возмутительные методы инсценировки «суда» над убийцей т. Войкова, защитительная речь государственного «обвинителя» и неожиданное милосердие судей еще более укрепляют наши подозрения. И что стоят успокоительные дипломатические заверения Патека, когда орган польского военного министерства «Польска Збройна» открыто выдвигает лозунг—границы 1772 г., проще говоря, войну с СССР?! Наконец, «фактом фактов» является сама фигура нынешнего польского диктатора—«*Пилсудского-Войны*».

Да, Пилсудский—это война. Это—общеизвестный факт. За это говорит кровавый 1920 г. Мания Пилсудского, его idée fixe (предвзятая идея) это война за границы 1772 г. Вся его бредовая истерично-шовинистическая «романтика» пропитана смрадным духом войны. Его генеральная политическая линия ведет в военное министерство на Темзе.

Но могут возразить: а польский пролетариат, блестящая победа польской компартии на муниципальных выборах в Варшаве и др. городах, а полные великого смысла траурные демонстрации польских рабочих по поводу убийства Войкова?

Да, все это—факты огромнейшего значения, факты, свидетельствующие, что польский пролетариат уже в значительной степени изжил националистический угар, свойственный пролетариату всякой нации, долго пребывавшей в состоянии угнетения, что он в значительной своей части раскусил истинный смысл «независимости» в рамках помещичье-буржуазного государства, фактически находящегося в вассальной зависимости от крупных империалистических держав, в данном случае от хищнической Великобритании. *Это—факт, который, без сомнения, окажет огромное влияние на ход борьбы, которую нам собирается навязать Пилсудский, но который, к несчастию, неспособен предупредить войну.*

Более того, весьма возможно обратное. Весьма возможно, что этот факт косвенно может ускорить войну, так как Пилсудский, подобно другим буржуазным властителям, может попытаться мечом войны пресечь это внутреннее развитие революционного движения пролетариата (и национально-освободительного движения украинцев, белоруссов, евреев).

Можно выдвинуть и другой довод: крупная польская буржуазия—«эндеция» (партия «народовой демократии») настроена более реалистично—она не хочет войны с СССР, и находится в оппозиции к Пилсудскому. Но было бы крайне легкомысленно и опасно переоценивать эту оппозицию со стороны эндеков против федералистского плана Пилсудского (т.-е. плана захвата Украины и Белоруссии и включения их в состав Великопольской федерации). Не приходится сомневаться в том, что если Пилсудский поставит эндеков перед совершившимся фактом, то они, как

«добропорядочные» патриоты, забудут личные счеты и будут верой и правдой служить Пилсудскому.

Когда именно Пилсудский бросится за призраком границ 1772 г., к борьбе за которые недавно открыто призывал официальный орган военного министерства «Польска Збройна», конечно, предугадать невозможно: наша мирная политика затрудняет работу тех, которые хотят запугать польский народ призраком «нашествия москалей». Этот эффект мы должны стремиться еще более усилить путем сближения различных наших общественных и культурных организаций со всеми теми слоями польской общественности, которые хотят сближения с нами или, по крайней мере, вообще не хотят войны. Мы здесь не касаемся кардинального вопроса—сближения пролетариата СССР и Польши. Мы имеем в виду, на ряду с поощрением экономического контакта, сближение с польской радикальной интеллигенцией, пацифистскими обществами, создание общества советско-польской дружбы и т. д. Все эти шаги, вытекающие из нашей мирной политики могут и должны быть предприняты. Но вместе с тем мы не должны увлекаться иллюзиями и ясно отдавать себе отчет в том, что силы внутренние и внешние, действующие в Польше против нас, за войну с нами, чрезвычайно велики, что они ни на секунду не прекращают своей преступной работы. И если мы себе поставим вопрос, есть ли у нас гарантия, что Польша Пилсудского не об'явит нам войны сегодня, завтра, через недели или месяцы, то мы должны ответить—*никакой такой гарантии нет. Мы должны строить свои расчеты, исходя из того, что английскому империализму в любую минуту может удаться бросить против нас легионы жаждущего «военной славы» Пилсудского. А потому мы в любую минуту должны быть готовы к отпору.*

Прибалтика.

Литва. Наши взаимоотношения с маленькой Литвой заслуживают особого внимания, поскольку на последнюю оказывает сильное давление Польша, за спиной которой стоит Англия.

Весьма показательно то обстоятельство, что, несмотря на это давление, Литва при демократическом правительстве Сляжевичуса нашла в себе достаточно смелости, чтобы заключить с СССР *гарантийный договор (28 сентября 1926 г. в Москве).*

Фашистский переворот, приведший к власти в конце ист. года коалицию из националистов и христианских демократов, без сомнения, повлек за собой неблагоприятный для СССР поворот во внешней политике Литвы. Но все же подчинение Литвы польскому влиянию идет далеко не так быстро, как это мерещилось ныне ушедшим из правительства хадекам, их польским и английским друзьям.

Во время англо-советского разрыва английская дипломатия берет на себя роль «честного маклера» между Польшей и Литвой и пытается склонить последнюю к негласным переговорам. Но Пилсудский стремится к «унии» между обеими странами, что при неравенстве сил означает не что иное, как польский *протекторат* над Литвой. Пойдет ли, однако, последняя на капитуляцию—сомнительно. По крайней мере речь президента Сметоны при вручении ему т. Аросьевым верительных грамот (10 июня с. г.), будучи дружественной по отношению к СССР, была определенно заострена против Польши. Президент говорил о договорах 1920 и 1926 гг. как об основах литовско-совет-

ской дружбы, подчеркнул оговариваемые в них права Литвы на Вильну и выразил надежду, что в близком будущем будут благополучно завершены переговоры о советско-литовском торговом договоре.

Следует учесть, что эта речь была произнесена через короткое время после англо-советского разрыва и после встречи литовского премьера Вольдемараса с латвийским мининделом Целенсом в Кибартах (Литва), во время которой они обсуждали проекты нейтрализации обеих стран по примеру Швейцарии. Все это дает основания для вывода, что план Чемберлена и Пилсудского о привлечении Литвы к антисоветскому прибалтийскому блоку под главенством Польши еще не столь близок к осуществлению.

Латвия. Несмотря на все усилия английского представителя в Прибалтике, мистера Воона, ему не удалось помешать улучшению латвийско-советских отношений, наступившему в связи с приходом к власти в конце 1926 г. левого кабинета Скунека, в котором преобладают социал-демократы, вынужденные учитывать настроение рабочих масс. Парафирование 9 марта 1927 года в Риге латвийско-советского гарантийного договора получает особое значение в виду этого давления, оказываемого на Латвию английской дипломатией. Не менее симптоматично подписание торгового договора (2 июня 1927 г. в Москве), создающего базу для расширения торговли между обеими странами и для улучшения политических взаимоотношений между ними. Следует, однако, иметь в виду, что этот благоприятный сдвиг в латвийско-советских отношениях, однако, не имеет под собой достаточно прочной базы в виду неустойчивости внутренне-политического положения Латвии. Правые партии, ориентирующиеся на Англию, и в особенности фашисты, ведут бешеную кампанию против кабинета Скунека и его мининдела, соц.-демократа Целенса. Так, например, по поводу подписания торгового договора лидер фашистов Арвид Берг писал в «Латвис», что «при наличии англо-советского конфликта это обстоятельство может только повредить Латвии». Иными словами, если Англия ссорится с СССР, то Латвия должна подражать ее примеру. Фашисты не ограничиваются словесной критикой. Неудачная попытка переворота, произведенная весной, не смутила фашистов, поддерживаемых английской миссией и поощряемых нерешительностью левого правительства, которое по социал-демократическому обычаю, перед лицом фашистской опасности обрушивается с жестокими репрессиями не против фашистов, а против единственной силы, способной дать отпор воинствующей контрреволюции—революционных рабочих.

Вот почему дальнейшее развитие латвийско-советских отношений и позицию Латвии в случае нападения на нас Польши предугадать трудно. Многое будет зависеть от соотношения сил внутри Латвии в решительный момент. Как бы то ни было, нет оснований утверждать, что Латвия наверняка подчинится давлению Англии и Польши.

Эстония. Развитие внешней политики Эстонии приходится признать неблагоприятным с точки зрения наших интересов. Эстонская буржуазия еще не пришла в себя от паники, охватившей ее по поводу вооруженного выступления коммунистов 1 декабря 1924 г. К тому же она в борьбе с экономическим кризисом прибегла к займу у Англии, условия которого влекут за

собой дальнейшее отклонение внешне-политической линии в сторону Лондона.

В какой мере эстонская буржуазия или по крайней мере часть ее ориентируется на империалистический Запад, свидетельствует статья, появившаяся 18 мая 1927 г. в органе националистов «Пьявелехт»: «Нас больше всего интересует,—писала газета,—не приступит ли Лига Наций к тому, чтобы облегчить нам наш военный бюджет». На это Эстония, по мнению «Пьявелехт», имеет право, так как ее вооруженные силы защищают, дескать, не только Эстонию, но и всю Европу. Это означает не что иное, как предложение эстонской буржуазией своих услуг задающему тон в Лиге Наций английскому империализму для борьбы против СССР. Если вспомнить саботирование Эстонией наших предложений о гарантийном договоре, а также историю попытки сдать Англии острова Эзель и Даго с тем, чтобы она могла построить там явно направленную против СССР военно-морскую базу, то этим рассуждениям удивляться не придется.

По тем же причинам приходится брать под сомнение искренность сделанных эстонским правительством в связи с англо-советским разрывом заверений относительно нейтралитета. Позиция Эстонии в случае новой попытки интервенции со стороны английского империализма не может не внушать нам серьезных опасений.

Финляндия. Влияние английской дипломатии в Финляндии весьма сильно. Англия, как главный покупатель продуктов важнейшей финской индустрии—лесной и бумажной, может оказывать чувствительное давление на финскую экономику. Англия также принимает близкое участие в строительстве финских морских сил и смотрит на Финляндию как на важный в географическом и стратегическом отношениях опорный пункт в борьбе против СССР.

Этим враждебным влиянием в значительной степени объясняется саботирование Финляндией наших предложений о заключении гарантийного договора, сделанных еще весной 1926 года. Финляндия цеплялась за вытекающий из ее принадлежности к Лиге Наций «долг» выступать против «нарушителя мира». Представитель Финляндии в Лиге Наций также отказался признать законной германскую оговорку к локарнским договорам относительно пресловутого § 16 устава Лиги Наций, трактующего о репрессиях против «нарушителей мира», и требовал усиления помощи Лиги стороне, подвергающейся нападению. А так как «миротворцы» Лиги в случае войны против СССР, без сомнения, признают Страну Советов «нападающей стороной», то смысл предложений финского делегата вполне ясен. В такой обстановке переговоры о гарантийном договоре, конечно, не могли дать положительных результатов.

Приход к власти в конце 1926 г. социал-демократического правительства, вынужденного учитывать заметно растущие симпатии финских рабочих к СССР, знаменуется точно так же, как в Латвии, некоторым улучшением отношений к СССР. Новое правительство как будто обнаруживает склонность пойти на заключение гарантийного договора. Но так как финские с.-д., подобно их латвийским и литовским коллегам, неспособны бороться с происками фашистов, то и здесь возможны всякие сюрпризы.

На сам собой напрашивающийся вопрос о позиции Финляндии в случае англо-польской войны против СССР можно ответить, что это будет зависеть преимущественно от соотношения сил внутри самой Финляндии. Во всяком случае дело будет не так просто, что Англия прикажет, а Финляндия пойдет. Не следует ведь забывать, что в годы интервенции шпагоглотателю Маннергейму не удалось бросить Финляндию против Советской России.

Общее положение на нашей западной границе. Резюмируя вышесказанное относительно позиций крупных европейских государств и лимитрофов по отношению к формируемому британским империализмом антисоветскому блоку, мы приходим к выводу, что непосредственная военная опасность угрожает нам преимущественно со стороны все более вовлекаемой в орбиту английского влияния Польши. Этой угрозе мы должны смотреть прямо в глаза и спокойно, хладнокровно подвергнуть анализу вопрос о возможных союзниках Польши и о размерах этой помощи. Это тем более необходимо, что под впечатлением действительно существующей военной опасности многие, незаметно для себя, поддаваясь необоснованным страхам, представляют дело так, что война Польши против нас обязательно должна повлечь за собой *всеобщий* крестовый поход, *всеобщую войну* всех буржуазных государств против нас. В действительности же, если разобраться конкретнее в международной обстановке, картина, как мы видели, получается несколько иная.

Что касается *Англии*, то толкнув Польшу против нас, она, без сомнения, будет решительно поддерживать ее, при чем эта поддержка со стороны английской буржуазии—на это не следует закрывать глаза—будет несравненно более решительной, чем в 1920 г., когда Советская Россия была слаба и не представлялась английскому империализму такой серьезной опасностью, как теперь. Английский империализм много поставит на карту в этой игре. Будет помогать поставленная перед совершившимся фактом и Франция. Италия, возможно, тогда будет занята другой авантюрой, в Малой Азии. Но помощь империалистических держав, даже помощь Англии, можно полагать, не выльется в форму непосредственной войны с СССР.

Английская буржуазия может втянуть страну в интервенцию в форме поддержки Польши военным снаряжением и деньгами, сможет, в худшем для нас случае, послать свой флот в Балтийское и Черное море, но послать в СССР большую армию, т.-е. массы рабочих в солдатских шинелях,—это уже совсем другое дело. При все развертывающемся процессе левения масс и росте симпатии к СССР—это просто невозможно. То же самое относится к Франции и Италии.

Особое значение имеет позиция *Америки*, в случае нападения Польши на нас. Наиболее ярые большевистскоедские элементы в Соед. Штатах, без сомнения, будут добиваться вмешательства Соед. Штатов в пользу Польши. И в виду крайней отсталости американского рабочего движения не приходится надеяться на серьезное с его стороны противодействие такой кампании. Так что возможность американской поддержки (преимущественно поставками оружия и деньгами) отнюдь не исключена.

Что же касается мелких государств—Румынии, Эстонии, Латвии и Финляндии, то хотя их непосредственное участие на стороне Польши весьма вероятно, но отнюдь не неизбежно. Во всяком

случае, Эстонии и Латвии не легко будет решиться на такой шаг, так как их правящие круги хорошо понимают, что вмешательство их в польско-советскую войну, при миниатюрных размерах территорий их стран и малочисленности их армий, может в кратчайший срок привести к прекращению их существования как буржуазных государств. В худшем случае, если даже все окраинные государства станут на сторону Польши, то мы не будем иметь против себя прочный сплоченный боевой блок с единой программой действий, так как у каждого из них будут свои побочные планы и цели.

Таким образом, мы приходим к выводу, что когда мы обычно говорим о будущей интервенции, как о войне мировой буржуазии против нас, то термин «мировая», вовсе не следует понимать в буквальном смысле слова. В ближайшие годы война буржуазии *всех* крупных капиталистических государств против нас мало вероятна. Нападение же на нас со стороны того или иного блока окраинных государств, пользующихся поддержкой крупных держав,—при нашей колоссально возросшей экономической, военной и международно-политической мощи, опирающейся на растущее сочувствие пролетариата всех стран и пробуждающихся колониальных народов, а также на таких надежных союзников, как наша геофизика (минеральные богатства) и география (колоссальные расстояния)—при таких условиях нападение на нас несравненно более опасно для многих из наших врагов, чем для нас.

Это становится особенно очевидным, если вспомнить, что ядро этого блока—Польша—далеко не здоровое. Польский пролетариат в значительной степени изжил свои национлистические иллюзии, связанные с возрождением польской государственности, маломощное крестьянство не удовлетворено аграрной реформой; нацменьшинства (за исключением тонкого верхушечного слоя) все больше втягиваются в борьбу с властью польской буржуазии и ее военно-полицейской клики; компартия, как показали варшавские муниципальные выборы в мае 1927 г., несмотря на режим белого террора, все глубже внедряется в массы.

Вот почему мы, отнюдь не убаюкивая себя, отнюдь не отмахиваясь рукой от опасностей, а, наоборот, совершенно спокойно и хладнокровно взвешивая их и даже рассчитывая на худшее, можем уверенно смотреть в лицо чреватому крупными потрясениями будущему. Все это, понятно, при условии, что мы, расширяя базу нашей обороны—госпромышленность и сельское хозяйство—будем упорно и систематически укреплять во всех отношениях нашу славную Красную армию, красный морской и воздушный флот.

(Продолжение следует).

С. Бергавинов.

О темпе и характере расслоения сибирской деревни.

Значение сельского хозяйства Сибирского края в экономике страны общеизвестно. Мы только слабо знаем, вернее *не всегда* учитываем *особенности* развития порайонного сельского хозяйства в том числе и сибирского, отчего иногда и впадаем в существенные ошибки при подходе к разрешению какого-либо общего серьезного хозяйственного и политического вопроса, включающего в себя и экономику Сибири.

Такую глубокую политическую ошибку сделал тов. Дьяков на страницах «Советской Сибири»[1]) от 30-го ноября 1926 года, где он, разбирая вопрос о классовом расслоении деревни Юго-Зап. Сибири без учета этих особенностей и при неправильном подходе к группировкам хозяйств, приходит по меньшей мере к ошибочному выводу «о бурном капиталистическом росте верхушки деревни и дальнейшем обнищании нижнего полюса». *Исчерпывающие* ответы, *опровергающие* такой вывод, были даны в той же газете [2]), и этим можно считать полемику законченной.

В настоящей же статье мы хотим остановиться на общем вопросе расслоения сибирской деревни.

Прежде, чем подойти к разбору наших данных, необходимо остановиться на ряде существенных моментов *прошлого* Сибири, которое заключается в *особенностях* развития сельского хозяйства Сибирского края, по сравнению с другими районами СССР.

В чем эти особенности? Они заключались прежде всего в отсутствии земельного голода и помещичьего землевладения: сибирский мужик не знал и не видел у себя помещика, равно как и не испытывал недостатка в земле. Дальше надо отметить, что до революции земли в Сибири были во владении государства, числясь в постоянном пользовании населения, а частновладельческие земли (хутора и отруба) играли ничтожную роль.

Основной формой землепользования была община, которая при земельном просторе почти не прибегала к сплошному переделу земли, а производила урезку у многопосевных в пользу новых душ и новоселов. Все это не могло не отразиться на аграрной революции в Сибири, которая здесь происходила не в формах «черного передела», а в форме урезок многоземельных в пользу бес- и малопосевных, в передел шли близлежащие земли, а далекие оставались в пользовании старых хозяев. Следовательно, в части землепользования происходило известное «уще-

1) «Советская Сибирь»—орган Сибкрайкома ВКП.
2) См. №№ 1, 9 «Сов. Сибири» за 1927 г.

мление» многопосевных, но отсутствовала нивелировка, которая только теперь с проведением землеустройства может быть в известной мере достигнута.

Еще сложней обстояло дело с нивелировкой по средствам производства. Если в деревне других районов СССР аграрная революция осуществлялась не только в форме передела земли, но и путем захвата у кулака и помещика средств производства через «раскулачивание», комитеты бедноты и т. д., то сибирская деревня этого не имела и иметь не могла, поскольку здесь советская власть установилась в конце 1919 года. А своеобразное сибирское партизанское движение (опирающееся на бедняцко-середняцкие массы) и *жесткая* продразверстка, хотя в известной мере и вели к поравнению—раскулачиванию (конфискация имущества у кулаков и колчаковцев), но все же не дали существенных изменений, особенно в отношении мертвого инвентаря. Кулацкая часть деревни, лишившись значительного количества живого инвентаря—коровы, лошади—*сумела* в то же время сохранить основную массу сложного мертвого инвентаря (молотилки, сенокосилки и т. д.) в своих руках. Это обстоятельство при огромном значении сельскохозяйственных машин вообще, а в Сибири в особенности, имело крупнейшее значение и во всем дальнейшем развитии сельского хозяйства Сибкрая и в быстром хозяйственном росте этой верхушки деревни.

Таковы своеобразные черты развития сельского хозяйства в Сибири, не учитывать которые, при разрешении столь серьезного вопроса, как расслоение деревни, значит наверняка совершить ошибку и внести в вопрос неясности.

Пользуясь, как уже выше говорилось, данными весенних опросов 1925 и 1926 гг., попытаемся установить характер и темп расслояния деревни Юго-Западной Сибири [1]). Происходил ли здесь характерный для расслоения дореволюционной деревни процесс *размывки* середняка на два крайних полюса, или же в условиях *советской деревни* мы этого не имеем? Обращаясь к данным весенних опросов 1925—1926 гг. о группировках хозяйств по посеву и скоту, мы получаем такую картину:

Группы хозяйств	% хозяйств		Изменен. в %% за год (к той же группе)	% посева ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)
	1925 г.	1926 г.		1925 г.	1926 г.	
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	55,3	42,4	— 23,4	23,8	14,1	— 41,0
Группа от 3 до 4 дес.	12,7	12,6	— 0,8	12,4	9,6	— 24,4
Группа с посевом от 4 до 10 дес.	28,0	36,2	+ 29,3	48,2	48,3	+ 0,2
» » » » 10 » 16 »	3,2	6,6	+106,2	11,0	17,6	+ 60,0
» » » » 16 и св. дес.	0,8	2,2	+175,0	4,6	10,4	+116,7
Итого в %% . .	100	100	—	100	100	—

[1]) Это—часть Сибири, наиболее характерная и определяющая состояние сельского хозяйства Сибири в целом, поскольку в ее часть входит большинство округов с наиболее развитым сельским хозяйством.

Группы хозяйств	% раб. скота ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)	% коров ко всему итогу		Изменен. в %% за год (к той же группе)
	1925 г.	1926 г.		1925 г.	1926 г.	
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	38,0	24,7	— 35,3	41,7	30,5	— 26,9
Группа от 3 до 4 дес.	13,6	11,6	— 15,4	13,2	12,0	— 9,1
Группа с посевом от 4 до 10 д.	39,7	45,9	+ 15,6	37,4	43,0	+ 15,0
» » » » 10 » 16 »	6,6	12,2	+ 84,8	5,8	10,3	+ 77,9
» » » » 16 и св. дес.	2,1	5,6	+166,7	1,9	4,2	+122,2
Итого в %% . .	100	100	—	100	100	—

О чем говорят эти цифры? Налицо *несомненная картина общего движения вверх всех хозяйств.*

Относя группу беспосевных и с посевом до 3 дес. к бедняцкой группе, мы видим значительное ее сокращение: по хозяйствам—на 23,4%, по посеву—на 41,0%, по рабочему скоту—на 35,3% и по коровам—на 26,9%. На первый взгляд может показаться, что темп сокращения по посеву и по средствам производства идет *быстрее*, чем по хозяйству, но это только впечатление и не больше, поскольку иного положения и быть не может, *на данной* хозяйственной ступени развития, ибо беднота, сократившись количественно, в оставшейся части не может сохранить свой старый экономический удельный вес, т. к. в этой части остались наиболее слабые хозяйства, а более крепкие передвинулись в середняцкую группу. Подтверждением этого служит и группа с посевом от 3 до 4 дес., которая также относится к бедняцкой группе, но «крылом» своим она уже подбирается к середняцкой. Эта группа (с посевом от 3 до 4 дес.) имеет уже меньший темп снижения, как по хозяйствам и посеву, так и по средствам производства. Она сократилась по хозяйствам на 0,8%, по посеву—на 24,4%, по раб. скоту—на 15,4% и по коровам—на 9,1%. Несомненно, эта группа при первом хорошем урожае в значительной мере перейдет в середняцкую группу, а при плохом урожае—в бедняцкую группу. Дальше идет группа с посевом от 4 до 10 дес., которую надо отнести к середняцкому массиву. Эта группа значительно растет количественно и хозяйственно укрепляется. Здесь мы имеем рост ее по хозяйствам на 29,3%, по посеву—на 0,2%, по раб. скоту—на 15,6% и по коровам—на 15,0%. Следующая группировка с посевом от 10 до 16 дес., ее отнести можно к «зажиточной» или к крепко-середняцкой группе, среди которой, пожалуй, половина является «*почкой*», растущей в кулака. Эта группа выросла по хозяйствам на 106,2%, по посеву—на 60,0%, по раб. скоту—на 84,8% и по коровам—на 77,9%. И, наконец, последняя группа, несомненно, *кулацкая* имеет более быстрый рост в сравнении с другими группировками по всем видам хозяйства.

Но ограничиться только приведенной таблицей нельзя, поскольку по условиям Сибири в сельском хозяйстве сельскохоз. машины играют крупнейшее, прямо *исключительное* значение, и

без выкладок о машинном инвентаре приведенная выше таблица не даст исчерпывающего ответа на интересующие нас вопросы. Поэтому мы приводим цифры о машинах на 1926 г. в %% к итогу по группам и получим:

Группы хозяйств	Сеялок	Жнеек	Сенокосил.	Молотил.	Веялок и сорт.	Плугов
Группа без посева и с посев. до 3 дес.	2,7	2,4	6,5	5,1	6,2	19,2
» от 3 до 4 дес.	3,0	3,9	6,3	5,3	6,4	13,1
» с посевом от 4 до 10 дес. . .	28,2	48,2	56,7	50,2	53,4	50,6
» » » » 10 » 16 » . . .	29,2	28,9	21,2	25,0	23,2	11,8
» » » свыше 16 дес. . . .	39,6	16,6	9,3	14,4	10,8	5,3
Итого в %% . .	100	100	100	100	100	100

Характерной чертой этой таблицы, с одной стороны, является *преобладание* сложного *машинного* инвентаря в руках середняцкой группы и, с другой—наличие значительного количества этих машин в руках зажиточно-кулацкой верхушки деревни.

Но как уже выше мы отмечали, корни такого явления надо отнести *к прошлому* Сибири, а к отпуску машин здесь приступлено 2—3 года назад.

Теперь мы сгруппируем все эти цифры в одну сводную таблицу об удельном весе различных посевных групп сибирской деревни на 1926 год и будем иметь:

Группы хозяйств	% дворов	% посева	% коров	% раб. скота	% сеялок	% жнеек	% сенокос.	% молотил.	% веялок и сортир.	% плугов
Группа без посева и с посевом до 3 десятин	42,4	14,1	30,5	24,6	2,7	2,4	6,5	5,1	6,2	19,2
Группа с посевом от 3 до 4 дес.	12,6	9,6	12,0	11,6	3,0	3,9	6,3	5,3	6,4	13,1
Группа с посевом от 4 до 10 дес.	36,2	48,3	43,0	45,9	28,2	48,2	56,7	50,2	53,4	50,6
» » » 10 » 16 »	6,6	17,6	10,3	12,2	29,2	28,9	21,2	25,0	23,2	11,8
» » свыше 16 дес.	2,2	10,4	4,2	5,6	36,9	16,6	9,3	14,4	10,8	5,3
Итого в %% . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Эта сводная таблица об удельном весе всех группировок с очевидностью показывает, *что основная масса хозяйств, посева и средств производства, в том числе и сложного сельскохоз. инвентаря сосредоточена в руках середняцкой группы*—с посевом от 4 до 10 десятин, которая экономически идет *вверх* по всем признакам, а раз так, следовательно, у нас нет никаких оснований к выводу *о рассасывании* его—середняка—по крайним полю-

сам деревни. При том, если учесть, что из группы с посевом от 10 до 16 дес., так называемых «крепких» середняков, можно, не ошибаясь, хотя бы половину включить в обще-середняцкую группу, то тогда будем иметь в удельном весе уже подавляющее количество средств производства и посева в руках этой середняцкой массы.

Дальше таблица вскрывает наличие в руках небольшой группы (2,2%) кулацких хозяйств изрядного количества посева, скота и особенно сложных сельскохоз. машин, а если к этой группе прибавить некоторое количество хозяйств из крепко-середняцкой группы, то доля по средствам производства, гл. образом, по сложному с.-х. инвентарю, несколько еще повысится. На этой основе безусловно растет, и в известной мере может расти и в дальнейшем, эксплоатация низших групп деревни. Тут уместно привести в высшей степени интересные—с точки зрения классовых отношений—цифры, показывающие способы получения скота и инвентаря для обработки пашни по отдельным посевным группам; они рисуются в следующем виде: на 100 хозяйств весной 1926 года обрабатывали землю:

Группы хозяйств	Число хозяйств в 1926 г.	Чьим инвентарем: Только своим	Только чужим	Смешан. способ.	С упряжкой	Неизвестно	Итог в %%
Без посева	3.954	—	—	—	—	—	—
Группа с посевом до 3 дес. .	29.180	26,8	26,9	12,2	30,4	4,7	100
» » » от 3 до 4 д.	9.862	49,5	8,3	9,7	30,6	1,9	100
» » » » 4 » 10 »	28.203	70,2	2,8	4,3	21,8	0,9	100
» » » » 10 » 16 »	5.190	82,0	0,7	1,8	15,3	0,2	100
» » » свыше 16 д.	1.739	88,0	0,4	2,3	9,1	0,2	100
Итого в абсолютных числах и средн.	78.128	38.354	9.461	5.594	18.966	1.799	100
%%	100	51,7	12,8	7,5	25,6	2,4	—

Группы хозяйств	Число хозяйств в 1926 г.	Чьим скотом: Только своим	Только чужим	Смешан. способ.	С упряжкой	Неизвестно	Итог в %%
Без посева	3.954	—	—	—	—	—	—
Группа с посевом до 3 дес. .	29.180	22,3	36,6	11,8	24,4	4,9	100
» » » от 3 до 4 д.	9.862	45,6	14,4	11,2	27,2	1,6	100
» » » » 4 » 10 »	28.203	68,8	4,7	6,4	19,2	0,9	100
» » » » 10 » 16 »	5 190	82,9	2,4	2,1	12,3	0,3	100
» » » св. 16 дес. .	1.739	88,2	1,6	2,2	7,8	0,2	100
Итого в абсолютных числах и средн.	78.128	36.199	13.827	6.369	15.970	1.809	100
%%	100	48,9	18,6	8,6	21,5	2,4	—

И эта таблица в добавление к предыдущим подтверждает предыдущий наш вывод, что в сибирской деревне не происходит размывание середняка и что у него—середняка—сосредоточено большинство средств производства, об этом красноречиво показывают цифры обработки пашни только чужим (8,3% и 14,4%) и только своим (49,5% и 45,6%) инвентарем. К сожалению, мы не имеем цифр за прошлые годы о размерах *супряги*, но по всем данным (в том числе и личного наблюдения) она *растет*. Но и приведенные в таблице размеры супряги заслуживают исключительного внимания. Супряга довольно распространена среди всех групп деревни и особенно в бедняцко-середняцкой массе.

Правда, бывают иногда случаи, когда под видом «супряги» обнаруживается самая настоящая эксплоатация маломощных хозяйств, и все же, несмотря на такие случаи, надо признать, что возрастание супряги при данных условиях деревни является шагом вперед в высвобождении от эксплоатации кулачеством. На супрягу мы должны обратить серьезное внимание, учесть ее размеры точнее и сделать выводы.

Наконец, мы приведем данные об аренде земли и найме рабочей силы, которые еще дополнят предыдущие таблицы и подтвердят наш основной вывод, который мы делали выше.

Группы хозяйств	% арендов. пашни к общ. итогу по группам	% найма годовой и сроковой рабсилы к общ. итогу по группам
Группа без посева и с посев. до 3 д. .	11,6	13,1
» с посевом от 3 до 4 дес. . .	5,4	7,8
» » » 4 » 10 » . .	35,8	48,3 [1]
» » » 10 » 16 » . .	20,1	19,1
» » свыше 16 дес. . . .	27,1	11,7
Итого	100	100

О чем же говорят все приведенные таблицы, и какой вывод из них надо сделать?

Прежде всего приведенные выкладки и цифры показывают *наличие в сибирской деревне несомненно серьезной дифференциации; расслоение идет прежде всего по линии перераспределения средств производства, при чем накопление направляется главным образом в сельскохоз. машины, а потом уже в молочный и рабочий скот, а расслоение по земле идет в последнюю очередь.* Такое явление имеет связь с отсутствием частной собственности на землю в прошлом и наличием земельных просторов. Это—первый политический вывод, который необходимо сделать при анализе этого вопроса.

[1]) В середняцкой группе с посевом от 4 до 10 дес. в 48,3% найма рабочей силы значительно преобладает наем *сроковой, сезонной* во время уборки хлебов.

Второй бесспорный вывод следующий: в сибирской деревне идет значительное *движение вверх всех групп хозяйств*, и, *несмотря* на серьезную дифференциацию, мы имеем налицо *количественный и экономический рост середняцкой массы.* Бедняцкая группа, сокращаясь количественно, выделяет значительный слой в высшие группы и в меньшей мере пролетаризуется, и, наконец, верхушечная группа деревни идет вверх по всем видам производства быстрее всех остальных групп. Но «страшного» в этом ничего нет, ибо для данного переходного периода хозяйственного под'ема деревни такое явление неизбежно, и партия никогда этого не скрывала (см. резолюции XIV с'езда, XIV—XV конференций ВКП и т. д.). Этот рост есть и в течение ближайшего периода еще будет, ибо, как говорит резолюция XV Всесоюзной партийной конференции, «в политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что, на ряду *с ростом* кулацких элементов в деревне и пролетаризацией *некоторой* части бедняцких хозяйств, происходит *экономический под'ем* другой части бедняцких хозяйств. Середняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается попрежнему главной силой земледелия» (подчеркнуто везде мною. *С. Б.*).

Приведенные нами данные целиком подтверждают правильность этой резолюции и в *сибирских условиях.* И здесь, в Сибири, также не происходит *рассасывание, вымывание середняка по крайним полюсам.*

Все наши цифры говорят об обратном: налицо значительное укрепление середняцкого слоя. Середняк, укрепляясь остается главной силой земледелия и центральной фигурой, определяющей общий под'ем деревни, в том числе и сибирской.

Анализ всех данных, повторяем, не дает оснований к выводу об изменении в худшую сторону положения нижнего полюса, а тем паче середняцкого массива. Не подходя к вопросу с «обще-российской» меркой, думаем не будет ошибкой, если скажем, что процесс расслоения в Сибири идет, в основном, в тех же формах, о которых говорил тов. Рыков на XV конференции, хотя самый *темп* расслоения здесь идет безусловно *быстрее.*

Дабы окончательно подкрепить наши выводы, обратимся к другому статистическому материалу. Берем данные гнездовой динамической переписи 1926 года об эволюции 12.374 хозяйств на территории бывш. Омской губернии[1]). Из этого количества хозяйств в течение года подвергались разделам 2,7%, выселилось и ликвидировалось—4,0%, соединилось—1,5% и осталось без органических изменений—91,8%. Группируя эти хозяйства по размеру посева в 1925 году, и рассматривая их *эволюцию* по посевным группам и изменения в сторону увеличения или уменьшения посева и рабочего скота у них к 1926 году, мы имеем такую картину:

[1]) Омская губерния, ныне округ, является наиболее характерной и типичной по экономике для Юго-Западной Сибири. Этот округ наиболее развит и «крепок» в сельскохозяйственном развитии.

Группы по посеву 1925 г.	Число хозяйств 1925 г., оставш. без органич. изменен.	Из них к 1926 г. в процентах						
		Перешли		Осталось в тех же группах	Увеличили		Уменьшили	
		В высшие группы по посев.	В низшие группы		Посев	Рабоч. скот	Посев	Рабоч. скот
1. Без посева и с посев. до 0,1 дес.	759	48,4	—	51,6	48,4	15,5	1,7	5,8
2. С посев. от 0,1 до 1,0 дес. . .	1528	45,6	7,7	46,7	64,9	14,7	21,0	6,9
3. » » 1,1 » 2,0 » . .	2325	48,5	10,5	41,0	69,3	15,9	20,5	8,8
4. » » 2,1 » 3,0 » . .	2073	58,0	10,7	31,3	72,8	18,8	19,4	9,6
5. » » 3,1 » 4,0 » . .	1489	57,2	13,9	28,9	71,7	20,2	21,8	12,2
6. » » 4,1 » 6,0 » . .	1732	48,9	10,3	40,8	75,2	25,0	20,5	13,5
7. » » 6,1 » 8,0 » . .	775	50,7	13,0	36,3	73,9	25,7	22,5	17,0
8. » » 8,1 » 10,0 » . .	339	53,7	15,9	34,0	72,6	29,5	25,1	15,9
9. » » 10,1 » 16,0 » . .	266	54,5	16,5	29,0	74,0	35,0	24,1	18,1
10. » » 16,1 » 22,0 » . .	40	70,0	12,5	17,5	77,5	57,5	22,5	12,5
11. » свыше 22,1 » .	26	65,4	7,7	26,9	80,0	52,0	20,0	28,0
Итого. . . .	11352	51,6	10,4	38,0	69,6	19,9	19,6	10,7

В заключение посмотрим изменения от 1925 года к 1926 г. посевных групп по посеву, рабочему скоту и сложному инвентарю и для большей наглядности данные этих изменений приведем не только в относительных, но и в абсолютных числах:

В абсолютных числах:

Группы хозяйств	Число хозяйств без органическ. изменен. 1925 г.	У них было в 1925 году и оказалось в 1226 году		
		Десятин посева		
		1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьшен. в 1926 г. против 1925 г.
1. Без посев. и с посев. до 1,0 дес.	759	18,3	445,5	+ 427,2
2. С посев. до 1,0 дес.	1528	1044,9	1835,7	+ 790,8
3. » от 1,0 до 2,0 дес. . .	2325	3747,1	5296,6	+ 1549,5
4. » » 2,1 » 3,0 » . .	2073	5363,0	7351,8	+ 1988,8
5. » » 3,1 » 4,0 » . .	1489	5297,4	6930,3	+ 1632,9
6. » » 4,1 » 6,0 » . .	1732	8527,7	11106,6	+ 2578,9
7. » » 6,1 » 8,0 » . .	775	5373,5	6636,3	+ 1262,8
8. » » 8,1 » 10,0 » . .	339	3026,8	3670,0	+ 643,2
9. » » 10,1 » 16,0 » . .	266	3218,8	3866,2	+ 647,4
10. » » 16,1 » 22,0 » . .	40	769,9	972,1	+ 202,2
11. » свыше 22,0 » . .	26	836,6	1042,2	+ 205,6
Итого. . . .	11352	37224,0	49153,3	+11929,3

Группы хозяйств	Число хозяйств без органичес. изменений 1925 года.	У них было в 1925 г. и оказалось в 1926 году					
		Голов рабочего скота			Колич. сеялок и убороч. машин.		
		1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьш. в 1926 г. против 1925 г.	1925 г.	1926 г.	Увелич. или уменьш. в 1926 г. против 1925 г.
1. Без посев. и с пос. до 1,0 дес.	759	394	470	+ 76	22	26	+ 4
2. С посев. до 1,0 дес.	1528	1292	1427	+ 135	45	60	+ 15
3. » от 1,0 до 2,0 дес.	2325	3082	3273	+ 191	191	226	+ 35
4. » » 2,1 » 3,0 »	2073	3095	3304	+ 209	402	641	+ 239
5. » » 3,1 » 4,0 »	1489	2867	3012	+ 145	502	608	+ 106
6. » » 4,1 » 6,0 »	1732	4128	4329	+ 201	1329	1612	+ 283
7. » » 6,1 » 8,0 »	775	2309	2421	+ 112	957	1128	+ 171
8. » » 8,1 » 10,0 »	339	1113	1158	+ 45	558	670	+ 112
9. » » 10,1 » 16,0 »	266	951	997	+ 46	519	600	+ 81
10. » » 16,1 » 22,0 »	40	167	186	+ 19	131	123	— 8
11. » свыше 22,0 »	26	151	177	+ 26	77	87	+ 10
Итого. . . .	11352	19550	20754	+1204	4733	5781	+1048

И эти цифры, представляющие исключительный интерес, целиком подтверждают наши выводы, о которых речь шла выше, и доказывают ошибочную трактовку вопроса о сокращении середняков. Все статистические материалы, приведенные в статье, как о Сибирском крае в целом, так и по наиболее сельхоз. округу отрицают наличие в сибирской деревне процесса рассасывания—вымывания *середняцкого массива* и утверждают несомненное наличие *его и количественного и экономического роста*, при чем роста, главным образом, за *счет перехода бедняцких хозяйств в середняцкие.*

Мы не ставили перед собой задачи в этой статье наметить практические предложения, вытекающие из всего сказанного, а имели целью об'ективно осветить вопрос, как он есть.

В заключение мы думаем, что все эти данные представляют также некоторый интерес с точки зрения «сказок» оппозиционного блока о состоянии советской деревни и процессах, в ней происходящих; они показывают, насколько далеко «лидеры» оппозиции *оторвались* (если только оторвались...?) от действительной жизни и вряд ли характеризуют этих «лидеров» и в крестьянском вопросе как выразителей пролетарских настроений.

Все данные о расслоении сибирской деревни с очевидностью говорят об оправдании на деле, в частности и в сибирских условиях, политики партии, направленной на под'ем бедняцко-середняцкой массы деревни, на приобщение ее под руководством пролетариата к социалистическому строительству, на отпор кулачеству и его капиталистическим стремлениям.

«ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО». Сборник статей под ред. А. М. Гинзбурга, Э. И. Квиринга и С. П. Середы. Изд. «Эк. Жизнь». Москва, 1927 г., стр. 600. Цена 7 р. 50 к.

Рецензируемый нами сборник статей, об'единенный основной идеей—установить и определить взаимоотношение и взаимозависимость в процессе индустриализации *промышленности и народного хозяйства*—является, несомненно, значительным и серьезным вкладом в нашу экономическую литературу.

По своему содержанию весь сборник разделен на три основных раздела. Первый посвящен общим вопросам индустриализации, второй—«вопросу о связи между промышленностью и отдельными частями народного хозяйства» и третий—вопросам вовлечения «в промышленное использование всех больших массовых естественных богатств». Едва ли представляется возможным, хотя бы в самой незначительной мере исчерпать в рамках журнальной рецензии богатейшее содержание настоящего сборника, состоящего из 28 фундаментальных, и по содержанию и по об'ему, статей. Поэтому мы и ограничиваем свои критические замечания наиболее общими и принципиальными статьями пятого раздела сборника.

Наиболее общий и наиболее принципиальный характер носит статья М. И. Спектатора «Значение индустриализации в мировой экономике», ставящего целью проанализировать конкретные особенности и условия индустриализации в послевоенной мировой экономике и в первую голову—взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства. Нечего и говорить, насколько важно такого рода исследование и какие бесспорно ценные выводы может дать подобного рода анализ для практики индустриализации нашего Союза. Однако, к сожалению, надо признать, что статья т. Спектатора страдает рядом принципиально неверных положений и неточностей, в значительной мере повлиявших и на конечные его выводы и результаты.

В самом деле, вот к каким выводам приходит т. Спектатор в результате анализа послевоенного мирового хозяйства и промышленного кризиса: «Послевоенный промышленный кризис является, таким образом,—пишет он,—результатом *чрезмерной* индустриализации, т.-е. *слишком разросшегося* основного капитала, не могущего быть целиком использованным при капиталистической системе распределения национального дохода и связывающего значительную часть капитала страны». «Словом *чрезмерная* индустриализация мирового производства при свойственном «загнивающему» капитализму замедленном темпе роста покупательной силы населения и является *основой* послевоенного промышленного и сельскохозяйственного кризиса» (курсив наш. *К. Р.*).

Действительно ли «чрезмерной» индустриализации, как это утверждает т. Спектатор, надо искать *корни* и *основную* причину послевоенного кризиса? Как доказывает и аргументирует это свое положение тов. Спектатор?

Он говорит: послевоенное хозяйство Германии характеризуется *ростом* тяжелой индустрии. И приводит следующие данные: в 1913 году Германия в современных границах имела 284 каменноугольные шахты с 490,7 тыс. рабочих, а в 1922 году—379 шахт с 566,7 тыс. рабочих.

В 1913 г. добыча железной руды производилась в 263 рудниках с общим количеством рабочих—24,6 тыс., а в 1922 г. количество рудников увеличилось до 336 с 29,7 тыс. рабочих. Такая же картина рисуется и в области металлургического производства. В общем и целом,—пишет тов. Спектатор,—если отвлечься от потерь, связанных с потерей значительной части территории и находящихся на ней фабрик и заводов, «то окажется, что производственный аппарат увеличился и в Германии, не говоря уже об Англии, которая не потерпела таких разрушений и во время войны сильно увеличила число предприятий в главнейших отраслях хозяйства».

Однако, такого рода аргументация не может быть все же признана хоть сколько-нибудь удовлетворительной. И причины послевоенного кризиса искать *только* в чрезмерной индустриализации, чрезмерно разросшемся производственном аппарате было бы явно недостаточно. Тем более, что сам т. Спектатор в другой своей работе писал, что «война не только поглотила запасы, но и разрушила производства некоторых стран благодаря тому, что в течение войны почти совершенно не ремонтировался и не возобновлялся основной капитал» [1]).

А другой автор по этому же поводу писал следующее: «Уменьшаются (во время войны. *К. Р.*) не только запасы богатств, приходит в упадок даже самый производственный аппарат. *Людской производственный аппарат* страдает вследствие отвлечения больших масс рабочих от производительного труда, вследствие военных потерь и вследствие недостаточного питания и чрезмерной работы в тылу. *Материальный производственный аппарат* расстраивается вследствие вреда, непосредственно наносимого войной. То, что накопляется вновь, идет исключительно на военные нужды» [2]).

Значит ли это, что мы вообще отрицаем какое бы то ни было движение вперед, в смысле индустриализации, в период войны? Ни в какой мере. Как совершенно справедливо отмечает в своей статье А. М. Гинзбург, «война не остановила процесса индустриализации, но дала ему заведомо больной уклон. Промышленность продолжала развиваться, но лишь за счет тех ее отраслей, которые призваны были обслуживать непосредственные нужды войны». И, совершенно естественно, что с окончанием войны рост этих отраслей, обслуживающих военные потребности, должен был не только прекратиться, но и в значительной степени они должны были вообще свернуться.

Кроме того, рост военной индустрии, как правило, происходил в условиях перераспределения производительных сил из сельского хозяйства. Наконец, война имела своим следствием обнищание широких потребительских масс населения. Все это в своей совокупности, не говоря уже о ряде других, большей или меньшей значимости причин, и создало ту обстановку, в которой неизбежен был тягчайший промышленный и с.-х. кризис. И в ряде этих причин диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством была лишь *одной* из многих причин, вызвавших и обосновавших послевоенный кризис.

Нельзя, наконец, пройти мимо рассуждений т. Спектатора о ходе и последовательности индустриального развития. «Связью между промышленностью и сельским хозяйством,—говорит он,—не исчерпывается, однако, проблема индустриализации, правильного распределения капи-

---

[1]) М. Нахимсон (Спектатор) «Мировое хозяйство до и после войны». Стр. 15.

[2]) Варга—«Кризис мирового хозяйства», стр. 10.

тала. Необходима еще определенная последовательность и в развитии отдельных отраслей промышленности».

Как же эта последовательность представляется т. Спектатору? «Постепенное накопление капитала дает возможность развития отраслей производства средств производства, куда и направляется главным образом капитал».

Иначе говоря, сперва развитие и расширение отраслей промышленности, работающих *непосредственно* на рынок личного потребления, а уже затем, потом, когда будут свободные средства, появятся кое-какие излишки и т. д., можно переходить к развитию отраслей, производящих средства производства.

Такого рода изложение хода индустриального развития и развития отраслей тяжелой индустрии поражает прямо величественным игнорированием действительного, реального, конкретного процесса индустриализации. Но т. Спектатору, очевидно, показалось и это недостаточным, ибо дальше все это заключается таким замечательным рассуждением: «при слабом накоплении капитала постройка предприятий с высоким органическим составом капитала может оказаться мало выгодной (!), так как (!) она фактически (!) означает задержку (!) в развитии производительных сил других отраслей и должна (!) неминуемо вести к диспропорции со всеми ее последствиями: товарным голодом, высокими ценами, недостатком специальных рабочих для одних отраслей и растущей безработицей других категорий рабочего класса». Все это, конечно, сущий вздор явно мелкобуржуазного происхождения, неудачная попытка повернуть вспять колесо хозяйственного развития. В самом деле, разве не пустяком, совершенно недостойным сколько-нибудь серьезного экономиста, является утверждение, что предприятия с высоким органическим капиталом, предприятия с высокой техникой, высоким техническим уровнем, где используются последние достижения науки и техники являются *реакционным* фактором, задерживающим развитие производительных сил и т. д. и т. п.?

Выводы т. Спектатора реакционны и мелкобуржуазны в условиях капитализма. Но они сохраняют свой реакционный смысл и в применении к советской системе хозяйства, где индустриализация имеет принципиально отличное содержание.

Попробуйте перенести все эти рассуждения и выводы т. Спектатора на советскую почву, и их мелкобуржуазная, ультра-шанинско-масловская концепция обнаружится с особенной ясностью:

промышленность не должна развиваться быстрее сельского хозяйства;

промышленность должна развиваться в строгом соответствии с требованиями, пред'являемыми ей рынком;

производство средств производства должно развиваться только при наличии постепенного накопления капитала и удовлетворения отраслей, производящих средства потребления; и

новое промышленное строительство должно избегать предприятий с высоким органическим составом капитала,—технически-совершенных предприятий. Днепрострой, металлургические гиганты — Тельбесский, Магнитогорский, Криворожский заводы и ряд других, начинаемых нами крупнейших строительств,—должны будут применяя рассуждения т. Спектатора, вести к диспропорции, товарному голоду, высоким ценам и т. д.

Бросается, наконец, в глаза и ряд «мелочей», которыми сдобрена статья т. Спектатора. Так, например, рост цен на продукты сельского хозяйства об'ясняется следующим образом: «Рост цен на сельскохозяйственные продукты означает, что производство золота и других продуктов идет быстрее, чем производство сельскохозяйственных продуктов».

Это может быть и очень «просто», но, мягко выражаясь, недостаточно толково, убедительно и вразумительно.

Несомненный интерес представляет статья т. А. М. Гинзбурга—«Индустриализация СССР», в которой автор в очень удачной форме показывает пути индустриального развития нашего Союза и источник и ресурсы индустриализации. Нельзя не отметить в высокой мере заслуживающего внимания предложения в этой статье автора «более активного использования сбережений путем выпуска гарантированных промышленных акций».

Из числа статей первого раздела сборника надо особо отметить статьи: Э. Квиринга—«Основные задачи промышленной политики СССР», Б. А. Гухмана—«Динамика промышленности России в связи с динамикой народного хозяйства», В. И. Лаврова—«Мелкая и крупная промышленность в народном хозяйстве СССР» и А. А. Горева—«Электрификация в современных индустриальных странах».

Как совершенно правильно отмечает В. И. Лавров, «проблема индустриализации народного хозяйства СССР в направлении создания аграрно-индустриального типа нашей страны не может быть правильно разрешена только путем расширенного воспроизводства основного капитала в нашей крупной государственной промышленности; по целому ряду отраслей промышленности и в ряде районов с низкой структурой народного хозяйства мелкая и кустарно-ремесленная промышленность в ближайшие годы должна будет сыграть немаловажную роль в деле индустриализации СССР». К сожалению, это совершенно бесспорное, по сути дела, положение, не всегда достаточно твердо и ясно всеми понимается. В условиях ограниченности материально-технических ресурсов для индустриализации нашего хозяйства, в условиях наличия значительных кадров безработных в городе и свободных рабочих рук в деревне, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность еще долгое время не потеряет своего значения в хозяйстве нашего Союза, как известное дополнение к крупной государственной промышленности. Именно здесь, в мелкой промышленности, легче всего аккумулируются мелкие сбережения трудящихся, именно здесь найдет приложение значительная часть не втянутых в орбиту крупного промышленного производства свободных рабочих рук.

Из статей второго раздела сборника надо особо отметить статьи: Огановского—«Промышленность и сельское хозяйство», Канторовича—«Промышленность и товарооборот», Ришара—«Промышленность на рынке сырья», статьи Киселева, Постникова и Дезена.

В общем сборник представляет, несомненно, значительное явление в экономической литературе наших дней. Нельзя не отметить исключительно высокой цены сборника (7 р. 50 к.), делающей его мало доступным даже тем читательским кругам, на которые он рассчитан.

К. Розенталь.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.